

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

А.К. Салмин

ИСТОРИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА

Савирская гипотеза

Чебоксары 2016

ББК 63
УДК 9
С16

Научный редактор
заместитель директора по науке и развитию,
кандидат исторических наук Г.А. Николаев

Рецензенты:

Л.А. Таймасов, доктор исторических наук, профессор
Ю.В. Гусаров, кандидат исторических наук, доцент

Салмин А.К.

История чувашского народа: савирская гипотеза
/ А.К. Салмин. – Чебоксары: ЧГИГН, 2016. – 128 с.

В работе доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Музея антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН А.К. Салмина на основе последних достижений этнонимимики, истории, географии, этногеномики, антропологии, археологии, религии, языка и этнографии представлена савирская гипотеза происхождения чувашского народа.

На обложке: Этносы Кавказа в V–IV вв. до н.э.
URL://<https://www.google.ru/search?q=Ethnic+Caucasia>

ISBN 978–5–87677–209–1

© Салмин А.К., 2016
© Чувашский государственный
институт гуманитарных наук, 2016

Вопрос о савирах имеет перво-
степенное значение при разработке
этнической истории Кавказа.

[Фёдоров, Фёдоров 1978: 57]

ВВЕДЕНИЕ

В.В. Седов, В.П. Алексеев, В.И. Молодин, С.А. Арутюнов, В.В. Напольских и Петер Вереш обращают внимание на необходимость комплексного (или междисциплинарного) подхода в освещении этногенетических процессов. При всем превосходном исполнении частный взгляд, например археолога, на происхождение и формирование народа всегда ущербен. Во-первых, он охватывает отрезок времени и пространства. Во-вторых, оставляет в стороне все остальные аспекты исторического процесса. В результате к бесчисленным гипотезам прибавляется еще одна и поэтому не может претендовать на полноту убедительности [Алексеев 2009: 208–209]. Поэтому «в работах археологов совершенно необходим комплексный подход, а именно сочетание этнографических, лингвистических, антропологических данных и письменных источников» [Молодин 1985: 5]. По мнению В.В. Напольских, все «эти данные должны быть связаны друг с другом в рамках исторической модели» [Напольских 1997: 107]. Например, горные группы грузин, карачаевцы, балкарцы и осетины – классические представители высокогорной культуры. Но говорят они на разных языках. Однако некоторые из них (карачаевцы и балкарцы) перешли на современный их язык (тюркский) в историческом плане недавно. В то же время есть веские основания полагать, что предки перечисленных народов говорили на кавказских языках. Одновременно известно, что для центральнокавказских народов характерна особая комбинация антропологических черт. Таким образом, в данном случае

совпадают границы этнической и антропологической общности. Именно в силу указанных причин выдвигание на первый план данных только одной дисциплины всегда ущербно. Иногда антропологические данные остаются неизменными, сохраняется преемственность населения, но происходит смена языка и культуры [Алексеев 2008: 28, 155–156]. Конечно, чем дальше от исследователя отстоит время формирования изучаемой общности, тем уже и скуднее круг искомых источников [Арутюнов 1993: 92]. А это подталкивает на соблазн исходить из современной картины мира при поиске темных пятен истории. Иначе говоря, исследователь может оказаться в плену априорных суждений. Отсюда и до методологических ошибок рукой подать: появляется желание современное состояние источников наложить на древние истоки.

Несмотря на ратование за мультидисциплинарный подход в изучении этногенеза, ощутимых сдвигов в этом направлении не произошло. Каждый исследователь оставался преимущественно в своей ячейке.

В работе понятия «история», «исторический» подаются расширительно. Помимо собственно истории, автор по мере необходимости и по мере доступности пользуется доводами этнонимии, географии, этногеомики, антропологии, археологии, религии, языка, этнографии, искусства и фольклора. Таким образом, предпринята попытка исследования истории народа как единое целое, т.е. системы. Использование источников и трудов заведомо не этнографического и не исторического плана не говорит о желании автора этих строк взять на себя всю ответственность по этим дисциплинам. Из них используются источники и исследования преимущественно обобщающего плана. Они в монографии занимают место дополнительных дисциплин, призванных построить наиболее полную систему. При этом следует признать, что деление исторических фактов и событий, скажем, на чисто исторические и географические весьма условно и носит рабочий характер. Например, говоря о появлении колонии болгарских племен в начале нашей эры на армянской земле, невозможно разделять время от топографии.

Бурное развитие этногеномики и успехи в изучении генетической истории позволяют проникнуть в самые древние слои популяции человека. Как известно, индивидуальность генома проявляется на уровне не только отдельной личности, но и этнических групп и отдельных сообществ [Хуснутдинова 2013: 943]. Все маркеры ДНК с позиций популяционных исследований разделяются на три группы: маркеры митохондриальной ДНК (мтДНК), аутосомные маркеры и маркеры Y-хромосомы. «Полиморфизм этих маркеров определяется факторами микроэволюции (миграция, селекция, генетический дрейф, мутация). Однако характер их вариабельности по-разному отражает действие и результат этих процессов» [Хуснутдинова, Лимборская 2005: 313]. Достижения генетиков и антропологов последних лет неопровержимо свидетельствуют о Кавказе как об одном из наиболее важных путей миграции человека из Африки в Евразию. Так, Дарьяльское ущелье как древний путь через Большой Кавказ был известен грекам уже в VI–V вв. до н.э. По мнению исследователей, вклад горных путей через Большой Кавказ даже более ощутим, чем влияние по трассе вдоль Черного и Каспийского морей [Прокопенко 1998: 37]. Совершенно справедливо утверждение, что исследование генетической структуры народов Кавказа может послужить значительным вкладом в решение проблем этногенеза, истории и культуры не только самих кавказских народов, но и многих других, в частности народов Восточной Европы [Кутуев и др. 2010: 18–19]. В отличие от генетических маркеров, религия, язык, этнические особенности – явления изменчивые. Например, крещение Руси привело к коренным преобразованиям верований жителей Восточной Европы.

Основным термином в работе будет «племена». Как правило, изучаемые в работе племена, вовлеченные в поток Великого переселения, более цивилизованными соседями назывались варварами. Этот термин ничем по сути не отличается от греческого *ἔθνος*, использованного в Византии по отношению к тем же «варварским» племенам, т.е. не принявшим христианство. Аналогично тартары (= монголо-татары)

иноземцев, которых не уважали, называли варварами, говорили о них, что те видят одним глазом, а сами тартары – двумя [Витсен 2010: 4]. В то же время некорректно подменять термины «племя» и «варвары» понятием «народ», что часто встречается и у вполне серьезных историков. Поэтому «принципиально неверно переводить выражение *hominum genus* словом “народ”» [Анфертьев 1994: 141]. В таких случаях лучше подходят термины «род», «племя». Так, на тюрко-китайском двуязычном памятнике в честь Кюль-Тегина (730-е гг.) имеется, в частности, фраза: *Qayanin anta ölürtümüz elin altımız* «Их кагана мы там убили, а их племенной союз покорили» [Наделяев и др. 1969: 168]. Здесь слово *el* верно переведено как «племя, племенной союз». А для понятия «народ» в древнетюркском языке использовали слово *bodun*. К тому же при родоплеменном строе языковой фактор еще не мог играть этноразделительную роль.

Может вызвать вопрос и часто используемый в работе термин «сопредельные племена»: почему «сопредельные племена», а не часто используемое словосочетание «сопредельные территории»? Потому что в доисторические времена, в древности и Средневековье территории, занимаемые племенами и народами, как правило, не имели чётких границ. Более того, границы соприкосновений были «плавающими», менялись очень часто. Племена постоянно мигрировали, менялись также их наименования. Даже Великая Китайская стена в годы постройки была не более чем условностью, выполняя прежде всего не роль границы между государствами, а передовой оборонительной линии, вынесенной за рамки основных поселений. Что касается территорий, над которыми властвовал Атила, то тут имеются самые разные прикидки. По мнению одних, господство Атилы простиралось от Волги до Рейна, от Македонии до Восточного моря. Вторые утверждали, что царство Атилы тянулось по Дунаю и Черному морю от Моравии до Волги. В понимании Византийской империи границы – это, во-первых, пределы сферы деятельности ее администрации на землях, разделенных на римские провинции; во-вторых, это пределы стран, имеющих местных правителей,

но находящихся в сфере византийской юрисдикции. Однако и эти границы между эллинством и варварским миром были весьма условные, расплывчатые, к тому же часто менялись. Заклятые враги гунны и византийцы имели условленный район, предназначенный для дипломатических переговоров и торговли. Не было четких границ в Волжской Булгарии. В пространстве между Хазарией и Буртасией не имелось постоянных поселений. От Итиля до соседних буртасов лежали степи, для преодоления которых нужно было 20 дней пути [Бартольд 1973: 37; Ал-Идриси 2006: 120]. Кроме того, между племенами и народами (например, между хуннами и китайцами, гуннами и ромеями, булгарами и суварями) имелись нейтральные полосы. В IX – начале X в. расстояние между булгарами и башкирами, подчиненными Булгарии, составляло 25 дней пути [Бартольд 1968: 494]. Что касается термина «сопредельные территории», он используется, как правило, при исследовании сформировавшихся народов и государств. В принципе, можно было пользоваться и термином «сопредельные территории», но тогда работа приняла бы историко-географический крен. А автору хотелось, чтобы в исследовании было больше историко-этнографических сюжетов.

Естественно, в процессе этногенеза племена трансформируются. Причин много: нашествие более мощных соседей, разделение по родовым коленам, массовое принятие другой религии. Например, исламизация египтян и превращение их в египетских арабов. Аналогичная трансформация произошла в истории булгар. Поэтому априорное увлечение булгарскими истоками предков чувашей, а заодно прямая идентификация булгар с древнетюркским миром приводят к весьма ненаучным обобщениям.

При изложении содержания автор старался следовать первоисточникам и оригинальным мыслям, высказанным предшественниками. Меня могут упрекнуть в долгом цитировании, однако это лучше, чем «родить» сомнительные факты и события самому. В конце концов, цитирование – это обращение к оригиналу, тем более если это первоисточник. Изложение первоисточников и критической литературы по теме

проводятся в целях выяснения генетических и контактных связей предков чувашей с упоминаемыми племенами и народами. Такую многотрудную работу необходимо было сделать в целях системного изучения достоверного материала. Для выяснения исторической правды важно знать, в каких годах, где, с какими племенами имели контакты изучаемые племена. Изучение истории исторических соседей необходимо для установления и корректировки истории самих предков чувашей. Ведь контекстное изучение источников увеличивает их информативную отдачу (термин Н.Н. Крадина [2001: 8]). Задача настоящего исследования – систематизировать имеющиеся по теме источники и литературу и вывести из них адекватное заключение.

Естественно, факты – это кирпичики истории. Однако настоящее исследование предполагает и осмысление фактов, и предварительное умозаключение, вытекающее из приведенных фактов. Насколько удалось автору разрешить поставленные задачи – судить читателям. А вообще, изучение запутанной истории чувашей – занятие труднейшее. Не зря академик Венгерской академии наук Андраш Рона-Таш назвал одну из своих работ «*Nutshell Chuvash*», сравнив объект изучения с крепким орешком. А Питер Голден обсуждаемую тему называет самой запущенной [Golden 2011: 146]. Вместе с тем следует помнить, что «в современном мире историк и этнолог неизбежно являются одними из ключевых фигур этнонационалистического дискурса, и это накладывает на них огромную ответственность» [Шнирельман 2002: 145]. При изложении исторических фактов мы должны исходить из сегодняшних реалий, когда российский народ представляет уже единую нацию. Естественно, решительной датой оказался 1721 г., когда Петру I был пожалован титул императора.

Хронологический диапазон исследования событий – с V в. до н.э. до середины XX в., хотя отдельные факты охватывают эпоху с древнейших времен по сегодняшний день. Однако более ранние источники, увы, пока не поддаются достоверной идентификации. Хотя желание войти в мир более ранних предков и усердия по его реконструкции в работе

предпринимаются. Однако оставим явно «темные места» такими, как есть, чем излагать нелепые суждения. Ведь не дано объять необъятное. Объективно, в работе больше внимания уделяется событиям I тысячелетия н.э., ставшими решающими в судьбе исторических предков чувашей.

САВИРСКАЯ ГИПОТЕЗА

Гипотеза – это научное допущение или предположение. Этот метод помогает не только накапливать и систематизировать эмпирический материал, но и уточнять и конкретизировать теории. Научная гипотеза всегда выдвигается с целью объяснения новых экспериментальных данных либо устранения противоречивой теории. Таким образом, выдвижение гипотезы, в конечном счете, оказывается необходимым историческим и логическим этапом становления другой, новой гипотезы. Она обеспечивает прогрессирующий рост научного знания. Гипотезы и другие развитые формы теоретического знания применяются для отражения сложных процессов объективной реальности [Меркулов 2010: 528–529].

Есть утвердившееся мнение, что предки чувашей известны как *савиры/сувары* [Булатов, Димитриев 1962: 226–236; Каховский 1972: 200–217; Таймасов 2001: 7–33; 2011: 140–141; Мухамадиев 2011: 80, 86; Salmin 2014]. Хотя тезис и остается открытым, он содержит достаточную почву для историко-филологических разысканий. Проблема в том, что до сих пор активно бытуют две основные версии происхождения чувашей – болгарская и суварская, но в последние годы вторая версия приобретает более достоверные черты. Чтобы проверить истинность той или иной версии, нужны аргументы в виде системы фактов. Их и попытаемся анализировать в работе.

Этнонимика. Этноним *саспиеры* в формах *Σάσπειρες*, *Σασπείρων*, *Σάσπειρσι*, *Θεσπιέες* зафиксирован в V в. до н.э. в «Истории» Геродота шесть раз [Hérodote 1995: 130,134; 1967: 142; 1985: 69; 1989: 115]. В форме *Σάλπειρες/Σάλπειρας* (*сапейры*) имеет место в «Аргонавтике» Аполлония Родосского, это первая

половина III в. до н.э. [Apollonios 1986: 75,110]. В первой половине II в. н.э. Клавдий Птолемей зафиксировал этот этноним как *Σάβαροι* [Ptolemae 1843: 171]. У греческого грамматика Элия Геродиана (первая половина III в. н.э.) имеет место *σάβεϝ/σάβειϝ* [Guiliemi 1823: 51]. Сапиров в IV в. н.э. упоминает Псевдо-Орфей в своем произведении «Поход аргонавтов» [Псевдо-Орфей 1948: 268]. В «Римской истории» Аммиана Марцеллина этноним зафиксирован в форме *Sapires* (это – 361–362 гг. н.э.) [Ammianus 1970: 26]. Стефан Византийский в V в. писал: «*Сапирь* (*Σάπειρες*) – народ Понтийской области, ныне называемый через β – *сабирами* (*Σάβειρες*)». В другом месте у него находим варианты *Σάπειϝ* и *Σάσπειϝ* [Stephan 1849: 166, 555]. Несомненно, речь идет об одном и том же племени – *сапирях* / *савирах* / *сабирах*. Просто византийцы произносили вместо звука *v* звук *b* (не *Византия*, а *Βυζάντιο*, не *варвар*, а *βαρβάρ*). В большинстве старых славянских заимствований из греческого языка эта буква передаётся звуком [v], например, *Βασίλειος* – *Василий*. Обе формы позже отражены в византийских источниках. О том, что *v* и *b* являются фонетическими вариантами, писали и другие исследователи [Németh 1991: 150,153, 265]. Например: **tāvā* → **tābā* «верблюды». У Ксенофонта (ок. 430–355 гг. до н.э.) встречаем армянский антропоним *Сабарис* – так звали младшего сына армянского царя [Ксенофонт 1993: 58]. Тут надо учесть, что имеем факт персидского влияния + греческое окончание *-ис*. В целом, историки идентифицируют этнонимы *Σάπειρες*, *Σάσπειρες*, *Σάβιροι*, *Sapires*, *Savares*, *Saviri* [Буданова 2000: 335, 342, 345].

Этимон слова *сапир/савар/савир/сабир/сувар* происходит от персидского *sāvar* «всадник, наездник, умелый» [Миллер 1953: 294]. Состоит из двух морфем, арийский корень *ar/ir* имеет значение «двигаться, передвигаться» (т.е. кочевать) [Стеблин-Каменский 2009: 9]. В целом, *sāvar* означает «передвигающийся верхом». Притом следует учесть, что передвижение на колеснице предшествовало верховой езде. В османском диалекте слово приняло форму *сўвар* [Радлов 1905: 851]. В сасанидском войске имелись привилегированные

корпуса *асавира* (*asawîra*), в новоперсидском языке – *sawâr/suwâr*, *asâwira*. Их набирали из аристократического сословия, и они составляли основную ударную силу. *Асвары* находились в постоянной боевой готовности. Так, в 32 г.х. (654 г.) эмир ал-Ахнав б. Кайса написал наместнику персидских шахов в Армении Базану, а также всадникам (*асавирам*) и иранцам с предложением вместе с всадниками принять ислам [Ат-Табари 1987: 34]. Из письма ясно, что всадники *асавиры* занимали в персидском обществе привилегированное положение и от их приверженности зависел успех государства. Позже под словом *асвар* понимали «храбреца». Из истории Персии также понятно, что *асавира* (*asawîra*) и *асавар* (*asavar*) – грамматические варианты одного слова. Поэтому следует констатировать, что форма *Σάβαροι* (= перс. *sawâr*) в птолемеевской фиксации является фонетическим вариантом слова *савиры*. Аналогичная точка зрения была высказана еще в XIX в. [Забелин 1876: 371]. Кстати, Юлиус Немет писал о трех этнонимах венгров, под которыми они были известны соседним племенам – *оногуры*, *тюрк* и *савар* [Немет 1963: 131].

В основном фонде современного чувашского языка множество слов на *-ар*, *-ир*, *-ас*, *-аш*. Например: *кавар* «уговор, заговор» (от тюрк. «восставший», угор. «смешивать»), *янавар* «животное, несмышленный» (от перс. *джанвâr* «имеющий душу»), *кâвар* «жар, горячий уголь» (от иран. *хвар* «солнце, огонь»), *чукмар* «дубина» (от звукоподр. *чок*), *Пухампар* «название божества» (от перс. *пэйамбар* «пророк, посланник»), *хыпар* «весть» (от араб. или перс. *хâбар* «весть»), *масар* «кладбище» (от араб. или перс. *мâзар* «могила, место посещения»), *пасар* «базар» (от перс. или араб. *базар*); *кавир* «ковер» (ср. название пустыни *Кавир* в Иране), *кашешмир* «кашемировский», т.е. изготовленный из пуха горной козы (Индия, Иран, Афганистан), *пâхаттир* «богатырь» (от др.-монг. *баһадур* и перс. *пâһлâван*), *кефир* «кефир» (ср. мегрел. *kipuri*, балкар. *гэрэ*, осетин. *кæрукæри*); *палас* «палас» (от перс. *пâлас* «грубый шерстяной ковер без ворса»), *атлас* «атласный» (от араб. *atlas* «гладкий»); *йâваши* «тихий, смирный» (от перс. *йâваши* «тихий») [Егоров 1964; Скворцов 1985; Желтов и др. 2009].

В этом же ряду этнонимы *авар, кавар, сáвар, болгар, хазар, балкар, чáваши*. Большинство слов из данного ряда восходит к персидскому языку. Одновременно этот длинный ряд слов свидетельствует об историческом переходе звуков $p \rightarrow c \rightarrow ш$ в этнонимике. В нескольких кавказских языках (в табасаранском, агульском, рутульском, будухском, лезгинском, крызском) показатель множественного числа имеет облик *-ar/-ár*. А в хиналугском и удинском языках аффикс множественного числа представлен в варианте *-r*. Однако такая же картина встречается в чувашском языке: *эñ* «я» + *-p* = *эñр* «мы». Эта форма в чувашском языке раньше могла встречаться чаще [Дёрфер 1986: 111–112].

В армянских источниках (Иоанн Католикос и др.) встречается форма *севордик*. Народная этимология гласит, что *севордик* значит «черные дети». По поводу такой этимологии крупный знаток армянской истории, этнографии и филологии Кероп Патканов (Патканян) недоумевал и признавал: «Не знаю, почему... Едва ли так» [Патканов 1877: 51].

Римские, греческие, иранские, армянские, сирийские и арабские авторы писали об этом народе, искажая этноним каждый на свой лад. В древних и средневековых рукописях этноним передавался через согласные *с, в, р*, где гласные звуки восстанавливаются исходя из правил консонантизма. В сочинении Ибн Хордадбега, у Иосифа и в подлинном документе хазарских евреев Киева так и написано – SWR [Прицак 2003: 56]. В связи с распадом в 658 г. Западнотюркского каганата в северо-восточных предгорьях Дагестана на основе раннефеодальных отношений образуется государство Сувар со столицей Варачан. Эту дату следует считать датой перехода этнонима *савир* на *сувар*. Должно быть, смещение произошло из-за арабско-исламской экспансии на Кавказ (ср. арабские антропонимы и топонимы *Сувар*).

На языке гебров рассматриваемый этноним имел форму *sâvîr*, а тюрки называли их *s^abîr* [al-Masûdî 1894: 83; Golden 2013: 52]. Вариант *s^abîr* означает «допустимые, терпимые, сносные», что, впрочем, вполне согласуется с поговоркой: *Чáваши – йáваши* «Чуваш смирный, кроткий». Ему соответствует

чувашское слово *сапър* [*сабър*] «тихий, смиренный, кроткий», а также уйгурское *жабаши, жаваши* «мирный, смиренный, кроткий», османское *жәбаши* «спокойный, тихий», телеутское *joboш* «смиренный, кроткий», караимское *жуваши* «смиренный, тихий, мягкий», шорское *чобаши (joboш, жуваши)* [Радлов 1905: 278, 290, 445].

Эти же племена арабы называли *савардийа*. Йозеф Маркварт писал о савирах и мадьярах как об одном народе – *Sevordik' (Magyaren)* [Marquart 1903: 428]. Дюла Немет указывал, что венгры были известны под этнонимом *savardi*. Этноним *savardi* он отождествлял с этнонимом *savir* [Németh 1929: 81–86; Дмитриева, Адягаши 2001: 62–63]. Этот этноним в форме *savard* сохранился и в собственно венгерской традиции, а именно в старом личном имени *Zuard/Zoward/Zovard*. В.П. Шушарин полагал, что саварты – это мадьярские племена, оставшиеся на востоке, в так называемой Великой Венгрии [Шушарин 1997: 112, 157, 159]. Если в термине Константина Багрянородного *саварты-асфалы -т* примем за условно допустимый древнетюркский аффикс множественного числа [Мухамадиев 2011: 60], то слово *Σάβαρτοι* будет означать *савар* + тюркский аффикс множественности + еще аффикс множественного числа *-oi* из греческого языка.

Ибн Фадлан вполне отчетливо упоминает племя *сувар/суваз* (سوان) в составе Волжской Булгарии. Отъехав с зимней стоянки, Алмуш «захотел, чтобы произошла перекочевка (племен), и послал за народом, называемым суваз, приказывая им перекочевать вместе с ним. (Они) же отказали ему. И (они) разделились на две партии» [Ибн Фадлан 1956: 139]. Р.Г. Фахрутдинов верно полагает, что Ибн Фадлан писал о суварах, а не о сувазах [Фахрутдинов 1986: 97]. По мнению Питера Голдена, сувары Поволжья имеют (родственные) связи (to be connected) с сабирами (савирами/саварами), которые ассоциируются с Северным Кавказом [Golden 1980: 87; 2008: 235]. А.П. Смирнов писал, что упоминаемые Птолемеем савары, откочевавшие из района р. Кубани савиры и основавшие г. Сувар на Средней Волге сувары есть одно и то же племя [Смирнов 1951: 11]. Прямую историческую связь между

этнонимами *savar*, *savir*, *savir*, *sabir*, *sabar*, *suvārin*, *suvār* и мадьярскими антропонимами *Szavárd*, *Szovárd*, *Zuard* видел Дюла Немет. Согласно его мнению, вариант мадьярского этнонима *szavardi* также является производным от этнонима *sabir* [Németh 1991: 17, 131, 150]. М.Р. Федотов на совокупности приводимых предпосылок утверждал историческую преемственность марийского *сувас* (*suvas*) и чувашского *чăваш* (*t'šăvaš*) [Федотов 1996: 399]. О преемственности этнонимов *savir* → *сувар* → *чуваши* писали и другие исследователи [Март 1935: 401; Новосельцев 1990: 97; Димитриев 1993: 22].

Слово *савардū* имеется и в словаре Махмуда ал-Кашгари. Оно дается в контексте: *'Ардам йимā савардū 'ажун бакī жартилур* «Люди этой эпохи утратили добродетели с уходом Правителя мира (т.е. 'Афрāsийāба)» [Ал-Кāшгари 2005: 773]. В данном предложении *савардū* имеет смысл «добродетель». Соответствует чувашскому слову *сав* «любить, ласкать». Эта форма также есть в словаре Махмуда ал-Кашгари: *'Ул манī савдū* «Он полюбил меня» (3306) (чуваш.: *Вāл мана саврē*); *Билик 'арī йāгисии иāлик савār* «Зачем умному человеку любить своего врага?» (6462). Таким образом, у слова *savardi* из словаря Махмуда Кашгарского чисто чувашский корень, означающий «любить, ласкать». В армянских и арабских средневековых источниках им обозначали племя с семантическим смыслом «любящие, добродетельные». Видимо, мы имеем этноним предков чувашей в тюркском варианте.

В поэме Юсуфа Баласагунского «*Qutadγu bilig*» (= чув. *Хйтлā нёлў* «знание, приносящее счастье», XI в.) зафиксированы арабские термины *sabir* и *sabur* в значениях «терпеть», «терпение». В чувашском языке арабское слово сохранилось в виде *санār* «тихий, смирный, кроткий». Производные значения – «миролюбивый, деликатный, снисходительный». В татарском – *сабыр*. У Махмуда Кашгарского говорится также о наречии (т.е. племени) *сүвārйн*. Он же зафиксировал город *ас-Сүвār*, расположенный вблизи *Булгār* [Ал-Кāшгарī 2005: 409]. По поводу названия города Сувар В.В. Бартольд сделал существенную оговорку, приняв его как название племени

[Бартольд 1968: 66]. Аналогичного мнения придерживаются многие исследователи [Смирнов 1951: 26].

В рукописи марокканского географа ал-Идриси (сочинение написано в 1154 г.) говорится: «Буртасы следуют за хазарами, и нет между ними и хазарами другого народа. Они имеют деревянные дома, а также войлочные палатки. У них два города – Буртас и Сувар» [Ковалевский 1954: 25]. Пока оставим выяснение историко-этнографических обстоятельств и уточнение местоположения этих городов, а лишь заметим, что в 1154 г. зафиксировано название города Сувар, передающее название одноименного племени. Естественно, слово *сувар*, как и *булгар*, было в одно и то же время и названием племени, и названием города. Весьма примечателен и взгляд Йоханнеса Бенцинга, который считал, что этноним *savar* (чув. *sāvar*, тат. *suar*) может представлять собой результат фонетического развития этнонима *sabir* [Бенцинг 1986: 26]. Он связывает в единую линию с этнонимом *sāvar* и имя *Savar*, зафиксированное в 1322 г. на могильном камне в Болгарии (*Savar ivli Ağnab* «Агнаб – сын Савара»). Ср. с зафиксированным Птолемеем вариантом *савар*.

Чуваши-сувары как народность сформировались в Волжской Болгарии, а завершился этот процесс на правом берегу Волги в X–XV вв. С начала же X в. в Волжскую Болгарию входили черемисы, вотяки, мордва и русы. Следы суварских субстратов сохранились до сих пор в Чувашии в виде топонимов. Например, в Красноармейском районе имеется д. Супар (в произношении *Субар*). В числе зарегистрированных чувашских антропонимов есть такие, которые прямо указывают на этнический состав Волжской Болгарии: *Булгар*, *Савир*, *Савирка*, *Саврик*, *Саврила*, *Чуваш*, *Ахван*, *Аварин*, *Авер*, *Хосар*, *Касар* и др. [Магницкий 1905].

После 922 г. *сувары* как автономный этноним исчезают из письменных источников. Тут не берем в счет возникшие раньше и продолжающие сохраняться топонимы и нумизматические памятники. Из «Слова о погибели Русской земли» известно, что буртасы, черемисы, веда и мордва бортничали на великого князя Владимира (970–988 гг.) [Слово 1969: 326]. Упомянутый здесь

народ веда, располагаемый между черемисами и мордвой, несомненно, чувашаи. Затем присутствует этот термин в форме *Веда-Суар* на карте Фра Мауро от 1459 г. на месте нынешнего города Чебоксары. *Веда* – искаженное чувашское слово *в́та* «средний», *Суар* – вариант этнонима *сувар*. В Чувашии и ныне множество названий населенных пунктов, содержащих слово *в́та*: *В́та Пукаш*, *В́та Унакасси*, *В́таел* и т.д. Основателями населенного пункта Веда-Суар были рыбаки – предки чувашей. По поводу нынешнего названия Чебоксар – *Шупашкар* – Н.Я. Марр писал: «Очевидно, этот „Шубаш-кар”, т.е. город шубашов или суваров, – тот город эпох болгарского владычества, который арабские географы называют *Suvār*’ом, т.е. чувашем» [Марр 1935: 369]. Заметим: признавая однозначность *шупаш* и *сувары*, Н.Я. Марр одновременно указывал на переход звука *p* в *ш* в конце этнонима. Он также идентифицировал этнонимы *сувар* и *чуваш*.

Как утверждал Карл Фукс, в 1469 г. впервые появляется этноним *чуваш*. В этот год хан Ибрагим провел перепись земли Казанского ханства. Согласно ей, к жителям нагорной стороны, к горным людям, причислены чувашаи, черемисы, мордва, можары и тарханы. Карл Фукс при этом сослался на Полное собрание русских летописей. Сама ссылка выглядит так: «Сузд. VI. 234. Царств. кн. 772» [Фукс 1914: 4]. Однако ни в указанных местах, ни по ПСРЛ в целом упоминание чувашей под 1469 г. не зафиксировано. Видимо, Карл Фукс располагал неопубликованным документом, пока нами не обнаруженным, например оригиналом или копией ярлыка, принадлежавшего самому хану Казани Ибрагиму. Тем не менее есть основание именно 1469 г. считать временем первого письменного упоминания чувашей. Источниками являются летописи. В них имеется запись, сделанная в 1469 г. под названием «Послал князь велики судовую рать на Казань». Это – повествование о походе российских войск на Казань по Волге. Накануне и после боя московские суда останавливались «на Ирыхове острове на Волзе» [ПСРЛ 8: 156; 12: 122; 18: 222]. К тому же по пути из Новгорода в Казань московские войска «начевали на Чебоксари, а от Чебоксари шли день весь да и ночь ту всю шли и приидоша

под Казань» [ПСРЛ 12: 121; 18: 221; 22,1: 472]. Согласно Софийской и Львовской летописям, в 1470 г. русские войска под предводительством Ивана Руно также встали «на Ирыхове острове на Волзе» [ПСРЛ 6,2: 168; 20,1: 281]. В Патриаршей летописи говорится о событиях 1552 г.: «на Волге у Ирохова острова» [ПСРЛ 13: 175]. Исследователь истории чувашей В.Д. Дмитриев справедливо принимал слово *Ирых* за название чувашского божества *Йёрёх*. Расположен *Йёрёх утравё* «остров *Йёрёх*» в 20 верстах выше Казани [Дмитриев 2003: 44]. Действительно, слово чисто чувашское, будь оно татарское, мы бы имели *Ирык* вместо *Ирых*. Таким образом, следует утверждать, что в 1469 г. в 20 верстах выше Казани по Волге зафиксировано чувашское название острова. Видимо, на острове люди не жили. Он служил чувашам святилищем для совершения молений. Несколько выше по Волге напротив поселка Шомиково было еще одно аналогичное островное святилище – под названием *Амаксар*, затопленное после ввода в строй Чебоксарской ГЭС в 1980 г.

Второе (непосредственно – первое) описание событий близ Казани, в которых зафиксирован этноним в форме *чуваши*, выглядит так: «Тогда же нечестивый царь, со всеми своими князи и мурзы, и со многим поганским народом, не токмо живущими во граде, но и из дальних мест пришедшими, изшед из града в поля, стояше в шатрах около града, во время праздника своего поганского, нанже прихождаху народы татарские и черемисские и чувашские, и пребываху ту пиюше и веселящесе многи дни, и куплю между собой деюще. Воинство же российское в то самое время нападоша на поганых, идеже многих побиша и вся становища их плениша» [Лызлов 1787: 96]. Историки С.Х. Алишев и В.Д. Дмитриев обоснованно считают, что описываемое событие произошло не в 1508, как подается в литературе, а в 1506 г. [Дмитриев 2001: 45]. Действительно, московский великий князь Василий III в апреле 1506 г. отправляет войска, которыми командовали его брат Дмитрий Иванович, воеводы Ф.И. Бельский и А.В. Ростовский. В мае эта армада достигает Казани и вступает в бой.

В третий раз этноним *чуваши* зафиксирован в 1510 г. в «Жалованной льготной и несудимой грамоте Василия III каринскому татарину Девлечьяру Магмет Казыеву сыну на деревни в Чепецком стане Хлыновского у.» (РГАДА, ф. Уфимской приказной избы, оп. 1, д. 862: 9–10) [Гришкина 1988: 35–36]. В документе говорится, что в Чепецком стане «жили наши люди чюваша на Якимцове и на Иштинникове».

Затем форма *чюваш* упоминается в летописях и царских жалованных грамотах под 1524, 1548 и 1551 гг. [ПСРЛ 6: 307; 31: 127; Акты 1836: 209]. В 1552 г. всплывает летописное упоминание об острове *Иерех* в связи с казанско-московскими взаимоотношениями. Говорится о событиях «на Волге у Ирохова острова» [ПСРЛ 29: 71,170]. В «Списке с писцовых книг по г. Казани с уездом» за 1567 г. также упоминается Ирехова заводь у р. Волга на месте впадения речки Сумка [Невоструев 1877: 73]. На современной карте это примерно г. Зеленодольск.

Таким образом, пока выстраивается следующая сокращенная схема происхождения этнонима *чъваш* «чуваш»: *састир* → *сапейр* → *сапир* → *савар* → *савир* → *сабир* → *сувар* → *сувас* → *суваш* → *чъваш*. Пример из словаря В.В. Радлова: *Кірăк суваш, кирăк чірмӓш, кирăк ар, кирăк нидӓ киши булсын барысыда алланың, мӓндӓлӓри икӓн!* «Будь это чуваша, черемисы, вотяки или другие какие-либо люди, все они рабы Божии» [Радлов 1899: 1354–1355]. В.В. Радлов зафиксировал и этноним в форме *чъваш* [*чъваш, съваш*] [РАН, ф. 177, оп. 1. 107 : 2833]. По мнению Н.И. Ашмарина, слово «чуваш» последовательно прошло через стадии: *жуас, суас, цуас, цуаш* (*чуаш*), *цываш* (*чываш*) [Ашмарин 1902: 132]. О.Г. Большаков также считает верной указанную схему. В частности, он уточняет, что арабское *с* часто заменяет отсутствующий в арабском языке звук [ч], отсюда: *сувас* → *чуvas* → *чуаш* [Большаков 1971: 67]. Башкиры и татары до сих пор называют чувашей *сыуаш* или *чуаш*. Разбирая упоминание названия города *Сувар*, И.Г. Коновалова замечает, что «начальное *сад* в слове *Сувар* у ал-Идриси можно рассматривать как передачу звука ч, отсутствующего в арабском языке» [Коновалова 2006:

244]. Дело в том, что, изучая арабские источники, мы фактически учитываем только письменные начертания, а не их произношение. Ссылаясь на надгробные памятники Волжской Булгарии, Азгар Мухамадиев отмечает, что буква *с* обычно пишется оригинальным образом – с тремя точками внизу. Это явный признак того, что данная буква имела своеобразное произношение между буквами *с* и *ч* [Мухамадиев 2011: 87]. Здесь уместно замечание Питера Голдена, изложенное в письме к автору этих строк от 12.VI. 2014 г.: «В арабском, древнееврейском и сирийском языках отсутствует фонема “ч”. “Ч” передается через букву “ц” (древнееврейская צ, или арабская *Ṣ* ص так называемая эфамтическая “с” – похожа на русский “с” перед “ы”) из семитских языков, арабский сохраняет более древнее произношение *Ṣ*. В древнееврейском и сирийском, быть может уже на рубеже нашей эры, *Ṣ* стали произносить как “ц”. В X в. арабский “гим” стали произносить как “джим” (ج). Раньше арабоязычные источники передавали тюркские имена/титуты вроде *külčur/külčor* как *کورصول* (*kūrṣul*) – *ṣ* передает “ч”». Сюда же относим фонетический пример чередования *с* → *ш*: *суваз/сувас* → *чуваш*, а также *салам* → *шелом*. В.Г. Егоров, сопоставляя *сувас*, *шупаш* и *чуваш*, определил особенности языка предков чувашей, в котором, как и в марийском языке, преобладали звуки *ш* и *ч*. По всей вероятности, писал он, и самое название племени *сувас*, *суас*, вследствие преобладания в марийском языке шипящих звуков, приняло форму *чуваш* (*сувас*, *суас* > *шувас*, *шуас* > *шуваш* > *чуваш*) – [Егоров 1971: 10; 1954: 19–21]. Как видим, происходил исторический процесс перехода звука *с* в *ш* и *ч*: *сувас/суваз* → *суваш* → *чуваш*. Об этом же свидетельствуют китайские и монгольские источники начала XIII в.: *Сибир* → *Шибир*.

В длинном ряду языковых различий *з* – *р* и сам этноним *суваз/сувар*. А.П. Ковалевский верно назвал их диалектными различиями [Ковалевский 1956: 21, 35]. Вместо *з* и *р* в арабской графике мог быть и звук *н*, *суван* – это третий вариант этнонима. Впрочем, именно этот вариант чтения считают правильным некоторые казанские исследователи, например Р.Г. Фахрутдинов [Фахрутдинов 1986: 97]. Действительно,

аналогичные варианты в истории встречались. Например: *tatar* ~ китай. *дaтaнь* или *тaнь-тaнь*; *taḫwâr* ~ китай. *дaвaнь* или *дaюaнь* «тохары». Среднекитайский *-нь* часто передается как *-р*. Форма *суан* встречается у Приска Панийского. Характеризуя события 468 г., он, в частности, писал: «Римляне и лазы были в сильном раздоре с суанами (*Σουάνων*). Этот народ (суаны?) готовился к бою. Когда персы хотели воевать с ним (лазским владетелем?) за замки, отнятые у них суанами, то он отправил посольство к царю (византийскому) и просил, чтоб выслано было к нему войско, охранявшее пределы Римской Армении» [Prisc 1829: 164–165]. У Менандра суаны (*Σουάνων*, *Suani*) также имеют место. Комментаторы Менандра называют суанов близким по происхождению к лазам племенем (*Suani, gens Lazis finitima*) [Menandr 1829: 225,407; Дестунис 1860: 339–365]. Интересно отметить, что форма *суаны* является также вариантом грузинского рода *сваны*. Возможно, это экзоэтноним савиров. Сюда же отнесем *Суанию* (*Сванетию*). Лингвисты указывают на ряд грузино-чувашских соответствий, например груз. *шен* «ты» и чуваш. *сан* «твой», грузин. *ме* «я» и чуваш. *ман* «мой» и т.д. По-моему, Г.Ф. Миллер необоснованно считал ошибкой написанную Ф.И. Страленбергом фразу *rudera urbis Bulgan* «остатки города Булган». Он полагал, что у Страленберга погрешность: надо было, как и восточные авторы, писать *Булгар* [Миллер 1791: 4–5]. Однако, скорее всего, Ф.И. Страленберг в начале XVIII в. зафиксировал редкий факт написания названия столицы Волжской Булгарии в форме *Булган*, т.е. мы имеем пример фонетических вариаций консонантных звуков *р – з – н*. К тому же в арабской графике все эти буквы имеют сходные начертания.

Булгары называли своих соседей экзоэтнонимом *сувазы*, вариантом которого являлся этноним *сувары*. Зигизмунд Герберштейн в первой половине XVI в. использовал две формы: *Zuwaschi* и *Czubashi* (*w = b*) [Герберштейн 1988: 170]. Притом исконной следует считать транскрипцию вариантов этнонима с буквой *в*, чем транскрипцию с буквой *б*.

Старой чувашской формой этнонима был **šăvaš/çăvaç* «жертвоприносите́ль», как пишет Н.И. Егоров. Он полагает, что

старочувашская форма *šávaš в конечном итоге восходит к древнетатарскому апелятиву *jaušĭ «жертвоприноситель» (< jau «жертвоприношение» < jaу- «приносить жертву») [Егоров 2012: 38–39; 2009: 156]. Против такого видения выступал В.Д. Дмитриев: «Даже остепененные чувашские филологи стали утверждать, что этноним чăваш произошел от созвучного ему слова çăва “могила”, означающего якобы язычника» [Дмитриев. Фальсификация]. Тем не менее, с фонетической точки зрения (ç → ч) взгляд Н.И. Егорова (çăваç → чăваш) вполне допустим. Выступление фонемы ç вместо тюркских фонем й~ж~жç~дь~ч – особая характерная черта чувашского языка [Баскаков 2008: 106]. По мнению Р.Г. Ахметьянова, šüäš → чюваш → чуваш могло означать «крестьянина, земледельца». С таким видением соглашается Д.М. Исхаков (ссылка на рукопись Р.Г. Ахметьянова). Он считает, что šüäš в Казанском крае функционировал как обозначение оседло-земледельческого тяглого населения («черные люди») и вполне могло быть использовано как этническое определение [Исхаков 1998: 94, 95].

Имеются и другие, но сомнительные версии об этнониме сапиры/савиры/сабиры. Например, происхождение от сап- «сбившиеся с пути, т.е. заблудившиеся, номады». Так считал Дюла Немет. О том, насколько эта версия приемлема, говорит его же другое предположение: этноним (népnév) csuvas (t'šávaš) – из языка волжских татар d'živaš «тихий, скромный, мирный человек» [Németh 1991: 94, 97; критику см.: Golden 2011: 147]. Иначе говоря, Дюла Немет выдвигает две несовместимые версии. Андраш Рона-Таш считает форму суваз ошибочной, не увязывает предков чувашей и с этнонимом сабиры [Róna-Tas 1996; Дмитриева, Адягаши 2001: 156].

Соседние мордва предков чувашей звали ветке. Так, И.Г. Георги по этому поводу писал: «Чуваши, которые так называются ими самими и русскими, мордвинами называются Wiedke, а черемисами – Kurk Mari (горными людьми)» [Georgi 1776: 38]. Согласно Г.Ф. Миллеру, «и сейчас можно услышать, что мордва называет их Wiedke, каковое название, однако, впоследствии было перенесено на вотяков и на заселенную ими

реку Вятку» [Миллер 2009: 39]. Аналогично зафиксировано в «Географическом лексиконе Российского государства» [Полунин, Миллер 2012: 463]. В мордовских народных песнях чувашская земля называется *Веткень мастор*. Мордва, проживающая в Чувашской Республике (сёла Малые Кармалы и Атрать), также называет чувашей *ветке* [Мокшин 1978: 282]. Г.Ф. Миллер привел еще один вариант, согласно которому мордва называла чувашей *вьедене* [Миллер 1791: 33].

Во второй половине XVI в. многие чуваша из Казанской губернии были принудительно переселены в западные регионы европейской части России – в Новгородскую, Псковскую и Смоленскую губернии. Это был ответ на недовольство порядками царского правительства. На новых местах чуваша влачили жалкое существование и вскоре были ассимилированы. В этот период местное население называло их *чүвәшша*, а затем этноним в виде уничижительного прозвища (этнофолизма) было перенесено и на других людей в значении «неопрятный человек» [Даль 1982: 611].

Допустима версия, согласно которой *савиры* и его варианты – это экзоэтноним, а *чүвәш* – эндоэтноним. Так, в Армении имеется топоним *Чуаш* в виде названия гавара – одного из уездов у озера Ван [Иованнес 1986: 326; Багратуни 1971: 94, 12]. Топоним *Чуаш* зафиксирован и в связи с событиями 579–590 гг., когда сын Хосрова Ануширвана Хормизд вошел со своими войсками в Васпуракан и совершил много разрушений. В 904 г. умирает ишхан Васпуракана Ашот Арцруни. По свидетельству Товмы Арцруни, братья Ашота Гагик и Гурген разделили подвластную страну между собой. Гагику, в числе прочих, достался гавар Чуаш. В 908 г. остикан (приближенный персидского царя) Сбук двинул свои войска в пределы гавара Чуаш. Жители были настигнуты врасплох. Было совершено много грабежей и хищений, многих увели в плен. Гагик I Багратуни, видя, что ему не одолеть Сбука, отправил монаха с большим количеством даров и подношений к остикану Сбуку, прося у него мира. Тот принял предложение. Так прекратились набеги, страна зажила в мире и покое. В летописи повествуется также об андзевийском царе Деренике, которого

захватили в плен иноземцы. Его освободил от рабства храбрый военачальник Аблгариб. «Это произошло в армянской области Чуаш, в деревне Бак, граничащей с Васпураканом», – говорится в летописи [Спарамет 1974: 10]. Таким образом, в Армении VI–X вв. имеем название гавара *Чуаш*. Вполне допустимо, что название области происходит от эндоэтнонима *чу(в)аш*, чьим экзоэтнонимом был *савир*. Жителей гавара Ути армяне на свой лад звали *севордик* [Иованнес 1986: 162]. Видимо, часть савиров-чу(в)ашей осела в Армении и была окончательно ассимилирована. Именно форма *чуаш* сохранилась до сих пор в языке татар и марийцев по отношению к современным чувашам.

В русских летописях XVI в. под термином *чюваши* однозначно имеется в виду этноним, а не социальный слой без этнической определенности, как это хотят преподнести некоторые историки. Например: «Казанских людей побили многих и языков, татар, и черемисы, и чюваши» [ПСРЛ 6: 37]; «и на том бою многих князей и мурз и татар и черемису и чювашу избиша»; «И Магомет с товарищи государю били челом ото всея Горние стороны, от князей и мурз и сотных князей и десятных и чювашей и черемисы и казаков» [ПСРЛ 13: 44, 164]. Не следует видеть между летописным *чюваши* и этнонимом *чуваши* смысловых различий – они являются лишь фонетическими нюансами, которые невозможно было передать графически в XVI–XVII вв. Кстати, в документах XVII в. по Казанскому уезду (Зюрейская, Арская и Алатская дороги) присутствует не только форма *чюваши*: в одних и тех же рукописных книгах и спорных земельных делах писали *чуваши*, *чювас*, *чюваши*, *чювашенин*. Например, «чуваш Янус Ишеев», «чюваша дер. Ащермы», «чювасская земля», «чювашенин Чемейка Чепает», «чуваш д. Мереть», а также «дер. Чюваши» [Яковлев 1950: 11–25, 67]. В отписях, наказных памятях, грамотах, челобитных и других исторических записях 1656–1673 гг. также часты варианты этнонима *чуваши* в виде *чювас*, *чювашенин*, *чюваши*, *чювас* [Мустафина, Амерханова 2008: 16–56], например «чюваша турмышевские всею деревнею». В 1658 г. Онофрейко с сорока товарищами совершили разбой в д. Норваш (в нынешнем Батыревском районе) и забрали у

«чювашенинов» много добра, в том числе дорогие женские украшения *сарбаны* (*сурпан*), *кашпов* (*хушпу*) и *тафьи* (*тухья*). Следуя «логике» некоторых казанских историков и этнографов, в данном случае можно утверждать до смешного факт: оказывается, «чювашки-татарки» носили такие женские украшения, как *сурпан*, *хушпу* и *тухья*, а жили они в глубинной, чисто чувашской деревне. Тогда получается, что в это время в Казанской и Симбирской губерниях вообще не было чувашей, везде только татары. Вот такой абсурд. То, что *чуваши* – это этноним для этнических чувашей, признают и казанские исследователи [Исхаков 1998: 93]. *Чюваши* – всего лишь графическая передача звука *у* в этнониме *чуваши*. Кстати, эти же документы свидетельствуют о фонетических преобразованиях *с* → *ш* (*чувас* → *чуваши*). Говорить, что *чуваши*, *чюваши* и *чювашенин* – социальные термины или политонимы, просто нелогично, ибо они перечисляются наряду с другими этнонимами (*черемис*, *татар*, *татарин*, *татаровья*, *вотьяк*, *мещеряк*) в одних и тех же текстах. Например: «и чювашу, и черемису, и вотьяков» [Яковлев 1950: 163]. А также в документах уточняется религиозная принадлежность: «...а велено сыскать всякими многими людьми всякими сыски накрепко, рускими людьми по святей непорочной евангильской заповеди, а чувашею и черемисою по их вере по шерти» [Яковлев 1950: 151].

Согласно писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 гг., среди чувашей этого уезда (т.е. в непосредственной близости к Казани) были люди, обслуживавшие господское хозяйство («люцкие чювашские дворы»), одинокие крестьяне без земельного надела (бобыли), зависимые от помещиков крестьяне, платившие дань продуктами или деньгами, а также платившие исключительно натуральный налог (ясачные). Притом в этом уезде преобладали служилые татары и ясачные чувашеи. Их земли были размечены и четко разделены: «Направе земля и луги служилых татар, а налеве земля и луги ясачные чювашеи» [Степанов 1978: 104]. Служилых чувашей в Казанском, Свияжском и Чебоксарском уездах почти не было, ибо чувашеи, перешедшие из ясачных в служилые, тут же стали именоваться татарами. Не вызывает сомнений, пишет

А.С. Смирнов, ссылаясь на писцовую книгу 1602–1603 гг., что ясачными людьми в Казанском уезде на начало XVII в. являлись преимущественно представители чувашской народности. Имеются данные, что поместье служилого татарина Сабакая Еникеева, жившего с братом Чувашаем Еникеевым, ранее принадлежало ясачному чувашу Ондрюшке Мордвину. Выясняется, что имя брата служилого татарина – Чувашай, а фамильное прозвище – Мордвин [Смирнов 2014: 189]. Выходит, служилый татарин на самом деле – природный чуваш.

Незначительное количество служилых чувашей составляли князья *пў*, сотные *сёрпў*, десятные *вунпў*, а также тарханы и казаки. В основном – это новокрещенные чувашаи Свяжского и Чебоксарского уездов. Некоторые из них имели поместья в чувашских деревнях [Димитриев 2005: 53]. Как правило, служилые чувашаи тут же стали называть себя или татарами (до середины XVI в.), или русскими (после взятия Казани).

Служилые татары владели землями чувашей не только в Казанском уезде, но и на западе Чебоксарского уезда. Например, земли д. Чандырево в конце XVI в. принадлежали служилому татарину Ишею Наурусову и башкирскому князю Темигеню Муралееву. Естественно, в такой ситуации шел интенсивный процесс ассимиляции чувашей с более крепким в экономическом плане этносом, в данном случае – с татарами: резко увеличивается тенденция назваться татаринном, носить татарские имена, принять их религию. А желание современных казанских исследователей определить «чюваша» как татар – это уже лишь стремление закрепить «достижения» вынужденной ассимиляции. Ведь в тех же писцовых книгах *татары, чюваша, черемисы, вотяки, латыши и немцы* – понятия одного этнонимического уровня. «Чюваша» – это всего лишь фонетический вариант этнонима «чувашаи» в произношении русских. Именно этот вариант в основном фигурирует в русской канцелярской стилистике XV–XVIII вв. «Чюваша» – продукт казанских походов Московии, когда русскоязычные летописцы впервые вплотную сталкиваются с незнакомым этносом. Термин «чюваша» массово не употреблялся как до, так и после XV–

XVIII вв. На этот раз приведу только один документ. Он касается общеизвестного архитектора XVIII в. из чувашей П.Е. Егорова – автора многих шедевров Санкт-Петербурга и не только. В сохранившихся архивных источниках имеется переписка, связанная с его службой. Так, одно из дел называется «Гоф-интендатская контора: Дело № 3 по предложению Его Превосходительства генерала-лейтенанта и кавалера господина [В.В.] Фермора об определении в службу в Её Величества канцелярию из чуваш новокрещеного Петра Егорова в архитектурную науку». Это – 1755 г. Здесь далее имеются такие строчки: «Новокрещеной из чуваш Петр Егоров поданною наивысочайшее Ея Императорскаго Величества имя челобитною, объявляя, что он желает быть в службе Ея Императорскаго Величества архитектуры учеником, просит об определении в ведомство канцелярии от строени, а понеже о нем отставной артиллерии господин генерал-майор, князь Дадиан пишет ко мне с рекомендацією, что упомянутой Петр Егоров из чуваш и в малолетстве окрещен, и выучен при доме его грамоте читать, писать, арифметике, геометрии и отчасти малевать, и прилежен к учению, и никаких пороков за ним не присмотрено» [РГИА, ф. 470, оп. 4, д. 111: 1]. И далее: «Бьет челом из чуваш новокрещенон Петр Егоров, а в чем мое прошение, тому следуют пункты; 1. Родом я прежде был чувашенин» [РГИА, ф. 470, оп. 4, д. 111: 2]. Разумеется, во всех этих примерах речь идет о природном чуваше Петре Егоровиче Егорове – поистине исторической личности, который собственноручно писал, что он чуваш. В те годы в прописях и скорописях буква «ю» передавалась знаком δ (не путать со знаком ϵ , означавшим строчную букву «е»). Например, *чѳвашѳ* «чуваш», *ѳѳпашѳкиѳ* «чувашенин» или *ѳѳпашѳѳ* «чуваш» (в последнем случае использовано уже современное начертание буквы «ю»). Напомню: все эти примеры взяты из собственноручного обращения П.Е. Егорова к императрице Елизавете Петровне в 1755 г. Вскоре, уже со второй половины XVIII в., букву «ю» в слове *чуваш* заменяют на «у»: *чуваш*.

Исследователи готовы спорить о равнозначных фонетических вариантах, в то же время забываем, что в

историческом процессе этнонимы пережили трудно узнаваемые трансформации. Например: *да-да* → *татар*. Во всяком случае, между этнонимами *савир* и *чуваши* имеется прямая связь – и в историческом, и в этимологическом плане. Поэтому из-за графических особенностей XV–XVIII вв. историкам и этнографам выдумывать новые социальные слои и этнонимы, напрасно ломать копья не стоит.

Таким образом, этноним *чуваши* прошел длинный исторический путь трансформации в виде *савир* (*саспир*, *савар*, *сапир*, *сабир*) → *сувар* (*сувас*, *суван*) → *суваши* → *ч'аваши* (*t'š'avaš*). Такова судьба этнонима *чуваши* в лабиринтах времени. Как видим, вопреки расхожему мнению, что этнонимы не могут быть надежным источником в исследованиях по этногенезу, они отражают подлинную историю народа и даже указывают на хронологическую последовательность судьбоносных событий.

История. Как писал Геродот (ок. 484 – ок. 425 гг. до н.э.) в своей «Истории», ахеменидский царь Дарий I (522–486 гг. до н.э.) разделил Персидскую державу на 20 провинций (сатрапов). Учредив эти округа, он назначил в них правителей и установил подати по племенам. Столицей государства был г. Персеполь. В стране функционировала единая монетная система – золотой дарик весом 8,42 г, и серебряный шкиль весом 5,6 г. Матиены, саспиры и алародии входили в 18-ю провинцию. Они платили Дарию 200 талантов. Алародии и саспиры в походы выступали вооруженными, как и колхи, т.е. у них на головах были деревянные шлемы, они носили маленькие щиты из сырой кожи, короткие копья и кинжалы [Геродот 1993: 167, 168, 335; Тер-Саркисянц 2008: 58].

В 333 г. до н.э. Александр Македонский в бою при Иссе одержал победу над Дарием III, в результате чего Малая Азия оказалась потерянной для персов.

Примерно в первой половине III в. до н.э. Аполлоний Родосский писал о сапирах/сапеирах (Σάπειρες), «давно проживавших» рядом с племенами бехиров и бизеров [Apollonius 1986: 75,110]. Речь идет о землях к югу между Понтийской Каппадокией и рекой Чорох.

Феб мой! С тебя начиная, я вспомню о славе героев
 Древлерожденных, которые, Пелия следуя воле,
 Между темными скалами и по пучинному Понту
 Быстро прогнали корабль Арго со скамьями на диво,
 Мысля назад привезти в Иолк руно золотое.

Так начинается великое произведение греческого поэта Аполлония Родосского «Аргонавтика». Собранным в плавание в далекую Колхиду храбрецам слепой прорицатель Финей (сын Агенора, бывшего раньше царем Фракии) рассказывает, какие племена будут встречаться им в пути. Среди названных племен есть и сапиры. «Аргонавтика» – произведение эпическое, весьма близкое по сюжету «Одиссее» и «Илиаде» Гомера. Перефразируя исследователя киммерийцев [Иванчик 2005: 59], можно задать вопрос: «Откуда автору “Аргонавтики” стало известно реальное название сапиров?» Ответ прост: главные герои Пелиэс и Ясон – лица исторические. Пелиэс – взявший силой царскую власть в руки, Ясон – его племянник и сын царя Иолка Эсона и Полимеда/Алкимеды. Вокруг них и интриг за трон построена вся сюжетная канва. Но для нас первостепенное значение имеет знание греками реальной картины народонаселения юго-восточного побережья Понта. «Конечно, речь здесь не может идти о настоящей локализации, поскольку действие... разыгрывается не в реальном, а мифическом пространстве, однако использование реальных географических деталей в описании этих путешествий невозможно отрицать» [Иванчик 2005: 60]. Многие положения А.И. Иванчика об источниках сведений автора «Одиссеи» о киммерийцах и Черном море имеют прямое логическое отношение и к «Аргонавтике». Например, отождествление понтийской Колхиды с Эей, а Черного моря – с Океаном. Речь, таким образом, в любом случае о причерноморских реалиях. Впрочем, эти реалии уже фигурировали у авторов VIII–VI вв. до н.э. [Иванчик 2005: 62, 83]. В VIII в. мореходы, а затем и переселенцы основали в Пропондите более 900 торговых факторий и поселений, крупнейшие из которых находились в

Колхиде. В V–IV вв. до н.э. греки уже четко представляли границы обжитого ими мира. Более того, исследователи пишут о смешанных браках пришельцев с местными племенами [Чистякова 2001: 141, 142, 144]. По крайней мере, о реалистичности упомянутых в «Аргонавтике» Аполлония Родосского этнонимов Βεϋεῖρες, Σάλευρες и Βύζηρας мы можем говорить уж точно.

Клавдий Птолемей зафиксировал саваров в форме *Σάβαροι* на Кавказе ниже аорсов и пагиритов в первой половине II в. [Ptolemae 1843: 171]. Поэтому исследователи справедливо говорят о появлении савиров, как и барсиллов, на Северном Кавказе «еще в догуннское время» [Фёдоров, Фёдоров 1978: 83]. Историк В.Д. Дмитриев соглашался с мнением Клавдия Птолемея о наличии во II в. на Северном Кавказе групп савиров [Дмитриев 2014: 89] и полагал, что предки чувашей оказались там «во II и III веках» [Дмитриев 1993: 20–21]. В первой половине III в. н.э. греческий грамматик Элий Геродиан писал о племенах *σάλευρ/σάλευρ* [Guilielmi 1823: 51].

В начале III в. военно-политическое объединение кочевников Северо-Западного Прикаспия, пройдя через ворота Чора (т.е. Дербентские ворота), переправляется через реку Кура и вторгается в Армению. Исследователи опираются на труды Хоренаци и Бардесана и верно полагают, что среди этих кочевников, несомненно, были хазирь (хазары) и базилы (барсилы) [Гаджиев 2010: 69]. Однако учет всей исторической и географической ситуации позволяет говорить, что среди кочевников, напавших на земли Армении, были и гунны, и савиры.

Под 361–362 гг. сапиров (*Sapires*) фиксирует Аммиан Марцеллин [Ammianus 1970: 26].

Поэтому исследователи истории Кавказа придерживаются мнения, что в степную и предгорно-плоскостную зоны Северного Кавказа савиры/сабиры стали проникать не позднее первых веков нашей эры. Например: [Чеченов 2014: 288].

Ясность увеличивается с V в., когда сабиры/савиры (*Σάβειροι*) как активные участники персидско-византийских войн вовлекаются во взаимодействие с персами, восточными

римлянами, уграми, аварами, армянами, аланами и лазами [Prisci 1829: 158; Procopi 1905: 74, 292, 294]. Стефан Византийский, описывая события V в., упоминает *сапиров/савиров/сабиоров* (*Σάπειροι/Σάβειροι*), обитавших на реке Акампис (Чорох) между Колхидой и Персией [Stephan 1849: 166, 555].

В начальный период кавказской истории савиров часто путали с другими племенами, в первую очередь – с гуннами. «Гунны, как плодовитейшая поросль из всех самых сильных племен, закишили надвое разветвившейся свирепостью к народам. Ибо одни из них зовутся альциагирами, другие – савирами (*Saviri*), но места их поселений разделены», – писал Иордан о племенах, составлявших мощное ядро гуннской конфедерации [Jordan 1861: 29]. На самом деле гунны в своих войсках были малочисленны, основную массу составляли союзники и покоренные племена.

Аттила становится единоличным лидером гуннского союза после насильственного устранения им родного брата Влиды/Бледы (*Βλήδα/Bleda*) в 445 г. Затем он объединял многие племена и вовсе узурпировал власть. До кончины Аттилы фиксируются только отдельные боевые эпизоды, в которых проявляли особую храбрость савиры/сабиры. В остальных случаях они действовали как составная часть войск Аттилы и были известны как гунны или в лучшем случае – как «гунно-савиры» и «гунны, называемые савиры».

После смерти Аттилы в 453 г. и разделения гуннского союза по автономным племенам на Кавказе начинается господство савирской конфедерации. Государство оногуров распалось, а на его смену пришло новое военно-политическое объединение во главе с савирами. Сюда же входили остатки гуннов и булгары. «Распад на Северном Кавказе первого гунно-булгарского объединения во главе с оногурами обусловил начало параллельного процесса объединения кочевников Восточного Предкавказья и становления нового военно-политического союза во главе с сабирами» [Джафаров 1985: 69]. Примерно в 463 г. савиры, кочевавшие в северокавказских степях, напали на сарагуров, урогов и оногуров. Сарагуры, в свою очередь, вторглись в земли акациров. Такое действие

саби́ров/сави́ров (*Σαβίρων*) было продиктовано тем, что на них совершили набег авары. А самих аваров изгнали племена, жившие на побережье [Prisci 1829: 158]. Говоря о первом упоминании сави́ров, большинство исследователей [например: Комар 2008: 192–193] берет эту присковскую дату. Однако варианты этнонима «савиры» были известны за несколько веков до Приска. Если быть корректнее, у Приска речь идет не точно о 463 г., а о 461–465 гг. (т.е. по Приску невозможно упомянутое событие привязать именно к определенной дате, она начала фигурировать в исследованиях с чьей-то легкой руки). Во второй половине V в. савиры обосновались в районе р. Кума вдоль Каспийского моря. Как видим, этноним *Σάβειροι* в византийских источниках вновь активно всплывает после кончины Аттилы.

Опираясь на имеющиеся данные, можно предположить о вооружении сави́ров. Так, погребения IV–V вв. на Паласа-сыртской возвышенности (в 30 км к югу от Дербента) содержат оружие ближнего (длинные и короткие мечи-кинжалы) и дистанционного боя (луки со стрелами). По своей конструкции они относятся к числу «гуннских» типов. Взрослое мужское население, так или иначе принимавшее участие в ратном труде, обладало высоким уровнем подготовки того времени [Саидов 2014: 24–25]. Независимо от того, какую этническую принадлежность имело население Паласа-сыртской возвышенности, все эти характеристики полностью относятся к савирам, ибо они также в те времена обитали в районе Дербента.

В литературе существует расхожая характеристика сави́ров как жадных до войн. Особенно перестарался в этом плане Агафий. Однако такая оценка слишком односторонняя. Как известно, савирские правители постоянно учитывали внутреннюю обстановку и международное положение двух главных соперников на Кавказе – Ирана и Византии. Тем не менее из-за постоянных войн между Ираном и Византией, а больше всего из-за выступления сави́ров то на одной, то на другой стороне, в савирском объединении образовались две группы – иранской и византийской ориентации. Савиры в эти годы представляли собой ряд самостоятельных «колен». «Но

уже в начале VI в. положение в савирском обществе изменилось. Из среды племенной знати выделилась наследственная династия, претендующая на управление всеми савирами. Представители этой династии вступили в открытую борьбу с сепаратизмом племенных вождей» [Фёдоров 1972: 21]. Дербентское и Дарьяльское ущелья служили главными военными и торговыми проходами. Учитывая это обстоятельство, савиры в начале VI в. стали контролировать восточные и центральные районы Северного Кавказа. Они заняли районы и тех, и других стратегических ворот. Поэтому исследователи начало VI в. называют и началом савирской гегемонии. При этом некоторые называют даже точную дату – 506 г. [Рона-Таш 2011: 133]. В «Летописи» Феофана Византийца под 516/517 г. записано: «Гунны, именуемые савир (*Ὀῦννοι οἱ λεγόμενοι Σαβίρη*), переправившись через Каспийские ворота (Дербентский проход. – А.С.), совершили набег на Армению, разграбив Каппадокию, Галатию и Понт, чуть было не подступили к Евхаиту» [Феофан 1980: 26,49].

Савиры представляли собой тогда одно из сильнейших племен в регионе [Феофан 1980: 26, 50; Malalas 1831: 430–431]. В 527/528 г. Боарикс, «женщина из гуннов, именуемых савир» (*Ὀῦννων τῶν λεγόμενων Σαβίρη*), пришла к ромеям. Она стала править в гуннских землях после смерти своего мужа Валаха (*Βαλαχ*). Под ее властью находилось 100000 воинов. Персидский царь Кавад склонил двух племенных царей, родственников Боарикс, помогать ему в войне против римлян. Когда они проходили через владения царицы Боарикс, она напала на них. Одного, Стиракса, взяла в плен и в оковах отправила в Константинополь. Другого, Глониса, убила в бою. Так она сделалась союзницей Юстиниана [Феофан 1980: 26, 50]. Относительно этого эпизода Питер Голден пишет, что сабирская княгиня Боа управляла 100000 людьми и могла иметь в поле сражения 20-тысячную армию [Golden 2011: 91]. На самом деле у Малала сказано, что Боа имела «под своим началом сто тысяч» [Malalas 1831: 430–431]. А в переводе этого фрагмента на латинский язык о 100 000 воинах говорится отчетливо: «*Mater erat haec filiorum parvulorum; quae exercitum 100 000 militum* (т.е.

воинов, выделено мной. – *A.C.) sub se habens, regionibus, Hunnicis, post Blach conjugis sui obitum imperabat*» [Malalas 1831: 431]. Дюла Немет склонен был читать 100000 солдат, но в то же время полагал, что это число означает людей всего племени [Németh 1991: 151]. Видимо, он исходил из постулата, что каждый взрослый мужчина у савиров одновременно был воином. Однако в таком случае жены, родители и дети (т.е. те, кто не воин) остаются вне подсчета. Феофан утверждал, что Боарикс имела «при себе сто тысяч гуннов», т.е. гуннов, именуемых савирами. На самом деле ни в одном первоисточнике нет ясности, что означает 100000 – численность воинов или вообще савирского населения. Однако известно, что два полководца из числа внутренних гуннов (по контексту надо полагать, что они тоже были «савирами, называемыми гуннами», но союзниками персов) шли в поход на выручку персам с 20 000. Естественно, в этом случае речь идет о воинах, а не о простом населении. Иначе говоря, Малала оперировал понятием «воины», а не «население». О наличии у Боарикс войска из 100 000 человек однозначно писал Иван Стриттер [Стриттер 1771: 82]. Наличие у правительницы Боарикс 100-тысячной армии признавал В.Д. Дмитриев [Дмитриев 2014: 92]. Боарикс наголову разбила оба отряда. У нее численность войск пять раз превосходила численность двух других савирских отрядов под предводительством Стиракса и Глониса. А это – дополнительный аргумент в пользу многочисленности воинов под руководством Боарикс. Ссылаясь на Малала, Хюн Ким пишет, что сабиры были мощной конфедерацией, которые могли выставить на поле битвы 100000 всадников. Он также полагает, что в преувеличении нет сомнений, но факт свидетельствует о силе сабирских войск в глазах византийцев [Kim 2013: 253]. Поэтому Питер Голден не видит ничего удивительного в том, что Византия изыскивала пути вовлечения савиров в союзники в их постоянных схватках с Сасанидским Ираном в целях доминирования на Кавказе [Golden 2008a: 259]. Таким образом, согласно Феофану и Малале, в 528 г. савирские вожди могли одновременно выступить более чем с 120-тысячным войском. Отсюда можно предположить и общую

численность савирского населения, плюсуя к числу воинов их жен, по 6 детей и родителей. Получается более 1000000 душ. Другой такой мощной силы в то время на Кавказе практически не было. Учитывая, что численность семьи кочевника составляла от 2 до 11 человек (в среднем – 6 человек) можно подсчитать и количество семей под властью Боарикс: будет 16 700 семей (подсчеты А.М. Хазанова и Л.Б. Гмыри).

Несомненно, Боарикс ставила задачу ликвидации сепаратизма племенной аристократии, объединения вокруг столицы Варачан всех савиров и укрепления своего государства [Фёдоров, Фёдоров 1978: 185].

В связи с подсчетом предполагаемого количества войск и населения савиров весьма полезно сообщение Иордана о численности гуннского войска. Вот эти строки: «После того как был коварно умерщвлен брат его Бледа (*Bleda*), повелевавший значительной частью гуннов, Аттила (*Attila*) соединил под своей властью все племя целиком и, собрав множество других племен, которые он держал тогда в своем подчинении, задумал покорить первенствующие народы мира – римлян и везеготов. Говорили, что войско его достигало пятисот тысяч» [Jordan 1861: fr. 180–181]. Как видим, указанная Иорданом цифра учитывает воинов всех племен, входивших в войска гуннов. Однако Е.Ч. Скржинская считала, что Иордан преувеличивал реальную численность войск самих гуннов [Скржинская 2001: 310]. Тогда можно предполагать, что воинов в гуннских соединениях было менее 500000. Из них 120000 тысяч, примерно четверть, составляли воины-савиры. Такая пропорция также идет в пользу моего подсчета савиров, ибо в составе гуннов по сравнению с другими племенами их было подавляющее большинство.

В связи с описанием персо-византийских войн Прокопий, в частности, заметил: «Между тем Кавад отправил другое войско в подвластную римлянам Армению. Оно состояло из персоармян и суннитов, соседей аланов. С ними было три тысячи гуннов, так называемых сабир/савиров (*Σάβειροι*), воинственнейшего племени» [Procop 1905: 74]. Вычислить год, в который происходило это событие, можно на основе упоминаемых в этом действе имен. Известно, что царь

государства Сасанидов Кавад умер в 531 г. – значит, событие происходило до 531 г. Упомянутый Прокопием в этом же абзаце Сита имел должность стратига в Византии и был поставлен во главе всего войска Армении. Это – 528–531 гг. А стратигом Армении состоял Дорофей. Он командовал битвой под Саталой в лето 530 г. [Адонц 1971: 135]. Таким образом, три тысячи савиров в 530 г. в Армении воевали в составе персидских войск против византийской армии.

Вместе с хазарами савиры «составляли одно и то же военно-политическое объединение, во главе которого, однако, стояли савиры, так как в первой половине VI в. в большинстве исторических известий именно их наименование служит для обозначения варваров, обитавших севернее Дербента» [Артамонов 1962: 127].

В 541 г. развернулись военные действия между Ираном и Византией в Лазике. Это был стратегический район для обеих сторон. Важным пунктом стала мощная морская цитадель Петра, построенная по приказу Юстиниана к югу от реки Фасис. Однако местное население было недовольно византийской оккупацией. Лазы обратились за помощью к персидскому шаху. Тот хорошо подготовился и взял крепость. В 545 г. было заключено перемирие между Персией и Византией. Однако лазы на этот раз обратились за помощью к византийцам. Юстиниан в 549 г. прислал сюда 7-тысячную армию. Царь лазов Гуваз наказал милитуму Армении Дагисфею послать кого-нибудь охранять ущелье, ведущее в Петру. Сам двинулся к границам Лазики, чтобы охранять имеющиеся теснины. А до этого он заключил союз с аланами и савирами. «Между тем василевс Юстиниан послал племени савиров (*Σαβείρων*) условленную сумму денег» [Гросорі 1905: 300]. Как верно заметила комментатор Прокопия А.А. Чекалова, «союз с гуннами-сабирами был действительно важен, поскольку это был народ воинственный и хорошо знавший осадное дело» [Чекалова 1998: 422]. Прокопий не раз отмечал эти качества у савиров в книге «Война с готами». В начале 551 г., используя помощь гунно-савиров, византийский военачальник Бесса овладел, наконец, Петрой. При этом савиры применили тараны

(*κρίος*) особой конструкции, что сыграло решающую роль в разрушении стен крепости. Эти тараны существенно отличались от тяжелых и неуклюжих типов сооружений, передвигаемых запряженными быками. Как писал Прокопий, случайно в этом войске римлян было несколько варваров из племени савиров. Прибыв к осаждающим стены Петры, савиры увидели, что римляне при сложившихся обстоятельствах не знают, что делать, и попали в безвыходное положение. Тогда сабиры/савиры (*Σαβείροι*) «придумали такое приспособление (машину), какое ни римлянам, ни персам, никому от сотворения мира не приходило в голову, хотя и в том, и в другом государстве было всегда, да и теперь есть, большое количество инженеров» [Просорі 1905а: 538–540]. Прокопий дает подробное описание савирскому изобретению. На этой машине нет бревен, их заменили толстыми веревками. Только в середине разместили свободно передвигающееся бревно с заостренным концом. Савиры приготовили три такие машины. Человек сорок из римлян, одетых в панцири, легко разместили тараны к стенам Петры. По сторонам машины встали воины, снабженные шестами с железными крючками на концах. Когда удары бревна расшатывали ряды камней, они вытаскивали этими крючками рассыпающиеся камни и откидывали их. Так были разрушены стены Петры. Вскоре при осаде Археополя уже персы воспользовались услугами савирских легких таранов. Персидский военачальник Мермероес прежде всего «велел сабирам (*Σαβείροις*) делать много стенобитных машин, которые можно было бы людям носить на плечах; обычные машины он никоим образом не мог пододвинуть к укреплениям Археополя, так как они были расположены на подъеме горы. Он слышал, какие машины были сделаны союзными с римлянами савирами (*Σαβείροις*) около стены Петры немного раньше, и, подражая тому, что ими было там изобретено, он из этого опыта хотел извлечь для себя пользу. Они стали делать то, что он им приказал, и скоро сделали много стенобитных орудий, таких же, какие сделали для римлян недавно, как я рассказывал, союзные с ними савиры (*Σαβείρους*)... И вот персы и савиры (*Σαβείροις*), пуская в стоящих на стенах тучу стрел и копий, которыми они,

можно сказать, закрыли здесь небо, почти добились того, что под их напором римляне готовы были оставить верх укреплений» [Pросорі 1905а: 538–540].

Конечно, Прокопий несколько преувеличивает и отдает пальму первенства савирам в изобретении таранов при взятии и разрушении фортификаций. О таранах и «черепках» и их применении в военном деле подробно писали древнегреческий инженер Афиней Механик (умер ок. 21 г. до н.э., сочинение «О машинах»), Аполлодор Дамасский (начало II в. н.э., сочинение «Полиоркетика»), Флавий Вегеций Ренат (писал как очевидец о событиях 390–410 гг., сочинение «Краткое изложение военного дела»), Аноним Византийский (VI в., сочинение «Инструкции по полиоркетике»). Однако все это не умаляет заслуги савиров в военном искусстве и практическом применении переносных таранов и «черепок» в разрушении крепостей противников.

В 552 г. персидские войска под командованием военачальника Мермероеса хитростью взяли лазское укрепление Уфимерей. У персов были 70 000 отборных воинов и большое количество сабиров/савиров (*Σαβείρους*). Таким образом, для римлян и лазов все эти плодородные земли от Мохерезиса до Иберии стали недоступны [Pросорі 1905а: 570–572].

По истечении зимы 552–553 гг. между персами и римлянами утвердилось перемирие. Но Хозров не пожелал отказаться от Лазики. Деньги, вырученные за продажу римлянам яичек шелковичных червей, он раздал в качестве подарка гунно-савирам (*Οὐννων των Σαβείρων*) и набрал их в свои войска большое число. Всех их отправил к Мермероесу. Хозров приказал вести в Лазике дела со всей энергией и послал ему еще много боевых слонов. Вместе со всем персидским и гунно-савирским войском Мермероес двинулся к крепости лазов. Римляне, будучи в крепости, в открытый бой не вступали. К ним присоединился и царь лазов Губаз. Узнав, что в одной из крепостей находится сестра Губаза, персы решили взять ее. Однако римляне защищались решительно. Им способствовал узкий горный проход к крепости. Персы повернули обратно.

Римляне преследовали отступающих и в неудобном для персов месте убили многих, среди них был и начальник сабиров (*Σαβείρων*). Около его тела закипел сильный бой, в результате чего персы одолели противника и обратили их в бегство [Pросорі 1905а: 578–579].

В кампании 554–555 гг. тяжеловооруженные савиры под предводительством «знаменитнейших у них людей» Балмаха (*Βαλμάχ*), Кутилзиса (*Κούτιλζις*) и Илигера (*Ίλιγερ*) приняли активное участие в войне на стороне Византии и разгромили сильный отряд воинственных дилимнитов – союзников персов. Однако в следующем бою в Иверии войска из гунно-савиров (*Ούννοι Σάβειροι*) в количестве 500 человек выступали уже на стороне персов [Agathi 1828: 177].

В 552–558 гг. савиры упоминаются на реке Техури в Западной Грузии. Агафий, в частности, писал: «Наемники же из гуннов, которых называют савирами (*Σαβείρων*)... расположились лагерем у Археополя и прилегающих местностей» [Agathi 1828: 177], т.е. в княжестве лазов. «К середине VI в. савиры, являвшиеся наиболее сильным и многочисленным народом на Кавказе, захватили всю Северную Албанию (Ширан и Аран) в зоне Дербенд-Кабала, бывшую центром савирских поселений, и пробыли там более 100 лет» [Ашурбейли 1983: 62]. В середине VI в. савиры владели Прикаспийским проходом, который армянские историки называют Чора и где в 568–569 гг. возник Дербент [Мерперт 1958: 565–566]. Как писал Менандр в 558 г., «авары вскоре завели войну с утигурами, потом с залами, которые уннского племени, и сокрушили силы савиров (*Σαβείρους*)» [Menandr 1829: 284], т.е. нанесли тяжелый урон их воинским подразделениям.

В 559 г. во время осады Херсонеса савиры изготовили небольшие шлюпки из длинных и крепких тростников, а также изобрели импровизированное устройство для укрепления весел на борту лодки и шлюпки с выносными уключинами в обе стороны [Golden 2011: 113].

572 г. знаменателен началом глубоких разногласий между Персией и Византией по кавказскому вопросу. Узнав, что гунны

направили посольство к Юстину II, Хосров забеспокоился. Дело в том, что василевс выплачивал персам ежегодно золотом, чтобы вторгающиеся племена не беспокоили оба государства. Тут Юстин расторг мир, сказав, что ему позорно платить дань персам. «Из-за этого имела место та самая великая война персов и ромеев» [Феофан 1980: 30, 54]. Как полагал И.С. Чичуров, под «вторгающимися племенами», о которых конкретно не говорил Феофан, следует полагать прежде всего кавказских гуннов, в основном гунно-савиров [Чичуров 1980: 89]. Действительно, в это время гунны, под которыми имелись в виду савиры, владели Дербентом и были восточными соседями аланов. Савиры беспокоили византийцев и тем, что совершали дерзкие походы на их малоазиатские провинции.

В 576 г. шли военно-тактические передвижения персидских и римских войск за превосходство в Алвании. Кесарь гневался на своих полководцев Курса и Феодора, упрекал их за то, что по вступлении в Алванию они не перевели на другое место сабиров/савиров (*Σαβείρων*) и алванов. Военачальники же ограничились взятием у этих племен заложников. Действительно, савиры немедленно свергли с себя господство римлян. Тогда римские военачальники опять вступили в Алванию и заставили сабиров/савиров (*Σαβείρων*) и алванов перелиться на западную сторону р. Кир (Кура) [Menandr 1829: 394]. Таким образом византийцы хотели удержать эти племена на своей стороне. В 578 г. Хосрой отправил из Кавказа в Месопотамию конницы, щитоносцев и стрельцов общим количеством около 20 000 воинов. Из этого числа 12 000 были персы, остальные – саракины и савиры/сабиры (*Σαρακηνοὶ δὲ καὶ Σαβείροι/Saraceni autem et Sabiri*) [Menandr 1829: 408].

В армянском источнике, описывающем события 579–590 гг., повествуется о вступлении многочисленных персидских войск на васпураканские земли. Были захвачены и преданы огню многие крепости, уведены в плен жители. Пострадали тогда многие области, в том числе и область Чуаш. И были отданы захваченные земли ишханам [Багратуни 1971: 94].

Примерно в 613 г. в Верхней Месопотамии (современный юго-восток Турции) завязался бой за крепость Беиудаес между

местными жителями, персами и римскими войсками. Ромеи с необыкновенной силой осаждали крепость. У них в отряде был воин по имени Сапеир/Сапир (*Σάπειρ*). Феофилакт Симокатта дает ему самую возвышенную характеристику: Сапир физической силой был похож на воспетого Гомером Тидея, разумом превосходил Тидея, духом он был Геракл, а по доблести даже выше Геракла. Этот Сапир захватил с собой заостренные колья, и, вставляя их в стену, таким образом забрался на крепость. Однако на башне крепости появился некто из персидского войска и столкнул на Сапира большой камень. Сапир покотился вместе с этим камнем вниз. При этом он рухнул вниз головой. Но раненый Сапир с упорством опять быстро стал подниматься по стене. И вот он схватился за зубцы стены. Но противник столкнул его вместе с расшатавшимся зубцом стены. Смелчак скатился вниз, «держа в своих объятиях эту бойницу, как дорогую любовницу». Но Сапир в третий раз пошел на подвиг. На этот раз ему удалось забраться на стену и срубить персу голову. Один из братьев Сапира, став свидетелем доблести брата, повторил подвиг. За ним пошли и другие воины. Ворота были открыты, крепость взята [Theophylact 1887: 107–109]. Комментаратор Феофилакты Симокатты К.А. Осипова считала, что Сапир не есть собственное имя, в данном случае речь идет о человеке из гуннского племени саби́ров (точнее, сапи́ров). Кроме того, из контекста узнаем, что у Сапира в отряде было несколько братьев. Действительно, Феофилакт уточнял: «Один из братьев этого Сапира (он был из них по возрасту старший)». Выходит, под именем в этом случае обозначены воины одного племени, а именно – сави́ров/сапи́ров.

В 657–659 гг. распался Западнотюркский каганат. Одновременно в северо-восточных предгорьях Дагестана на основе раннефеодальных отношений образуется государство Сувар со столицей Варачан. Армянские источники продолжают называть его Царством гуннов, а арабские хронисты – Джиданом.

Сразу же после вступления Вараз-Трдата на княжеский престол Кавказской Албании (669–699 гг.) многочисленные

войска гунно-савиров во главе с князем Алп-Илитвером (правильная форма – *Алп-Илутуэр*) вторглись в страну Алуанк и стали опустошать области у подножия Кавказских гор и поселения гавара Капалак. Сам Алп-Илитвер переправился через реку Куру и перешел в гавар Ути, стал угонять скот, грабить и угонять всех в плен. Затем гунно-савиры расположились лагерем в долине у пределов Лпинка. Узнав об этом, Вараз-Трдат отправил своего доверенного к Алп-Илитверу с мирными предложениями. Послу удалось склонить Алп-Илитвера к миру и дружбе. Тогда гунно-савиры вернулись в свою страну [Каланкатуацци 1984: 102–103].

В 723 г. арабский полководец ал-Джаррах вторгается на территорию Вабандара, т.е. Варачана. В городе в то время было 40 000 домов [Ал-Куфи 1981: 20].

Согласно Баладзори, арабский полководец Мерван в 737 г. вступил в савирские владения Хамзина (так называли тогда арабы Варачан). Однако жители отказались заключить с Мерваном мирное соглашение. Замок был взят силой после месячной осады. Крепость была сожжена и разрушена. Принудительный договор предполагал доставку в Баб одновременно 500 юношей и девиц, а также 30 000 мер зерна ежегодно [Баладзори 1927: 18]. О взятии арабами Хамзина писали и другие источники. Ал-Куфи, например, говорил, что защитники крепости вступили с арабской армией в сражение. «Марван и владетель крепости сразились в жарком бою, и муслимы потеряли много убитыми» [Ал-Куфи 1981: 55]. Армянские источники писали, что Мерван при поддержке армянского князя Ашота предпринял поход на землю гуннов. Он овладел городом Варачан и вернулся оттуда победителем, захватив огромную добычу [Вардан 1861: 96; Гевонд 1862: 81–82]. Конечно, под «дагестанскими гуннами» в данном случае имеются в виду савиры, ибо к этому времени гунны не представляли ни единый этнос, ни единый военно-политический союз. Гуннами «по инерции» называли савиров, до смерти Аттилы состоявших в их конфедерации. Полагают, что их столица Баланджар-Хамзин-Варачан прекратила свое существование после 737 г. [Комар 2010: 192; Гмыря 2012: 4].

Действительно, савиры покинули эти места. Но ушли, как преподносят некоторые историки, не на Среднее Поволжье, а в междуречье низовий Волги и Дона, где вместе с другими племенами образовали салтово-маяцкую археологическую культуру. Как видим, «Царство гуннов» первым приняло на себя удар арабских войск. Конечно, это значительно ослабило их союз, чем и воспользовались хазары. Тогда же, после событий 737 г., в дельте Волги возникает хазарская столица – г. Итиль. Поэтому исследователи считают, что включение территории страны гуннов (т.е. савиров) в сферу влияния Хазарского государства происходило на фоне арабо-хазарской войны за Кавказ [Гадло 1979: 126, 153; Гмыря 1995: 75]. А вот основная часть болгар, воспользовавшись арабо-савиро-хазарским переполохом и будучи потерянной от хазарского ока, после 737 г. действительно ушла на Волгу и вскоре образовала ядро Волжской Булгарии. К ней же перешла роль политического контроля над соседними в Поволжье племенами. Но в то же время остальная группа болгар в самом конце VIII в. еще пребывала в степном Подонье.

Во второй половине VIII в. военно-политическая ситуация меняется еще больше в пользу Хазарии. Хазары возлагают дань и на сувар, и на болгар. Страна Сувар становится хазарским федератом. Однако по состоянию на середину VIII в. Дербент был в руках арабов. Хазары не могли с этим мириться, они делали в это время несколько попыток одолеть крепостные стены, однако безуспешно. Халиф дал приказ правителю Дербента Езиду восстановить старые укрепления. Были возобновлены и населены несколько разрушенных ранее крепостей, в том числе и Сувари. Кроме того, Езид поставил на границах, особенно в крепости Сувари, по 1000 караульных. Таким образом, все укрепления вокруг Дербента были переполнены войсками, а город огражден от хазар [Мухаммед-Аваби 1898: 83–84]. Как видим, задолго до VIII в. рядом с городом Дербент была крепость Сувари, первоначально построенная, несомненно, суварами.

Во второй половине IX в. Ибн Хордадбех фиксирует царство Сувар на северной стороне от Баба [Ибн Хордадбех

1986: 110]. В 863 г. сувары, обитавшие в пределах Северный Кавказ – Дон, двигаются в сторону р. Итиль. Таким образом, савары/савиры/сувары обитали на Северном Кавказе и побережьях Каспийского моря более семи веков (II–IX вв.). Из них два с лишним века (от смерти Атилы до вхождения в Хазарское царство: 453–650 гг.) савиры занимали в Восточном Предкавказье главенствующее положение. Таким образом, савиры выступали то на стороне Персии, то Византии (впрочем, совершенно так же вели себя аланы), вели то кочевническую, то оседлую жизнь. У них на Кавказе была и своя государственность со столицей Варачан. Во всех случаях савиры сохраняли целостность, укрепляли племенной союз, зарабатывали в ратных делах, выторговывали богатство у своих временных союзников. Источники по инерции продолжают называть страну савиров со столицей Варачан «Страной гуннов». Как правильно отмечается, по уровню социально-экономического развития «Страна гуннов» (т.е. савиров) была «на пути формирования государственности раннефеодального типа» [Гмыря 2007: 111].

895 г. в южнорусских степях становится поворотным из-за агрессивной активизации печенегов. Эти места покидают мадьяры и другие племена [Zimonуі 2014: 157–159]. Именно в эти годы сувары берут курс на север и, поднимаясь вверх, в самом конце IX в. достигают южных рубежей Волжской Булгарии. С этого времени эльтебер волжских булгар начинает контролировать также барсилы и савиры [Комар 2010: 193].

В 941–992 гг. в г. Сувар чеканили монеты (монеты Насра бен-Ахмеда, Талиба бен-Ахмеда, Мумина бен-Ахмеда) [Смирнов 1951: 38].

Разумеется, каменный город Сувар на Волге возник реально не ранее середины XIII в. Поэтому ал-Гарнати (= Ибн Саид) в 1135–1136 гг. писал просто «жители Сувара» [Ал-Гарнати 1971: 27], т.е. жители страны Сувар. Во всяком случае, г. Сувар, возникший на левобережье, «в золотоордынскую эпоху экономической и политической роли уже не играл» [Егоров 1985: 96]. Вследствие монголо-татарского нашествия происходит переселение части населения Булгарии на северные

земли. «В восточной части Закамья, в бассейне р. Омарки, возникает целая группа новых городов во главе с Керменчуком (в переводе с чуваш. *кермен* “дворец”, *чўк* – “жертвоприношение”. – А.С.), известным летописным городом» [Фахрутдинов 1984: 117]. Любопытно отметить, что савиры/сувары в своей длинной истории не терпели судьбоносных поражений в боевых действиях. В экстремальных обстоятельствах они не вступали в конфликты или меняли место дислокации.

Известно, что сувар от Алмуша увел их князь *Вырǎх* (араб. *ویرغ* «wuyrgh, вуйрыг») – болгарско-суварская форма древнетюркско-обшетюркского *buǎruq* (титул и должность) [Наделяев и др. 1969: 121]. Выходит, Ибн Фадлан имел в виду не антропоним *Вырыг*, а титул *вырыг*, т.е. «князь». В примечании 604 А.П. Ковалевский замечает: «Само слово... у Ибн Фадлана означает не только царя болгар (ибо царь тоже князь, только главный. – А.С.), но и племенных князей его царства». Эти четыре князя, представлявшие четыре основных племени – болгар, сувар, эскэлов и барсулу, присутствуют на всех официальных церемониях: все четверо встречают посольство на расстоянии дня и ночи пути от ставки царя; в другом случае, т.к. племена располагались на достаточном расстоянии друг от друга, ожидают их прибытия целых четыре дня (с воскресенья до четверга); на приеме у Алмуша они опять упоминаются на церемонии застолья и, заметим, именуется царями. Суварский царь и этноарх *Вырǎх*, несомненно, присутствовал на этих церемониях. А.П. Ковалевский считал, что встреча посольства с местными князьями произошла на территории этого народа [Ковалевский 1956: 37]. В целом, из контекста рукописи Ибн Фадлана ясно, что сувары находились в южной части Булгарии.

Конец XIV и первая треть XV в. оказались для сувар и болгар наиболее трагичными. Едигей и его преемники во время своих кочевий приближались к землям сувар и болгар с весны до осени и систематически уничтожали города и села, истребляли население. Постепенно территория, расположенная южнее нижней Камы в левобережье, а в правобережье – южнее

современных населенных пунктов Красновидово на Волге, Средний Биябаш – Чутеево – Кошелеи, южнее Барышской Слободы на Суре, превратилась в дикое поле – кочевья мангытов (с середины XV в. известны как ногайцы). В результате уничтожены 32 города и около 2000 селений. Оставшиеся болгары и сувары перебрались в Нижнее Предкамье, в Ногайскую даругу, Приказанье и Заказанье, где образовалась Чувашская даруга. Некоторые беженцы поселились на р. Чепца в Северной Удмуртии. Население с современных территорий Пензенской и Ульяновской областей, юга Татарстана и Чувашии оказалось в центральной и северной Чувашии. К тому же в 1361–1366 гг. в Булгарском улусе, как и во всей Орде, разразился голод из-за бесснежных морозных зим, летних засух. Затем разразился мор. Умерших хоронили по 5–20 человек в одну могилу. Таким образом, в XIII–XV вв. численность населения Булгарской земли сократилась на 75 %. В том числе не стало светской и духовной элиты. Состоялся невиданный геноцид. Историки полагают: не будь этого геноцида, численность чувашей приблизилась бы ныне к 10 млн человек. Для сравнения: на территории бывшей Волжской Булгарии ныне проживает именно такое количество человек [Димитриев 2014: 124, 142].

В XV–XVI вв. чувашаи, составлявшие часть населения Казанского ханства, сильно пострадали в результате московско-казанских противостояний. Так, в 1524 г. князь владимирский и московский Василий III направляет к Казани великую рать. В 20 верстах от Казани сталкиваются войска князя и казанцы. «И на том бою многих князей, и мурз, и татар, и черемису, и чювашу избиша, а иных князей и мурз многих живых поимаша», – пишут Воскресенская, Патриаршая, Львовская, Мазуринская летописи и Степенная книга [ПСРЛ, 8: 270; 13: 44; 20,1: 403]. «И побиша многих князей и мурз и татар и черемису и чювашу», – констатирует другой источник [Книга 1775: 203]. В результате прокрымский хан Саип-Гирей (Сапкирей) сбежал из Казани, а вместо него был поставлен промосковский Сафа-Гирей (Сафагирей). В мае 1551 г. от имени Горной стороны было отправлено посольство к государю. В делегацию входили

горные люди Магмет Бозубов (Беззубов), Ахкубек Тогоев (Тогаев) с товарищами, а также Григорий Семенов сын Плещеева. «И Магмет с товарищи государю били челом ото все Горние стороны, от князей и мурз и сотных князей и десятных и чювашей и черемисы и казаков, чтобы им государь гнев свой отдал, а велел бы у Свяжского города быти; и правду государю на том по своей вере дают, что им от государя и их детем неотступным бытии и к Казани от Свяжского города никак не отложится; и пожаловал бы их государь, в ясаках полегчил и дал бы им жалованную свою грамоту, как им вперед быть. И государь их пожаловал, гнев свой им отдал и воевати их не велел и взял их к своему Свяжскому городу; и дал им грамоту жалованную з золотою печатию, а ясаки им отдал на три годы; да Магмета с товарищи пожаловал великим жалованием, шубами и денгами» [ПСРЛ 13: 164–165; 20,2: 481; 29: 62]. И вскоре, в июне 1551 г., «горних людей, князей и мурз и сотных князей и десятных и чювашу и черемиса и мордву и можаров и тарханов, привели к правде на том, что им государю царю и великому князю служить и хотети во всем добра, и от города от Свяжского неотступными бытии... Горние же люди ездили к государю в все лето человек по пятисот и по штист; а государь их жаловал великим жалованием, кормил и поил у себя за столом, князей и мырз и стных казаков жаловал шубами з бархаты и з золотом, а иным чюваш и черемис камчаты и отласные, а молодым однорядкы и сукна и шубы бельи; а всех государь пожаловал доспехи и конми и денгами» [ПСРЛ 13: 165–166; 20,2: 482; 29: 62–63,161]. В 1552 г. в Свяжск пожаловал сам царь Иван Грозный. Его встретили царские воеводы и горное население в лице черемисов и чувашей (чювашей, чюваша) [ПСРЛ 13: 200, 497; 20,2: 514; 29: 189].

География. Заселение равнинного и предгорного Предкавказья племенами Южного Кавказа (из Северной Месопотамии, Сирии и Восточной Анатолии) началось в IV–III тысячелетиях до н.э. Мигрантов привлекали условия для разведения скота и развития земледелия. Для этого они выбирали сухопутный путь. Кроме Прикаспийского и Припонтийского побережья, активно использовались перевалы

центра Главного хребта Кавказских гор (Рокский, Мамисонский и Крестовский перевалы). Крестовский перевал вел в Дарьяльский проход, где ныне пролегает Военно-Грузинская дорога. Например, именно так образовалась майкопско-новосвободненская культура [Кореневский 2004: 90, 91; 2014: 67].

В конце IX – начале VIII в. до н.э. в Урартской державе жили четыре этнических элемента: алародии, матиены, саспейры и армяне. Урарты располагались на территории Армянского нагорья [Дьяконов 2008: 240]. На современной карте это – Армения, Восточная Турция, Северо-Западный Иран и Нахичеванская АР Азербайджана.

Действительно, установлено, что армяне – непосредственные наследники древних жителей Армянского нагорья. Согласно Мовсесу Хоренаци и Себеосу, прародителем армян был *hAйк (Наук)* – сын Торгома. Вначале армяне обосновывались на северо-западе озера Ван. Старший сын hAйка переселяется в Араратскую долину к северу от горы Арарат. Таким образом, многие вопросы этногенеза и предыстории армян прямо связаны с Урарту – первым царством, которое объединило Армянское нагорье под одной короной (IX–VII вв. до н.э.). Это – район современной границы между Ираком и Турцией [Петросян 2012: 43, 45]. Поэтому следует утверждать, что в доисторические времена судьбы саспиров и армян были тесно связаны, по крайней мере – в географическом отношении.

Согласно Геродоту (V в. до н.э.), саспиры (Σάσπειρες) занимали территории от Колхиды до Мидии: мидяне обитали к югу от саспиров, а к северу от саспиров у реки Фасис – колхи. Известно, что земли саспиров мидийской границы были покрыты высокими горами и густым лесом. В 18-м округе соседями саспиров были матиены и алародии. Местоположение матиенов также определяется легко, ибо на это имеется указание самого Геродота: «Река же Аракс берет начало в Матиенских горах» [Геродот 1993: 151]. Матиенскими горами считаются горы в районе Эрзурума [Пиотровский 1959: 117]. Согласно

объяснению комментатора «Истории» Геродота Г.А. Стратановича, саспиры жили в долине современной р. Чорох, впадающей в Черное море у Батуми. В.В. Латышев считал, что сапиры жили к югу от Колхиды на р. Акампис (Чорох) и были известны уже Геродоту [Стефан 1948: 325]. Также утверждается, что саспиры – это племя, жившее в верховьях р. Аракса на пути из Армении в Колхиду [Геродот 1993: 586].

Что касается Колхиды (страны колхов), то она возникла в VI в. и просуществовала до II или I в. до н.э. Ее границы определяются Колхидской низменностью: южные границы доходили до р. Чорох, а северные не доходили до Кавказского хребта. Сапиры же занимали территории между Колхидой и Мидией [Доватур и др. 1982: 178]. Иначе говоря, сапиры и колхи в географическом плане никак не совместимы: сапиры обитали к югу от р. Чорох, а колхи – к северу. А являлись они совершенно разными самостоятельными племенами.

Таким образом, из истории Урарту и Персидской державы известно, что саспиры в VI–V вв. проживали в Армянском нагорье.

В первой половине III в. до н.э. Аполлоний Родосский в своей «Аргонавтике» дважды упоминает сапиров (Σάπειρες, Σάπειρας) между племенами бехиров и бизеров [Apollonius 1986: 75,110], что получается между р. Чорох и Понтийской Кападокией. На современных картах это южнее Юго-Восточного Причерноморья Турции. В.П. Буданова полагает, что восточнокавказские племена саспиры/сапиры жили между Колхидой и Мидией по соседству с бизерами. Вероятно, затем они вместе с киммерийцами ушли в Армению [Буданова 2000: 345]. В I в. Страбон фиксирует бизеров (Βύζηρες) на восточной стороне Понта [Strabon 1981: 80].

Также известно, что тибарены, зафиксированные в I в. Страбоном на юго-восточном побережье Понтийского моря [Страбон 1994: 515], в IV в. были соседями сапиров [Ammianus 1970: 26]. Иначе говоря, саспиры в I в. еще жили в Закавказье. Поэтому седует констатировать, что переход сапиров из

Южного Кавказа в Предкавказье хронологически длился с I по IV в. н.э.

В первой половине II в. н.э. *Σάβαροι* зафиксированы Птолемеем на Кавказе ниже аорсов и пагиритов [Ptolemae 1843: 171]. Есть мнение, что речь идет о северо-западном Прикаспии [Фёдоров, Фёдоров 1978: 57]. Скорректировать пространство поможет «География» Страбона (64/63 до н.э. – 23/24 н.э.). Если начинать с северных народов, то получается такая картина. Сарматы, затем скифы-кочевники, живущие в кибитках, потом – аорсы и сираки, простирающиеся на юг до Кавказских гор. «Аорсы, впрочем, живут по течению Танаиса» [Страбон 1994: 480]. Хотя между Страбоном и Птолемеем более века, картина передвижения народов со второй половины I в. до н.э. до второй половины II в. н.э. кардинально не изменилась. Притом нетрудно вычислить и пространство, занимаемое этими племенами: от р. Танаис до Рипейских гор по параллели и от низовой Итиля до Кавказских гор включительно по меридиану. Таким образом, источники однозначно утверждают, что в первой половине II в. аорсы занимали «степи по Каспийскому побережью как к востоку, так и к западу от Волги» [Артамонов 1962: 65]. По Птолемию выходит, что савары в первой половине II в. обитали по Каспийскому побережью Дагестана.

Согласно Элию Геродиану, в первой половине III в. сапиры были соседями бехиров и бизеров [Геродиан 1948: 258]. По состоянию на 361–362 гг. сапиры жили между бизарами и тибаренами на юго-восточном побережье Понтийского моря [Ammianus 1970: 26]. Естественно, в обоих случаях речь идет об оставшейся в Анатолии части племени.

Византийский дипломат Приск Панийский не позднее 463 г. упоминает савиров/сабиров (*Σαβίρων*) во взаимодействии с соседними племенами – сарагурами, урогами, оногурами и аварами, «жившими на побережье океана» [Prisci 1829: 158]. Аналогично изложены эти события, зафиксированные Приском, и в издании Г.С. Дестуниса. Здесь также повествуется о племенах, живших «на берегах океана» [Приск 1860: 87]. В комментарии В.В. Латышева сказано, что эти «племена должны быть локализованы где-либо в районе Кавказа, ибо именно там

свидетельства греческих и латинских авторов помещают изгнанных аварами из их родины сабиоров». Практически так понимал ситуацию и И.Е. Забелин. Он утверждал, что действия происходили на берегах океана, а точнее – в районе Дона и Днепра. После этого потесненные аварами савиры ушли из донских земель к Тереку. Их владычество простиралось тогда от Дона до Боспора [Забелин 1876: 370–371]. При этом следует обратить внимание на сам источник – фрагмент из Приска. Из контекста выясняется, что изгнанные савирами племена (сарагуры, уроги и оногуры) к этому времени уже обитали на Северном Кавказе – это во-первых. Во-вторых, жаловаться на обидчика они пошли к ромеям, т.е. к византийцам. Если бы действие происходило в Сибири, как это подается в литературе в большинстве случаев, то говорить о покровителях-византийцах не приходилось бы: слишком большое расстояние, и ромеям не было бы дела до племен, обитающих в Сибири. В-третьих, в тексте предельно ясно говорится о действиях и племенах у океана (т.е. моря), что никак не относится к сибирским лесостепям. Судя по источникам и исторической литературе, речь идет о Северном Кавказе. Поэтому предположения некоторых авторов о том, что описываемые события происходили в Сибири, а заодно и миф о первом появлении саваров/савиоров в Европе лишь в 463 г. не имеют под собой никаких оснований. Заодно ошибался и комментатор Н.М. Карамзина А.М. Кузнецов, писавший, что угры и болгары были вытеснены из Азиатской России савирами, которые скоро перешли к Кавказским горам и воевали там с римлянами и персами до 578 г. [Карамзин 1998: 298]. В силу названного историко-географического контекста невозможно согласиться с мнениями типа: «В начале VI в. в составе других кочевых племен сабиры прибыли в кавказские степи» [Zimony 2014: 258].

В самом начале V в. союз племен, возглавляемый гуннами, кочевал на Дунае. К примеру, предводитель гуннов Ульдин в конце 400 г. находился на северном берегу Дуная. Однако говорить, что все входившие в гуннский союз племена компактно обитали на Дунае, не приходится. В частности,

савиры в это время продолжали находиться на Северном Кавказе.

В VI в. действия савиров локализовались по Черноморскому побережью Кавказа: к северу от лазов вдоль Черного моря, где обитали абазги (абхазы), зихи (адыги), сагины. В Приазовье обитали гунны-утригуры, по другую сторону (к северу) от Кавказского хребта кочевали аланы. Стефан Византийский в VI в. писал о группе *сапиров/сабиоров* (*Σάπειροι/Σάβειροι*), кочевавших на реке Акампис (Чорох) между Колхидой и Персией [Stephan 1849: 166, 555].

Имеющиеся на первый взгляд нестыковки пространственно-временного плана следует объяснить тем, что основная часть сапиров/саваров во II в. оказалась в Северо-Западном Прикаспии, а часть продолжала обитать на Южном Кавказе и в VI в.

Взаимоотношения гунно-савиров и тюркютов на Кавказе не были простыми. Исследователи считают, что с приходом тюркских племен часть гунно-савиров вынуждена была уйти в горы, где совместно с местным горским населением образовало конгломерат. Например, Сарир. Сами гунно-савиры называли эту горную страну *Тавйак* «Горная сторона». Название *Даг-и стан* – полная калька топонима *Тавйак* [Аликберов 2010: 45, 61]. Название *Тавйак* является калькой также чувашского *тăвайк(ки)* «склон, подножие горы». Массовую миграцию части гуннов («гуннов, называемых савиры») в горы подтверждает и археологический материал. Раскопки на территории нагорной Балкарии выявили множество погребений с материальными следами гуннского типа.

В описаниях племен, в 550–552 гг. населявших районы Кавказского хребта и Кавказских гор в целом, Прокопий говорил о гуннах, так называемых сабирах (*Σάβειροι*), и некоторых других гуннских племенах. Обитали они восточнее зихов, которые располагались в северной части побережья Понта [Procopii 1905: 291–292; 1905a: 497, 538; Чекалова 1998: 422]. По состоянию на середину и начало второй половины VI в. савиров продолжают называть черноморскими племенами. Во второй половине VI в. они обосновались в районе р. Кума вдоль

Каспийского моря. Против них Византийская империя в основном использовала аварские племена, к этому времени ворвавшиеся в степи Западного Прикаспия и далее – в Северное Причерноморье. Агафий описывал события 552–558 гг., в которых принимали участие отдельные войска савиров. Действия разворачивались у Археополя (столичный город колхов Цихе-Годжи) на плодородной Рионской низменности и в Иверии [Agathi 1828: 177–180].

Расположение племен по состоянию на 555 г. оставил Захарий Ритор. Он перечислил их с юга на север: Армения с Араном, Сисган, затем базгуны, чья земля простирается до Каспийских ворот и моря. Тут жили гунны. Потом – авнагуры, затем следуют агары и сабиры. Все они в пределах Даду [Захарий 2011: 595]. Далее на север размещены бургары, аланы, куртаргары, авары, хасары и т.д. В этот период савиры владели Кавказским проходом, т.е. Дербентом. По состоянию на 576 г. савирские племена фиксируются в Алвании. Однако вскоре римлянам удалось отеснить савиров на западную сторону реки Кир (Кура). В 578 г. несколько тысяч савиров в составе персидских войск были отправлены в Месопотамию [Менандр 2003: 294–295, 311].

Характеризуя времена правления князя Алуанка Вараз-Трдата, Мовсес Каланкатуаци упоминал и прекрасный город Варачан – тогдашнюю столицу савиров. Сюда было перевезено бревно от срубленного священного дуба гунно-савиров, поклонников божества *Куара*. Посланники великого князя гунно-савиров Алп-Илитвера просили епископа Исраэла согласиться быть учителем и утвердить престол в их городе Варачане [Каланкатуаци 1984: 124–128]. В 684 г. просьба гунно-савиров была удовлетворена. Дуглас Данлоп и А.В. Тоган считали, что Варачан располагался между Баку и Дарбандом. А.В. Тоган полагал, что слово *Варачан* содержит элемент *var*. С таким видением соглашается Питер Голден [Golden 1980: 244]. Естественно, *var* в слове *Варачан* совпадает с чувашским словом *вар* в значении «овраг». С.Т. Еремян и М.И. Артамонов локализовали город Варачан на месте современного города Буйнакска. В.Г. Котович уточнил и указал на место городища

Урцеки близ с. Уллу-Бойнак [Котович 1974: 182–196]. Такое мнение подтверждается археологами. Считается, что Варачан стоял на месте урочища Урцеки. Согласно источнику начала XVII в., городище размещалось на р. Бойнак (= Кула-чай). От моря до городища 15 верст. В длину и поперек его размеры на то время составляли по 300 сажен. Из городища одна дорога пролегла в Дербент, а другая – в Шемаху и Баку. Находясь на холме, город-замок контролировал главную кавказскую дорогу. «На вершине холма археологам удалось расчистить руины мощной цитадели, защищенной стенами и несколькими башнями; в цитадели сохранились остатки довольно обширных кладовых для припасов, цистерн для воды, помещений для гарнизона, святилище. Под стенами кое-где прослеживаются остатки рва» [Фёдоров, Фёдоров 1978: 191]. Просуществовал г. Варачан до 737 г. После разгрома его арабами столичным городом «Страны гуннов» становится Семендер [Гмыря 1995: 138].

Опираясь на «Армянскую географию» VII в., И.Г. Семёнов значительно расширяет устоявшиеся представления о расположении савиров. На современной карте Северо-Западного Прикаспия область обитания савиров должна локализоваться на территории от нижнего течения Терека до низовий Волги. При этом он учитывает уровень стояния Каспийского моря и иную гидрографическую картину этой зоны Прикаспия в VI–VII вв. [Семёнов 2001: 83; 2012: 36].

Кроме Урцеки в предгорной зоне бывшего государства Сувар (арабское название – Джидан) было много средневековых городищ и поселений. Некоторые из них признаются как замки феодалов. Например, Какамахинское городище в 17 километрах от нынешнего селения Карабудахкент вглубь гор. Также поселение Агач-кала в Буйнакском районе. Здесь рядом с поселением, расположенным на холме, находится склеповый могильник с очень богатыми погребениями [Фёдоров, Фёдоров 1978: 192].

Л.Б. Гмыря дает географические ориентиры мест обитания прикаспийских гуннов, что также помогает уточнить районы обитания гунно-савиров. Это – «равнинный регион

протяженностью в 300 км, ограниченный руслами рек Аксай и Самур, имеющий в основном узковытянутую конфигурацию шириной 10–30 км, обусловленную расположением его южной части между береговым урезом Каспийского моря и передовой линией горных хребтов Кавказа... Южная часть Прикаспийского Дагестана (от г. Махачкала до дельты р. Самур) включает Приморскую низменность протяженностью 160 километров, имеющую на трех участках сужения, образованные близким подходом к берегу моря горных хребтов, у гг. Махачкалы (ширина 3,5–4 км), Избербаша (4–5 км) и Дербента (3,5 км)» [Гмыря 2007: 112]. О многочисленности и мобильности савиrow на Кавказе свидетельствует сохранившаяся топонимия. Например, в Северной Осетии и Дигории: *Савир-ком* «Савирское ущелье», р. *Савир-дон* «Савирская река», гора *Савартизон-хох* «Савирская гора».

В конце IX – начале X в. Иованнес Драсханакертци зафиксировал часть предков чувашей в армянских провинциях Ути и Чуаш. Местное население называло их *севордик* [Иованнес 1986: 162–163, 309]. Все это – несомненные рудименты, указывающие на обитание предков чувашей на армянских землях.

Следует признать верным утверждение, согласно которому «Волжская Болгария складывалась в результате объединения под одной властью ранее самостоятельных этнополитических территорий» [Мухамадеев 2014: 3–4]. Поэтому важно определить и уточнить местоположение суварских племен в составе Волжской Булгарии. Надежным источником в этом плане является дневник Ахмеда ибн Фадлана. На юге Волжской Булгарии Ибн Фадлан последовательно перечислил встреченные их караваном реки: Ирхиз (Иргиз), Бачаг (Моча), Самур (Самара), Кинал (Кинель), Сух (Сок), Кюнджюлю (Кондурча). На последней реке арабская миссия встретила башкир. После Кондурчи – река Джарамсан (Большой Черемшан), где и обитали сувары. Встреча арабского посольства произошла на расстоянии дня и ночи пути от ставки царя. Здесь представители Алмуша стояли четыре дня, ожидая прибытия всех князей Волжской Булгарии для встречи гостей

[Ковалевский 1956: 131]. Князья представляли четыре основных племени страны – болгар, сувар, эскэлов и барсулу. Ибн Са'ид ал-Магриби (= ал-Гарнати) отметил, что город *Савдā* (Сувар) лежит на такой же широте, что и *Булгār* [Ибн Са'ид 2009: 31–32]. Относительно обитания племени сувар А.П. Ковалевский высказал вполне логичное предположение: «Поскольку позднейший город Сувар, несомненно, связан с этим народом, то область их поселения в то время находилась к югу от болгар, в долине реки Утки, и на запад вдоль этой реки до берега Волги» [Ковалевский 1954: 39]. Речь идет о местности в 4 километрах на запад по р. Утка от современного с. Кузнечиха. По современным ориентирам земли сувар определяются в основном небольшой юго-западной частью Спасского района Республики Татарстан и всем Старомайным районом Ульяновской области. Выходит, встреча арабской миссии произошла на земле сувар. А это говорит о том, что ко времени прибытия Ахмеда ибн Фадлана сувары жили компактно в южной части Волжской Булгарии и не включались в состав болгарских и других племен. Тогда верным следует признать и высказывание В.Г. Егорова: суварские племена занимали земли по Черемшану на левобережье Волги [Егоров 1971: 8].

«Кроме того, он [Алмуш] захотел, чтобы произошла перекочевка [племен], и послал за народом, называемым суваз, приказывая им перекочевать вместе с ним. [Они] же отказали ему» [Ибн Фадлан 1956: 139]. Иначе говоря, царь Волжской Булгарии общался с суварами через посланника. А это означает и политическую, и территориальную независимость сувар от болгар. Вскоре, в том же 922 г., основная часть сувар, не согласных с политикой (в основном – религиозной переориентацией) Алмуша, во главе с предводителем *Вырāх* переправляется на правобережье Волги, на земли нынешних степных (*хирти*) чувашей Чувашской Республики. Фактически происходит окончательное территориальное отделение сувар от государства Волжская Булгария.

По состоянию на XI в. на карте Махмуда Кашгарского Сувар помещен на правом берегу Итиля, при этом не уточняется, что это – город или народ. Исследователи строят

догадки, ибо всем известно, что г. Сувар размещен на левобережье [Умняков 1940: 103–131]. Конечно, у Махмуда Кашгарского речь идет об этносе.

Расшифровка эпитафии, найденной на архиерейской даче в Казани, позволила Н.И. Ашмарину прийти к выводу, что в конце XIII в. в окрестностях Казани существовало культурное наследие, говорившее на языке, близком к языку нынешних чувашей [Ашмарин 1905: 23].

Из-за раздоров среди эмиров Золотой Орды, из-за разорительных походов Тамерлана в Булгарский улус в 1391 и 1395 гг., а также походов русских князей с 1376 по 1431 г. территории ниже устья Камы (нынешние Самарская и Ульяновская области, юго-западные части Татарстана, южные районы Чувашской Республики) пришли в запустение и превратились в «дикое поле». Основная часть оставшегося населения ушла на северные земли. На пустырных землях нашли место для кочевий ногайские орды [Димитриев 1993: 48].

На карте, составленной венецианцем Фра Мауро, на месте современного города Чебоксары зафиксировано название средневекового города *Veda Suar* [Чекалин 1890: карта]. Автор карты умер в 1459 г. Выходит, составление карты было закончено не позднее этого года. Но на ней могли быть запечатлены факты более раннего времени. А это позволяет говорить о существовании не позднее первой половины XV в. на месте современных Чебоксар столицы средневековых сувар.

Согласно царской жалованной грамоте от 1548 г., на Чепце совместно с вотяками жили «чюваши» [Акты 1836: 209]. В описаниях событий 1551 г. под Казанью летописи называют арских чувашей («Чаваша Арьскаа», «Чюваша Арьская», «Чюваша Арская»). Летописцы в 1552 г. зафиксировали также «Чювашскую» дорогу [ПСРЛ 13: 166, 214, 467; 29: 63, 200, 227], ведущую из Казани в Сибирь. Она проходила через чувашские деревни. Позже дорога была переименована в Зюрейскую по названию чувашской деревни Зюри. По писцовой книге Ивана Болтина (1602–1603) видно, что на территории Зюрейской дороги чувашских и чувашско-татарских поселений насчитывалось 64, на Арской – 54, Ногайской – 41, Алатской –

33, Галицкой – 17. Конфигурация их напоминала скорее треугольник, острый конец которого выходил на г. Казань, а основание уходило в районы расселения местных нетатарских народов. Поэтому зря некоторые исследователи пытаются убедить, что в северной части Казанского ханства, в том числе на Арской дороге, не было чувашей [Хамидуллин 2015: 51]. По писцовой книге Свяжского уезда 1565–67 гг. имеем 24 деревни чувашские и 11 татарско-чувашских. В начале XVII в. чувашаи фиксируются фактически на всей территории Казанского уезда [Исхаков 1998: 14, 89, 90]. О чувашских деревнях по Зюрейской и Галицкой дорогам имеются сведения и в других источниках второй половины XVII в. [Мустафина, Амерханова 2008: 16–56]. В середине XVI в. начинается заселение приказанских земель русскими людьми. Например, в писцовой и межевой книге города Свяжска и уезда за 1565–1567 гг. чувашское село Бежбатман уже числится исключительно как русское [Список 1909: XI]. Ныне это обрусевшее село Бишбатман входит в Зеленодольский район Татарстана. Согласно писцовым книгам г. Казани с уездом на 1566–1568 гг., за рекой Булак у озера Кабан 150 дворов татарских и чувашских. Летом многие дворы стояли порожними, а зимой приезжали жить хозяева. А у р. Казань насчитывалось 33 двора чувашских. Кроме того, архиепископ Казанский и Свяжский Герман в Казанском уезде имел 106 дворов татарских и чувашских крестьян [Невоструев 1877: 53, 69, 74]. Имеется солидный сводный список чувашских деревень, расположенных во второй половине XVI–XVII в. в Казанском уезде. Составлен он по писцовым описаниям, межевым книгам и другим грамотам [Димитриев 2014: 168–181]. Выходит, по состоянию на XVI–XVII вв. Казань и Приказанье были заселены не только татарами, но и чувашами. Притом до XVI в. такое явление следует считать более характерным, а после XVII в. – менее типичным.

В XVIII в. происходит переселение части чувашей с правобережья Волги на плодородные луга Причеремшанья, т.е. практически на те же земли, которые занимали сувары по состоянию на 922 г. По характеристике Ивана Лепёхина, здесь простирались обширные и тучные поля по луговой стороне, а по

правую сторону – перелески, покрытые дикими розами. Экспедиция Ивана Лепёхина остановилась в чувашской деревне Якушкино. Около этой деревни целые поля были покрыты арбузами и дынями, которые, по рассказам жителей, давали неплохой урожай. Как следует из отчета экспедиции, пашней занимались чуваша, а бахчевыми и табаком – кызылбаши (видимо, имеются в виду предки современных мишарей). Чувашское село Биляр следовало за Новым Максимкином в 11 верстах, рядом – деревня Биляр, обе были расположены при озере того же имени [Лепёхин 1771: 121, 131].

Топонимические следы савирского ареала находим сегодня на Кавказе – города Сабир и Сабирабад (Азербайджан), на Украине – с. Саварка (на р. Рось). Сюда же следует включить название с. Савруши (чуваш. *Саврăш*) Аксубаевского района Республики Татарстан.

Этногеномика. Генетики утверждают близость популяций Кавказа к популяциям Передней Азии. Такая картина свидетельствует об общей истории данных популяций. Из нее выпадают только кубанские ногайцы и караногайцы, которые тяготеют к популяциям Европы, а также к популяциям Центральной Азии. Временем образования автохтонного населения называют период, следовавший за окончанием последнего ледникового максимума (примерно XXIV в. до н.э.), а регионом – Юго-Восточное Причерноморье. Впоследствии оттуда племена мигрировали на территории Кавказа. Самые древние линии гаплогруппы Н (человеческая митохондральная эталонная последовательность, с которой сравниваются все прочие) встречаются с максимальной частотой на территории Южного Кавказа и северной части Передней Азии. А это позволяет предположить, что возникновение и начальная эволюция гаплогруппы Н имели место именно в данном регионе. Генетики считают очевидным взаимное влияние популяций Кавказа и Передней Азии. Это генетическое единство имеет глубокие исторические корни, а происхождение кавказских популяций связано с территорией этого региона. Средняя частота западноевразийских гаплогрупп мтДНК в популяциях Кавказа составляет 88,58 % (HV, H, V, J, T, U, N1, I,

W, X), однако если рассматривать популяции Кавказа без ногайцев, то частота западноевразийских линий составляет 92,78 %. Выводы генетиков однозначно свидетельствуют об автохтонности народов Кавказа и указывают на переднеазиатское происхождение их генетического субстрата. Наиболее высокие частоты гаплогруппы H в популяциях Кавказа и Передней Азии составляют армяне (30,9), затем – карачевцы, балкарцы (24,6) и народы Дагестана (22,3) [Хуснутдинова и др. 2012: 752; Кутуев, Хуснутдинова 2011: 170–195; Кутуев 2010: 6–14].

Существенную часть генетического пула кавказских популяций составляет гаплогруппа U. Большая часть данных субклейдов первоначально возникла и эволюционировала на территории Передней Азии. А это позволяет предположить, что субгруппы U, распространенные на территории Кавказа, пришли именно из Передней Азии. Например, U1 практически не встречается в Европе и Центральной Азии, но широко распространена в популяциях Передней Азии, что вкупе с ее невысокой частотой на Кавказе может свидетельствовать о проникновении U1 в данный регион именно из Передней Азии. Изучение главных компонент популяций Кавказа свидетельствует, что этот регион разделяется на два отдельных кластера: один представляет Северо-Западный и Южный Кавказ, а другой – Северо-Восточный [Кутуев 2010: 15, 33, 36]. Исследователи пишут об удивительной близости генофонда Западного Кавказа к народам Юго-Западной Азии, оба региона укладываются в один субкластер [Почешхова 2007: 16].

Что касается Y-хромосомы, то тут выделяется специфический для автохтонных популяций Кавказа профиль распределения частот гаплогруппы: высокая частота G-M201, J-12f2 (J1-M267 и J2-M172) и R1-M173 (преимущественно R1a1a-M198 и R1b1b269). Подобный профиль распределения частот гаплогрупп характерен только для автохтонных популяций Кавказа и не встречается больше нигде в мире. Гаплогруппа G-M201 встречается преимущественно на Кавказе, в Передней Азии и Средиземноморье. Для этнических групп Северо-Западного и Южного Кавказа характерно повышенное

содержание гаплогрупп J2-M172 и G-M201, в то время как на Северо-Восточном Кавказе они встречаются гораздо реже, в основном доля приходится на гаплогруппу J1-M267. Кроме того, по частоте перечисленных мажорных гаплогрупп следует отметить два отдельных региона внутри Кавказа. Так, для популяций северо-западной и южной частей региона характерна высокая частота гаплогрупп G2-P15, J2-M267 и R1a1a-M198. Этот регион включает в себя популяции абазинцев, адыгов, балкарцев, черкесов, кабардинцев, карачаевцев, осетин, мегрелов, армян и абхазов. Для Северо-Восточного Кавказа, представленного популяциями андийцев, аварцев, багуалинцев, чамалинцев, чеченцев, даргинцев, ингушей, кумыков, лезгинцев и табасаранцев, характерны высокие частоты гаплогрупп J1-M267 и R1b1b2-M269. Таким образом, популяции Северо-Восточного Кавказа с одной стороны и Северо-Западного и Южного Кавказа с другой являются в значительной степени разделенными по генетическому признаку. В то же время у них выражено переднеазиатское происхождение генетического субстрата. Подобная картина в значительной степени соотносится с представлением о двух путях заселения Кавказа, связанных с Западным Прикаспием и Восточным Причерноморьем, известных еще с глубокой древности [Хуснутдинова и др. 2012: 754–755; Кутуев 2010: 37; Кутуев и др. 2010: 18–23].

Изучение этнических групп Кавказа с использованием маркеров Y-хромосомы, митохондриальной ДНК, а также полногеномного анализа показало наличие преимущественно (за исключением ногайцев) переднеазиатского компонента. Характерный для народов Кавказа переднеазиатский предковый компонент практически отсутствует у непосредственных северных соседей – народов Восточно-Европейской равнины [Хуснутдинова и др. 2012: 750].

Вариации аутосомных (неполовых) генов на Кавказе показывают значительное единообразие среди этнически и лингвистически разнообразного населения и согласуются преимущественно с версией ближневосточного происхождения кавказцев с незначительными внешними воздействиями.

В отличие от аутосомных и мтДНК вариаций, показатели региональных Y-хромосомов дают основание различать восточных и западных северокавказцев. Кроме того, племена Кавказа и Восточной Европы в период после последнего ледникового максимума (ПЛМ), возможно, послужили рефугиумом для заселения Восточной Европы. Рефугиум – участок земной поверхности или Мирового океана, где вид или группа видов пережили неблагоприятный для них период геологического времени, в течение которого на больших пространствах эти формы исчезли 26 000 лет назад. В это время первые переселенцы через Кавказ достигали северных районов [Yunusbaev et al. 2012].

В целом, распределение гаплогрупп как мтДНК, как и Y-хромосомы, а также анализ линий в популяциях Кавказа свидетельствуют о том, что генетическую популяцию Кавказа составляет автохтонный субстрат.

Анализ аутосомных данных показывает, что кластер (объединение нескольких однородных элементов) K=7 является основным родословным компонентом кавказских народов. Данный кластер имеет присутствие на Ближнем Востоке, но практически отсутствует среди непосредственных северных соседей – населения Восточно-Европейской равнины. Однако по аутосомным данным есть некоторые доказательства противоположного потока генов из Восточной Европы в Северный Кавказ, что подтверждается наличием Y-хромосомных гаплогрупп R1a1. Таким образом, наличие генетические разрывы между Кавказом и Восточно-Европейской равниной. Это свидетельствует о том, что ядро аутосомно-генетической структуры популяций Кавказа сформировано до его современного языкового разнообразия [Yunusbaev et al. 2012].

Выходит, сапиры, в V–I вв. до н.э. жившие на Юго-Западном Кавказе (долина р. Чорох и южнее), были типичными носителями гаплогруппы H. Также известно, что савиры/сабиры во II–VIII вв. н.э. были одними из многочисленных и активных племен на Северном Кавказе. Отсюда можно заключить, что савары/савиры пришли на Северный Кавказ из Закавказья и

Юго-Восточного Причерноморья. Поэтому сувары и чувашы, как наследники савиров, также являются выходцами из переднеазиатско-причерноморского региона.

Гаплогруппа Н занимает одно из первых мест по частоте распространения у большинства народов Волго-Уральского региона. Данная гаплогруппа имеет «сестринскую» гаплогруппу – V. Исходя из результатов анализа географического распределения частот и генетического разнообразия гаплогруппы V биологи предположили, что она возникла в Юго-Западной Европе около 16 тысяч лет назад. В Европе распространилась после ледникового периода. Гаплогруппа V обнаружена и в популяциях Волго-Уральского региона – у башкир, татар, чувашей, мордвы и марийцев. На втором месте по частоте распространения в популяциях Волго-Уральского региона находится кластер U, считающийся одним из самых древних, его эволюционный возраст составляет 50 тысяч лет. Данный кластер в регионе имеет наибольшее значение у чувашей (43,6 %), коми-зырян (37,1 %), татар (29,4 %) и башкир (28,5 %). В Волго-Уральском регионе наибольшее распространение получили гаплогруппы U5 и U4. Наряду с финно-угорскими популяциями гаплогруппа U5 с высокой частотой выявлена у башкир, татар и чувашей. Подкластер U3 в Европе встречается редко и не обнаружен в Центральной Азии. Высокий уровень генетического разнообразия гаплогруппы U3 выявлен в популяциях Кавказа (Осетия, Грузия, Армения) и в Турции. В популяциях татар и чувашей данный подкластер представлен двумя линиями, найденными ранее у турков, армян и ногайцев. Линии подкластера U8 крайне редко встречаются в выборке гайнинских башкир, коми-зырян и чувашей [Бермишева и др. 2002: 992–994, 996].

Распределение частот гаплогрупп Y-хромосомы среди народов Волго-Уральского региона свидетельствует о преобладании здесь гаплогруппы R1a1a-M198 [Трофимова и др. 2015: табл. 1]. Самая высокая частота у мордвы – 42,4 %. У чувашей эта частота составляет 29,5 %. Близкими к чувашам по частоте являются бесермяне (32,1 %) и коми (22,5 %). В этом отношении народы Волго-Уральского региона близки к

автохтонам Кавказа: у них R1a1a–M198 также входит в число преимущественных мажорных гаплогрупп. Притом у чувашей больше сходств с северо-западной и южной частями Кавказа, что говорит о прохождении савиров из Передней Азии на Кавказ по Причерноморскому побережью. При этом следует учесть, что рассматриваемая гаплогруппа R1a1a–M198 на территории современного Дагестана изначально отсутствовала [Хуснутдинова и др. 2012: 755]. Однако у народов Волго-Уральского региона достаточно высоки показатели и гаплогруппы N–M231, имеющие параллели с Южной и Западной Азией, а также с Внутренней Азией и Южной Сибирью [Трофимова и др. 2015: 123]. У чувашей N–M231 имеет 27,3 %, близкие показатели у казанских татар (28,3 %), самые высокие показатели N–M231 у марийцев – 79,5 %. Притом по ДНК-локусам ядерного генома чувашаи ближе к марийцам и удмуртам, чем к татарам и башкирам. Генетическую близость популяции чувашей к удмуртам и марийцам можно объяснить их территориальной близостью, а также историческими смещениями чувашей с марийцами [Васильева и др. 2013: 3,18]. Вся эта генетическая картина свидетельствует, по крайней мере, о соединении в популяции чувашей двух основных геномов, имеющих кавказское и южносибирское сближение.

Исследования маркеров митохондральной ДНК показывают, что исходно чувашаи не связаны с алатайским и монгольским населением по материнской линии [Graf et al. 2012: 17–67].

Для получения более полной и точной геномной истории чувашей нужны дополнительные, широкие выборки и сопоставления получаемых показателей с другими народами.

Антропология. Изучение антропологических особенностей населения Кавказа эпохи бронзы (III–II тысячелетие до н.э.) приводит к общему заключению о том, что доминантным был средиземноморской тип. Это: резко выраженная долихокrania, высокий свод мозговой коробки; уже среднего и выше среднего лицо, резко профилированное в горизонтальной плоскости; высокое переносье, уже среднего,

средней высоты и резко выступающий нос. В этот период наиболее близкие к кавказским антропологические формы засвидетельствованы в основном в переднеазиатских и средиземноморских краниологических сериях. Выходит, в продолжение бронзового периода на территории всего Кавказа был распространен один антропологический тип, который засвидетельствован в сериях как с территории Закавказья, так и Северного Кавказа. Морфологическая гомогенность раннеантичных черепов с территории Кавказа полностью исключает если не этническую, то, во всяком случае, большую этногенетическую пестроту населения. А в Закавказье в это время известна только кавказская разновидность средиземноморской расы [Абдушелишвили 2003: 251–254].

В составе Центрального Кавказа выделяют кавкасионский тип. Сюда отнесены осетины и картвельская группа (сваны, пшавы, рачинцы и др.). Кавкасионский тип представлен и в Западном Дагестане (аварцы и андийская группа). В целом, все население Кавказа, проживающее по отрогам центральной части Кавказского хребта, объединяет морфологическое сходство. К таким признакам относят большую величину длины тела, большие размеры продольного и особенно поперечного диаметров головы, огромную ширину лица. Антропологи пишут о формировании кавкасионского типа на той же территории, какую он занимает в настоящее время. Это результат консервации особенностей древнейшего населения, восходящего к эпохе неолита или верхнего палеолита и относившегося к палеоевропейскому типу европеоидной расы. Изоляция в труднодоступных районах высокогорья способствовала сохранению этих особенностей. Поэтому есть основание говорить не только об антропологических, но и культурно-исторических особенностях [Алексеев 1963: 28–64]. Судить об антропологическом типе жителей города и страны Сувар (VI–VIII вв., северо-западное Прикаспийское побережье) можно по краниометрическим данным серий из могильников Урцеки, Дегва, Агач-кала, Узун-тала. «Тип, представленный в этих могильниках, коренной дагестанский, связанный с древним пластом автохтонного населения обширного этнокультурного

региона, в границы которого входят как предгорья, так и некоторые горные районы Дагестана» [Фёдоров, Фёдоров 1978: 186–187]. Прослеживаются также связи этого региона с Закавказьем и Передней Азией.

Как считала Т.А. Трофимова, в состав формировавшейся чувашской народности вошли следующие основные антропологические типы: 1) лапоноидный тип, 2) европеоидный восточно-средиземноморский тип, 3) европеоидный относительно широколицый тип, 4) широконосый и прогнатный тип с “негроидными” особенностями, 5) монголоидный длинноголовый тип с относительно узким лицом [Трофимова 1950: 64].

В могильнике Донауровского некрополя города Джукетау (на западной окраине современного города Чистополь Республики Татарстан), датируемого XI–XII вв., выявлено около 30 захоронений. Антропологический материал свидетельствует о начальном этапе этнокультурного и этногенетического взаимодействия между местным населением, имеющим поволжско-приуральские истоки, и группами населения, переселявшегося на Среднюю Волгу с территории распространения салтово-маяцкой культуры. Для первых характерен брахикранный мезоморфный морфотип с небольшой монголоидной примесью, для вторых – резко европеоидный долихокранный комплекс. Средняя продолжительность жизни мужчин здесь составляла 35,5 лет, женщин – 28,6 лет. «Такая ситуация, когда женщины умирали раньше мужчин, в молодом возрасте, типична для эпохи Средневековья, что во многом связано с послеродовыми осложнениями и отсутствием своевременной медицинской помощи» [Газимзянов, Набиуллин 2011: 22].

Остеологические данные средневекового населения Поволжья позволяют реконструировать физический тип. Тогда люди были брахиморфны, с укороченными нижними конечностями. Чуваша, наряду с марийцами и удмуртами, имеют наибольшее сходство со средневековым населением Поволжья [Тихонов 2003: 222].

Согласно М.С. Акимовой и Т.И. Алексеевой, мужские черепа северных и южных чувашей очень сходны между собой. Различия очень незначительны и позволяют отнести мужские черепа южных и северных чувашей к одному антропологическому типу. Т.А. Трофимова допускала также включение и другого монголоидного компонента, который, видимо, был принесен гунно-булгарскими племенами. Уральский тип в смягченном варианте, субуральский, наиболее ясно выявляется в женской серии с территории южной Чувашии [Акимова 1955: 82, 84, 86]. Конечно, под гунно-булгарскими племенами в южной части Чувашии следует иметь в виду прежде всего савиров / сувар.

По визуальным наблюдениям среди верховых чувашей во второй половине XVIII в., у чувашей волосы на голове и бороды желтые или рыжие. Рост средний [Миллер 1791: 11]. Исследователи отмечают чрезвычайную пестроту антропологических типов среди чувашей. Например, в первой половине XIX в. А.А. Фукс заметила, что среди чувашей из 20 человек невозможно найти двух лиц, одинаковых между собой [Фукс 1840: 95]. Данные по чувашам на конец XIX в. по Уфимской епархии обнаружили следующие отличительные показатели: цвет кожи желтоватый, волосы преимущественно русые, скулы выдающиеся, лоб низкий, глаза узкие, борода редкая, рост средний, телосложение слабое [Златоверховников 1899: 34]. По данным на 1911 г. чувашаи характеризуются смешанным типом по цвету волос и глаз, но с резким преобладанием темного типа над светлым. По головному указателю больше брахицефалов (42 %), но значителен и процент долихоцефалов (32 %) и мезоцефалов (26 %) [Ивановский 1911: 387].

В 1936 г. в Чувашской республике работала экспедиция НИИ и Музея антропологии МГУ. Результаты свидетельствуют, что чувашаи в целом характеризуются низким ростом, длинной и средней ширины головой, средневысоким переносьем, пониженным ростом бороды. По одним признакам они сходны с левобережными мари, ижевскими удмуртами и коми-пермяками, по другим – с татарами [Алексеева 2004: 50–51].

Исследования низовых и верховых чувашей в середине XX в. свидетельствуют, что суммарно население характеризуется средними показателями по многим параметрам. У них средний рост, в основном темные волосы, слабый рост бороды и очень слабый волосяной покров на теле, средневысокое и среднеширокое лицо, со средней профилировкой. Нос также средней высоты и ширины, высота переносья чуть ниже средней, профиль носа и профиль костной части носа прямой. Однако голова брахикефальная, лоб средненаклонный, надбровье среднее [Алексеева 1955: 94].

У северо-западных и несколько слабее у юго-западных групп башкир заметно большое влияние краниологического типа финнов и тюрков Поволжья и Прикамья, обнаруживается наибольшая связь с чувашами. Серии женских черепов близки в основном к краниологическим материалам финнов и тюрков Волго-Камья и отчасти угров Западной Сибири, т.е. народов уральской расы. Комплекс признаков уральской расы (небольшие размеры черепа, относительно низкое среднеширокое лицо, низкое переносье, светлая пигментация), как считал Р.М. Юсупов, является общим для башкир, удмуртов, марийцев, чувашей и части татар [Юсупов 2002: 22–24]. При этом по данному вопросу наиболее верным можно принять утверждение В.П. Алексеева: «Даже при поверхностном морфологическом описании видно, что краниологически чувашаи похожи на своих финноязычных соседей и что, следовательно, их антропологический тип формировался при интенсивном участии той комбинации признаков, которая характерна для финноязычных народов Поволжья и получила наименование субуральской» [Алексеев 1971: 248]. Краниоскопические и краниометрические показатели свидетельствуют о близости чувашей с мордвой, луговыми марийцами, а также о наличии у них значительного финского субстрата [Козинцев, Моисеев 1995: 85, 86]. Замеры Т.И. Алексеевой также говорят о близости чувашей с горными марийцами [Алексеева 1955: 94]. С.Г. Ефимова пишет о сходстве морфологических особенностей чувашских черепов с таковыми у финно-угорских групп Поволжско-Приуральского

региона [Ефимова 2004: 60]. Исследования современного населения северных районов Чувашской Республики позволяют говорить о том, что наибольшую и практически одинаковую генетическую близость чуваша обнаруживают с марийцами, двумя субэтническими группами коми и татарской популяцией [Спицын и др. 2009: 1274]. Такой вывод фактически с исторической точки зрения ожидаемый. О значительном числе общих линий чувашей с татарами и марийцами свидетельствуют и исследования по этногеномике [Хуснутдинова и др. 2006: 36]. Расширение района исследования позволило бы включить и некоторые другие народы, имеющие генетическое сходство. Например, особенности изменчивости пальцевых узоров народов Волго-Камского региона демонстрируют сходные тенденции во всех изученных группах. Особенности распределения признаков на пальцевых подушечках указывают в целом на преобладание европеоидного компонента в дерматоглифике башкир, марийцев, татар и удмуртов Башкирии, чувашей Чувашской Республики, а также мордовских и русских мужчин юго-восточной Мордовии [Шпак и др. 2015: 162]. Данные антропологические сходства разноязычных народов Волго-Камья объяснимы не столько их генетическим родством, а прежде всего их географической близостью и многовековым соседством.

Население Чкаловского района (ныне входит в Батыревский район) является наиболее европеоидным. В целом, оно приближается к валдайскому или балтийскому типу. К чкаловцам больше всего близки яльчикцы. Здесь люди имеют свой набор признаков: у них более темная пигментация, рост выше среднего, большой процент высоких переносий и сильной профилировки лица. Все это обнаруживает в них черты понтийского типа. Население Первомайского района, хотя и южное, характеризуется теми же признаками, что и население северных районов. От батыревцев и яльчикцев они отличаются более низким ростом, но, как они же, имеют несколько большую европеоидность по сравнению с верховыми чувашами [Алексеева 1955: 94]. Как подтверждают краниологические исследования, чуваша (особенно южные) входят в ряд наиболее

европеоидных европейских народов [Моисеев 1999: 47, 50, 62]. Современные исследования европеоидных компонентов в митохондриальном (внеядерном) генофонде народов Волго-Уральского региона позволили обнаружить большую пропорцию европеоидности в популяциях коми (83 %) и мордвы (76 %), меньшую – в популяциях марийцев (53 %) и чувашей (63 %). В то же время, по данным ДНК-локусов, чувашаи в регионе показывают наибольшую долю европеоидности (98,3%, наименьшая – у башкир: 66,3 %) [Хуснутдинова и др. 2006: 142, 146].

Монголоидный признак по всей Чувашской Республике выражен неравномерно. Проявляется он резче всего в горизонтальной профилировке лица и наличии эпикантуса. В степных районах этот признак выражен совсем слабо, население этих районов тяготеет к европеоидам Среднего Поволжья, в частности к мордве. Монгольские признаки чувашей не являются следствием физического воздействия Золотой Орды. Антропологи считают, что смешение европеоидных и монголоидных типов произошло в Среднем Поволжье на более раннем историческом этапе. Появление монголоидности на территории Среднего Поволжья, возможно, имело место на рубеже эр [Алексеева 1955: 94, 96, 97].

Археология. Древние общности Предкавказья появились в результате миграции населения с юга. Например, археологи отмечают важность районов Северной Месопотамии, Восточной Анатолии и Сирии в решении проблем, приведших к становлению майкопской культуры в Предкавказье. Радиоуглеродное изучение майкопско-новосвободненской общности показало связь со временем урукского периода. Именно носители майкопско-новосвободненской общности сохранили в своей среде традиции изготовления круговой знаковой керамики, столь напоминающей посуду восточноанатолийского памятника Арслантепе VII, и расселились по долинам рек Кубань, Терек, их притоков. Одной из причин появления носителей будущей майкопской культуры в Предкавказье стало сложение в долинах Терека и Кубани благоприятных климатических условий для поверхностной

обработки почвы и придомного разведения скота. Поселение Галаюгаевское 3 на Тереке дает дату 3950–3650 гг. до н.э. Поэтому можно поставить вопрос об очень раннем появлении носителей традиций изготовления урукской керамики на территории современной Южной Осетии и в Центральном Предкавказье, включая Верхнее Прикубанье. Археологи затрудняются сказать, сколько было южных импульсов в Предкавказье и, главное, как они были организованы. Но археологические материалы позволяют говорить о сходстве деталей вещей и орнаментов. Весьма показательны в этом отношении, например, миски с убранным внутрь бортиком. Они локализованы только в Прикубанье. Такие же миски зафиксированы в Восточной Анатолии и Северной Сирии времени среднего урук [Кореневский 2004: 90–92; 2014: 68–69].

На Кавказе нас больше всего интересуют могильники. Например, в Верхнем Чирюрте (Кизилюртовский район Республики Дагестан). Неустойчивая ориентировка здешних погребений свидетельствует об этнической неоднородности населения Присулакской низменности эпохи раннего Средневековья. Это отражается и в краниологическом материале. Принимая во внимание свидетельства источников, можно допустить, что в составе населения, оставившего этот могильник, определенное место занимали пришлые элементы, связанные с савирами и булгарами. К тому же грунтовые могилы занимают здесь особый участок могильника. Впускное погребение на кургане Уч-тепе (Азербайджан) связано с походами северных племен в Закавказье. Здесь найдена золотая византийская монета Юстина I (518–527 гг.). Инвентарь из погребения (меч с односторонним лезвием, золотой поясной набор, золотой перстень с пехлевийской надписью) позволяет датировать погребение концом VI – началом VII в. VI в. – это время расцвета великолепного Варачана (впоследствии Джидана) и «Царства гуннов» (т.е. савиров) в целом [Фёдоров, Фёдоров 1978: 61, 64].

На основе синтеза аборигенных культур и привнесенных сюда с южнорусских степей болгарских и суварских культур в

X–XIV вв. на Средней Волге складывается болгарская археологическая культура. В ней большую долю занимает и суварское наследие. Наиболее типичным материалом среди археологических находок является керамика (кувшины, горшки, миски). Значительную долю составляют изделия кузнецов и ювелиров (замки, сельскохозяйственные орудия, оружие, украшения). Грунтовые могильники незначительной глубины ориентированы по линии запад – восток. Преимущественно содержат большое количество вещей: украшения, оружие, конская упряжь, сосуды. На могильниках в изголовьях погребений зафиксированы деревянные столбы *юпа*, известные на чувашских кладбищах и в наши дни. С начала X в. появляются черты мусульманской культуры: отсутствие или минимальное количество инвентаря, некоторые погребенные повернуты лицом к югу, т.е. к Мекке, иногда они лежат на боку; надгробные камни с арабографичными эпитафиями. В XIII в. появляются каменные надгробия.

Трудами Шигабудтина Марджани и Г.Н. Ахмарова было определено местоположение г. Суvara. Это – местность в 4 километрах от с. Кузнечиха на запад по р. Утка. Затем были планомерные раскопки А.П. Смирнова. Было выяснено, что кирпичный двухэтажный дворец и усадьба богатого феодала, как и сам город в целом, сооружены в X–XI вв. и разрушены в XIV в. В Суvаре также имелись деревянные и глинобитные строения. Обнаружено около 90 ям-зернохранилищ, обитых дубовыми досками. Экспедиции А.П. Смирнова накопили материал, позволяющий представить оборону Суvара. Это – земляные валы с дубовыми стенами в два ряда шириной 3,5–4 м, утрамбованные внутри землей, и сторожевые башни. Снаружи – ров, наполненный водой и напичканный острыми бревнами. Крепость охраняли воины с копьями, дальнoбойными луками и стрелами. «Эти укрепления явились первой серьезной преградой на пути следования монгольского войска в Европу в 1236 г. Суvар, расположенный южнее остальных крупных городов Волжской Булгарии, бесспорно, одним из первых принял на себя удар неприятельской армии» [Фахрутдинов 1986: 102].

Археологами подтверждается заселение суварами правобережья Волги в начале X в., т.е. накануне экспедиции Ибн Фадлана. Особенно интересно Тигашевское городище, расположенное на правом берегу Булы. Всего за три года на городище было вскрыто почти 6000 кв. м площади. Установлено, что история памятника расчленяется на четыре периода: 1) срубная стоянка, 2) сооружение первого святилища (Г.А. Федоров-Давыдов назвал его болгарским, но оно явно суварское), окруженного рвом (без валов), 3) сооружение городища с мощной системой укреплений; внутри строится второе святилище с деревянной фигурой божества, 4) внутренняя площадка городища застраивается жилыми и ремесленными сооружениями; второе святилище разрушено: жилая территория городища расширена за счет уничтожения внутреннего кольца обороны [Федоров-Давыдов 1962: 49–89]. Мощность стоянки эпохи бронзы в среднем составляет 0,6–0,7 м (три пласта по 20 см). Исследователь Г.А. Федоров-Давыдов относит ее к первой половине II тысячелетия до н.э. Первое святилище представляло собой прямоугольную площадь, обнесенную деревянным забором. Сохранились лишь канавки, куда были вставлены деревянные доски. В середине юго-восточной стены святилища – вход шириной 2,4 м, по бокам которого стояли деревянные столбы. Пройдя этот вход, посетитель оказывался в прямоугольном пространстве. Против первого входа имеется второй. Он не оформлен столбами, как первый. В центре святилища на глиняной забутовке – большое пятно очень сильно прокаленной земли, на которой лежал слой белой золы. Такие следы говорят о кострище, огонь которого горел здесь очень долго. Площадь прокаленной земли составляет 0,5 м в овале. Период существования святилища был достаточно продолжительным. Это святилище служило местом явно для культовых действий, а не для жилья. Г.А. Федоров-Давыдов допускает, что именно перед святилищем было главное скопление народа, а не внутри его, куда допускались,

вероятно, не все. В сравнение он приводит славянские источники.

Затем на месте разрушенного святилища было построено мощное укрепление. Оборонительная система Тигашевского городища представляет собой сложное фортификационное устройство из трех валов и рвов. Три линии вала и рвов прикрывают городище с востока, юга и юго-запада. С севера и северо-запада городище защищено рекой и непроходимым болотом. Городище соединял с материком перекидной мост. Осаждающие войска, прорвав первые ворота внешнего оборонительного кольца, попадали в пространство между первым и вторым валами. Это заставляло противника развернуть свои силы. Так они подставляли свои бока защитникам крепости. Если нападающие прорывали вторую линию, то они попадали в закрытое пространство между вторым и третьим валами. Таким образом значительно таяли силы противника. Автор раскопок считает, что крепость представляла собой в это время феодальный замок. Он был построен на месте старого святилища. Рядом со старым *Киремет* внутри было построено новое святилище. Внутри прямоугольной ограды в средней части напротив входа стояла фигурка божества в виде столба. От столба сохранилась лишь нижняя часть, врытая глубоко в материк. В сырой глине дерево сохранилось хорошо. Эта нижняя часть обработана топором, диаметр столба в нижней части 65 см, в верхней – 50 см. Сохранившаяся часть имеет высоту 1,26 м. С внешней стороны забора около восточного угла в яме найдены кости лошади. У восточного угла ограды обнаружен расчлененный скелет собаки. Еще два костяка собаки найдены на северном валу городища. Со временем второе святилище было расширено и застроена его внутренняя территория. Здесь имелась печь. Положение печи в углу дома и наличие деревянных брусьев под печью свидетельствуют о параллелях с устройством чувашского крестьянского дома. Площадь

самого жилища с печью – 45 кв. м. Рядом был обнаружен подпол другого дома. Найденные здесь обломки бронзовых и медных шлаков, бронзовых гвоздей говорят о том, что здесь жил и работал кузнец и бронзолитейщик.

Керамика Тигашевского городища представлена большим количеством обломков посуды. Всего поднято более 19 000 фрагментов. Процент лепной керамики соответствует обычной для X–XI вв. доле лепной посуды в общем количестве черепков. Типичен для X–XI вв. высокий процент коричневой керамики. Найденная здесь ручка кувшина из трех витых стволов имеет очень близкие аналогии в памятниках первой половины I тысячелетия н.э. из Нижнего Подонья, в том числе из поздних слоев Танаиса. На городище найдены также стрелы, пряжки, топор, бусы, плинфа и шиферные пряслица. Весь памятник в целом датируется X–XI вв.

Тигашевское городище богато остатками ремесленной и сельскохозяйственной деятельности, оружием, бытовыми и культовыми предметами. Ремесленник покупал металл в слитках. Такие обрубленные слитки найдены при раскопке мастерской. В переплавку шел бронзовый и медный лом. Сохранилась бронзовая ложка, которой лили расплавленный металл. В мастерской найдена стрелка от весов, что свидетельствует о связи мастера с рынком. Имеются предметы (обрезки костей, костяные пластины с витым узором), говорящие о косторезном ремесле. О ткацком производстве свидетельствуют упомянутые шиферные пряслица. О сельском хозяйстве дает представление плужный нож. Найдены также обломки косы, жернова с плоской рабочей поверхностью, рыболовный крючок и грузила. Большая редкость среди археологического материала – пила XI в. свидетельствует о высоком уровне обработки дерева. Из оружия – железные стрелы, обломок боевого топора.

Таким образом, Тигашевское городище представляет собой 1) памятник доисламской религии и 2) памятник

зарождающегося феодализма в Волжской Булгарии. Г.А. Федоров-Давыдов пришел к выводу о том, что «Тигашевское святилище было религиозным центром племени или группы племен, переселившихся на территорию юга современной Чувашской АССР в X в.» [Федоров-Давыдов 1962: 85]. Переселение племен на р. Була не было, видимо, медленным и постепенным. Можно предположить, что произошло переселение больших масс и связано это было с перенесением племенного святилища. Полное отсутствие костей свиньи на городище свидетельствует о том, что здесь вскоре восторжествовало мусульманство.

В XVIII–XIX вв. городище близ д. Тигашево почиталось как киреметище. При раскопках было найдено свыше десятка монет этого времени – приношения божеству местности. На городище население вело себя тихо, здесь запрещалось ругаться, говорить громко, наносить оскорбления. Земля, занятая святилищем, не вспахивалась. «В южной части внешнего вала виден проем, сделанный, как сообщили жители дер. Тигашево, сравнительно недавно; через этот проем прогоняли скот... В земляной насыпи (валу) прорывался проход; иногда его перекрывали досками или бревнами. Через этот проход прогоняли скот. После этой церемонии считалось, что скот защищен от болезней и падежа» [Федоров-Давыдов 1962: 89]. В 1995 г. городище включено в федеральный список охраняемых государством памятников. Однако следует отметить, что археологические раскопки на юге Чувашской Республики не ведутся. Здесь ждут своего часа памятники начала X в. В том числе есть настоятельная необходимость дальнейших работ на Тигашевском городище.

На территории нынешнего Батыревского района в X–XIII вв. функционировало Новоахпердинское селище.

Естественно, со временем материальных свидетельств становится все меньше и меньше. Однако археологические находки позволяют восстановить их. Так, старые кладбища Свяяжского округа даже татары относят к чувашам. Например,

близ д. Татарские Нартли в конце XIX в. начало отмывать водою. На месте было найдено много железных предметов (кочедык, ножик и т.д.) [Ахмеров 1998: 216]. Однако известно, что татары не кладут в гроб вещи. Поэтому следует признать, что аналогичные кладбища принадлежат чувашам.

Религия. Из свидетельств начала VI в. видно, что гунно-савиры почитали фигурки божеств, изготовленных из серебра и сплава золота и серебра [Феофан 1980: 27, 51]. В 90-х гг. VI в. в конфедерацию тюркских племен входили уары (авары), хунни, барселты (барсилы), уннугуры, савиры (*Σαβίροι*) и многие другие племена. Все они, как писал Феофилакт Симокатта, «чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимны земле, поклоняются же единственно тому, кто создал небо и землю» [Theophylact 1887: 258]. Своему верховному божеству они приносили лошадей, быков и мелкий скот. Тех людей из своей среды, которые могут предсказать будущее, они выбирали жрецами.

Христианизация верхушки гунно-савирского общества епископом Исраэлом в VII в. не задело масс. Народ как был, так и остался при дедовских традициях. Поэтому заявления о том, что епископ Исраэл утвердил в стране христианство [Семёнов 2014: 48], не соответствуют действительности.

В VII–VIII вв. царство, расположенное в Прикаспийской долине, Гардизи называет Царством гуннов, Ибн Хордадбех и Ибн ал-Факих – Царством сувар по имени гунно-савилов. После арабского нашествия страна разделилась на две части. Сувары заняли ее южную часть. Их главным городом стал Хамзин (так у Ибн Руста, а у Гардизи – Джедан). Царь и жители Хамзина исповедовали три религии одновременно: в пятницу они молились с мусульманами, в субботу – с евреями, а в воскресенье – с христианами [Бартольд 1897: 124; Артамонов 1962: 228]. И это не капризы царя страны. Его поведение было продиктовано наличием приверженцев всех этих религий. Ведь каждая группа думала, что именно его вера истинная. В стране сохранялись и древние формы религии. Например, жители городов Ранхаз и Хамзин в каждую среду собирались у

громадного дерева, вешали на дерево свои приношения и поклонялись ему.

Бросается в глаза сходство названий главных божеств у чувашей и армян – *Тур/Тор* и *Тарк/Торк*. Как верно замечают исследователи, армяне заимствовали это название у хеттохурритского божества плодородия и растительности *Тарху* [Тер-Саркисянц 2008: 100]. Практически именно эти функции были присущи и чувашскому божеству *Тур/Тор*. На сходные черты в народных верованиях чувашей и ряда народов Кавказа на примерах культа радуги, звезд, солнца, луны и железа указал В.Ф. Каховский. Он отмечал ряд сходств у чувашей и народов Кавказа в области космологии и мифологии. Небесные светила представлялись живыми существами. Грузины, болгары, гагаузы и чувашаи во время затмения поднимали шум, били в печные заслонки, бросали вверх горящие головешки, желая таким образом отпугнуть злого духа, стремящегося проглотить луну [Каховский 1965: 260–262].

Согласно Константину Багрянородному, в конце IX в. в пространстве от Днепра до Херсона обитали четыре рода пачинакитов. Среди них и куарцидур/куарцициур [Багрянородный 1991: 159]. Хотя названное племя и отнесено Багрянородным в род пачинакитов, под этим названием, возможно, скрываются уже известные нам по работе Мовсеса Каланкатуаци поклонники божества *Куар*. Но такой взгляд пока не более чем гипотеза.

А на месте Введенского кафедрального собора в Чебоксарах располагалось крупное святилище чувашей. Киреметища в принципе являлись местом проведения всечувашских молений [Салмин 2007: 404–418].

Религия – идеология всеохватывающая. Она имеет сильное влияние на хозяйственно-культурный тип. Средневековые болгары, все еще придерживавшиеся традиций кочевников, стояли у власти, и им нужна была религиозная монополия для большей власти. А исконные земледельцы сувары не захотели бросить свой уклад и следовать за болгарским князем Алмушем. Как видим, разногласия с ним у них были основательные: противоречие новых и старых

верований в государстве, несоответствие хозяйственно-культурных типов, сохранение традиций одними и смена государственных интересов у других. Итак, с этого времени болгары официально стали исповедовать ислам, а сувары оставались при дедовских традициях. Этот тезис в литературе повторяется многократно, и он, в принципе, соответствует действительности.

Однако желание сувар остаться при своих древних верованиях, как считают некоторые исследователи, есть пример неправильного поведения. Беренджеры и барсилы добровольно согласились на объединительный шаг Алмуша, а эсегелы, хотя и сомневались, в итоге все же не посмели ослушаться царя. А вот сувары почему-то посмели, и это, якобы, нехорошо. Был ли за это наказан князь Вырыг – сведений в источнике не имеется. Но ведь «наказание столь категорического ослушника являлось острой необходимостью», замечает Алмаз Мухамадеев. «Фактически сувары посмели открыто противостоять всему болгарскому сообществу. На сувар не подействовали ни уговоры, ни угрозы Алмуша, и, похоже, им все это сошло с рук. На что или на кого могли надеяться сувары в такой обстановке?» – вопрошает тот же автор и сам же дает ответ: «На хазар». Далее он как бы раскрывает «суварскую карту» в руках хазар. А. Мухамадеев пишет, что сувары переправились за Волгу и «формировали предков чувашей» [Мухамадеев 2014: 4–10]. В принципе, все верно: и то, что суварам хазары всегда были ближе, чем болгары, и то, что сувары есть предки чувашей. Для того чтобы убедиться в этом, надо просто детально изучить историю чувашского народа. Тогда пройдут все удивления, и всё становится на свои места. А понукать народ, что он не так поступил в угоду болгар, не стоит. Булгары сами виноваты в том, что развалили такое могущественное государство, как Волжская Булгария. Можно было жить в согласии со всеми племенами, мирно сожительствующими в одном регионе, укреплять далее экономику, а не взять курс на диктаторские замашки. Тем более для этого были все предпосылки: выгодное географическое расположение, плодородные земли с развитым зерноделием, отличное

состояние ремесленничества, продвинутое военное дело, торговые связи. Все это было утеряно в одночасье. Как результат – в дальнейшем Волжская Булгария стала объектом нападков и в конце концов сошла с исторической арены. Причина – болгары потеряли надежного союзника. Более того, болгары сошли на нет как народ: они взяли на себя чужие нравы и отказались от своего замечательного прошлого.

Эпитафии конца XIII – начала XIV в. сохранили образцы лексики и морфологии сувар – по сути, чувашей позднего Средневековья. В них мы встречаем такие словосочетания, как *Savar ivli*, чуваш. *Сăвар ывăлĕ* «сын Сăвара»; *ġiāti ġür ġirimi ikiniš ġal*, чуваш. *çич çĕр çирĕм иккĕмĕш çул* «722 год = 1332 г.»; *ayüçi van küân*, чуваш. *уйăх(ăн) вун(нăмĕш) кун(ĕ)* «десятый день месяца» [Бенцинг 1986: 20]. Как видим, современные чуваша во многих случаях являются единственными живыми носителями языка эпитафий Волжской Булгарии. Поэтому при исследовании народных обрядов и верований следует учитывать, что верования и обряды сувар в основных чертах совпадают с чувашскими верованиями и обрядами, известными по описаниям XVII–XIX в. [Димитриев 2014: 97, 107] и более раннего времени.

Исследование традиционных форм народной религии предполагает бережное и корректное обращение с материалом. Конечно, имею в виду недопустимость перенесения терминов из других областей религии (например, из ислама и христианства). Обеспокоенность исследователей по этому поводу понятна [Салмин 2007: 23–32]. Например, Е.М. Главацкая справедливо считает не вполне корректным термин «язычество» для обозначения религиозных традиций хантов. Та же самая ситуация и с выдуманными миссионерскими терминами типа «идолопоклонство», «кумирня», а также «шайтан» и «идол» вместо конкретных названий божеств и духов, например вместо *лонгх* у хантов. «При этом подразумевалось, что язычники рано или поздно перейдут в христианство, а самостоятельное развитие каждой религиозной традиции параллельно христианству не предполагалось» [Главацкая 2005: 17].

Язык. Хурритские собственные имена царьков и вельмож, зафиксированные в ассирийских надписях VIII–VII вв. до н.э., свидетельствуют о существовании в это время на окраинах Армянского нагорья хурритоязычного населения. Затем они влились в состав армянского народа. Конечно, в этом же регионе жили и другие местные племена, говорившие на своих языках. Современное языкознание пришло к мнению о том, что хурритско-урартские и северокавказские языки представляют собой две родственные, но независимые семьи. В свою очередь эти две семьи образовывали отдельную ветвь предполагаемой макросемьи [Хачикян 2010: 119,120; 2010а: 127,142; Касьян, Сидельцев 2013: 39]. В этом разрезе бросаются в глаза совпадения типа хетт. *atta*, хуррит. *aṭ'au*, урарт. *ate* – чуваш. *атте* «отец», а также *Атмай* (мужское имя); хетт. *anna* – чуваш. *анне* «мать»; а также хетт. *man*, чуваш. *ман* «мой» (например, хетт. *tuikkam man*, чуваш. *ман үт-нү* «мое тело», хетт. *atta man*, чуваш. *ман атте* «мой отец»), урарт., армян. *so(w)a*, хуррит. *šiy* – чуваш. *шыв* «вода». Видимо, эти и другие совпадения – не случайные. Во всяком случае, они до сих пор остаются необъясненными.

В области Ван и Муцацир в долине Большого Заба жили урартцы. После падения Урартского царства в начале VI в. наряду с другими этническими группами, населявшими территорию Армянского нагорья, они постепенно утратили свой язык и влились в состав армянского народа [Хачикян 2010б: 149].

Как известно, в Персидской державе (VI–IV вв. до н.э.) языком деловой переписки и международных сношений был арамейский. Арамейский язык в тот период получил широкое распространение по всему Переднему Востоку. Писали финикийским по происхождению письмом. Для этого пользовались кожей, папирусом или глиняными черепками от посуды [Дьяконов 1961: 121; Тер-Саркисянц 2008: 58–59]. Здесь же функционировали древнеперсидский, эламский и аккадский языки. Кроме того, коренные народы пользовались своими языками. Этот момент исследователям истории чувашского языка также следует учитывать, ибо саспейры/сапиры в течение

трех веков жили в составе Персидской державы. Также важно иметь в виду, что язык саспейров (сапиров) считается реликтовым языком Передней Азии.

Грузинско-чувашские лексические соответствия, естественно, объяснимы кавказским периодом их соседства. Исследователи приводят целый список таких слов. Например: чуваш. *сивё* – грузин. *циви* «холодный»; чуваш. *чир* – грузин. *чири* «болезнь»; чуваш. *сан* – грузин. *шэн* «твой»; чуваш. *ман* «мой» – грузин. *ме* «я»; чуваш. *кёне* – грузин. *каба* «платье, рубашка»; чуваш. *каччӑ* «парень, повзрослевший» – грузин. *катси* «мужчина»; чуваш. *кефир* – мегрел. *кипури*; чуваш. *сар* – грузин. *джари* «армия»; чуваш. *супӑнь* – грузин. *сапони* «мыло»; чуваш. *тупа* – грузин. *тапа* «сковорода»; чуваш. *тӑри* – грузин. *тороло* «жаворонок»; чуваш. *така* – грузин. *тха* «коза, козел, баран»; чуваш. *халӑх* – грузин. *халхи* «народ»; чуваш. *чул* – грузин. *тьал* «камень, кремь». А также армян. *хъяр* – чуваш. *хӑяр* «огурец», *дзор/цор* – *сыр* «берег, обрыв».

В древности все племена Предкавказья говорили на одном из широко распространенных языков. Но на каком? Ответа на этот вопрос пока нет. В то же время следует говорить об этнокультурной неоднородности и полиэтничности населения или наличии диалектов какого-то древнего одного или нескольких языков. Видимо, была велика роль языковой ассимиляции, а генофонд сохранялся прежний. На сегодня доказан факт общности происхождения древнекавказских языков с ныне мертвыми языками Передней Азии. Имеется тесная связь коренных языков народов Западного и Восточного Кавказа с языками Малой Азии (абхазо-адыгских с хаттским, нахско-дагестанских с хурритско-урартским) [Дьяконов 1967: 176; Старостин 1988: 112; Почешхова 2007: 17,21]. Такую гипотезу подтверждают и археологи [Кореневский 2004: 98]. Для примера возьмем слово явно кавказского происхождения – *кефир*. Ср. мегр. *kipuri* "простокваша, приготовляемая в мехе", балкар. *гэрэ* "кефир", осет. *кӕруӕри* "кефир, грибки кефира". Однако первоисточник для данного слова не установлен.

В чувашском языке сохранилось ряд слов, совершенно одинаковых как в китайском, так и во многих тюркских языках

(*лаҫ* «лачуга», *ылтӑн* «золото», *кӗмӗл* «серебро», *тимӗр* «железо», *ҫар* «войска», *чӑн* «правда», *тум* «одежда», *кӗвӗ* «мелодия», *сӑрӑ* «краска», *ӗнчӗ* «жемчуг»), А.В. Дыбо, опираясь на фонетические особенности этих заимствований, устанавливает их китайский субстрат. Она же датирует их временем ухода гуннов на запад, т.е. первой половиной I в. н.э. [Дыбо 2006: 770]. Видимо, эти слова были заимствованы савирами от гуннов во II–V вв. н.э. на Кавказе.

Весьма показательное название города Дербент. На этом месте в стране *Чор* иранским шахом Иездигердом II (438–457 гг.) или еще его предшественником Варахраном (420–438 гг.) была сооружена крепость. Г.-Р. А.-К. Гусейнов полагает, что название страны *Чор*, крепости *Zovár-оs*, прохода *Чора* (*Джора*, *Тӗӧр*), города *Чора* (*Чола*, *Чога*, *Чол*), ворот *Чола* (*Чога*) пришло из болгарского языка и означает «яр, откос, берег, обрыв» [Гусейнов 2014: 54–59]. Он же указывает на возможную этимологическую связь рассматриваемого топонима с чувашским *ҫыр* в том же значении. Такая этимология более чем оправданна. Сюда же следует отнести предположения о связи топонима с армянским *дзор/цор* в значении ущелье [Артамонов 1962: 120–121; Тревер 1959: 276]. Так обнаруживаются древние савиро-армяно-дагестанские языковые субстраты.

В пределах Даду (Дагестана) живет 13 племен, писал Захарий Ритор, описывая события V–VI вв. И он перечислил эти этнонимы. Переводчик и комментатор ахария Н.В. Пигулевская заметила: «Девять имен из тринадцати имеют общий тип окончания на *ар*, *ур*, *ир* и представляют, несомненно, видоизменения одного общего корня, с различными приставками. Имена эти: ауангур, аугар, сабир, бургар, кутаргар, авар, хазар, дирмар, сирургар» [Пигулевская 1939: 111].

Гунны, появившиеся в Европе за четыре века до тюрков, как оказалось, в языковом отношении были и не тюрками, и не монголами. Как установил Герард Дёрфер, они, как и последовавшие за ними апары (авары/обры), говорили на языке вымершей языковой семьи [Doerfer 1973: 1–50]. Постулаты о том, что чуваша – это гунны, а гунны – это тюрки, поэтому

чуваши являются ранними тюрками – в корне ошибочны. Кстати, соответствия чувашских *r* и *l* тюркским *z* и *ǰ* свойственны и монголам, и тунгусам. И вообще так называемые термины «ротацизм» и «ламбдаизм» выведены от греческих букв <*ρ*> *rho* и <*λ*> *lambda* и были использованы изначально в описании латинского языка. В языковом отношении чувашей считают единственными живыми потомками огуров, т.е. носителями *r*-языка [Golden 2013a: 49; Семёнов 2013: 333]. В то же время чувашский и якутский языки, как известно, отступают от общетюркской системы согласных. Эта черта была характерна для чувашского языка еще во времена глубокой древности, что доказывается некоторыми словами, дошедшими до нас в качестве заимствований в венгерском (мадьярском) языке, а также немногочисленными остатками из языков дунайских болгар и гуннов [Ашмарин 1928: 60–61].

Согласно «Сказанию» Приска Панийского, жену вождя гуннов звали *Крёка* [Prisci 1979: 52]. Многие исследователи идентифицируют это имя с чувашским дохристианским именем *Хёркке*. Отсюда есть возможность указать на ее савирское происхождение. Аттила имел от нее трех детей, старший из которых был владельцем акациров и других народов, занимающих Припонтийскую Скифию. Прокопий, Приск и Феофан зафиксировали имена савирских царей *Βαλαχ* (*Волах*, *Валах*, *Болах*), *Βαμάχ/Βαρμάχ*, *Ἰλιγερ*, *Κούτιλζις*. Прокопий считал, что имя *Βόα* (*Вова*, *Воа*, *Боа*) происходит от названия реки Боас, берущей начало от Цанских гор. Притом он добавил, что по течению этой реки живут гунны, называемые сабирами/савирами (*Σάβειροι*) [Procopii 1905: 291–292]. Предложенная Денисом Синором этимология *ρηξ* в *Βωαρήξ* как германское *reiks* некоторыми исследователями отклоняется [Маенхен-Гельфен 2010: 485]. В событиях, означенных 520-ми гг., Боарикс была царицей после смерти мужа Валаха. Агафий также писал о савирских предводителях Балмахе, Кутилзисе и Илигере, которые показали храбрость в войне 554–555 гг. [Agathi 1828: 177].

Описывая передвижения посольства по гуннским землям, Приск, в частности, заметил: «Следующие за нами служители

получали просо и добываемое из ячменя питье, которое варвары называют *камос* (*κόμης*)» [Prisci 1979: 40]. Полагаю, что речь идет о слабоалкогольном напитке, по-чувашски называемом *ка́мӑс*. Слово встречается и ныне у южных чувашей. Активно используется аналогичный напиток *кумышка* у удмуртов. Подтверждением, что Приск под *камос* полагал вид вина, говорит и предыдущее предложение: «В селениях отпускали нам в пищу – вместо пшеницы – просо, вместо вина так называемый у туземцев *медос*», т.е. медовуху (корчму). Кстати, ячмень возделывали предки чувашей и на Волге. Наряду с просом он считался основной пищей. Технологию приготовления пива из ячменя находим в пространной речи старшего дружки [Салмин 2010: 184]. Есть еще ряд слов, общих для савиров и гуннов. Например, *вар* в этих языках значит «овраг, река», *тан* – «вода».

Известно, что авары также являлись племенами разного происхождения. В 555 г. они прошли Северный Кавказ и в 568 г. оккупировали Карпатский регион. Их первого правителя звали Баян. Это имя – огурское (ср. чуваш. *пуян*, во всех огурских языках *бай* «богатый»).

Заметим также, что на территории Арана имелись топонимы *Сабир*, *Сабироба-Хачмас*, *Гала-Сувар*.

Находки и исследования последних десятилетий свидетельствуют о наличии в раннем Средневековье у савиров рунической письменности. Пользовались ею вплоть до нашествия татаро-монголов. Так, в 1983 г. в Биляре был найден фрагмент глиняного сосуда. Обломок содержал полностью сохранившуюся руноподобную надпись, начертанную по еще сырой глине при изготовлении сосуда во второй половине или в конце XII в. Исследователи связывают находку с серией руноподобных написаний, обнаруженных к тому времени в разных местах Восточной Европы – от Северного Кавказа и Подонья до Прикамья. Это письмо называли кубанским по основному месту скопления находок [Кызласов 2012: 226–246]. Далее И.Л. Кызласов изучает серию монет с рунами двух разных чеканов. Серебряная монета, известная по публикации

Х.М. Френа, примечательна легендой одной из ее сторон, целиком написанной кубанскими рунами, и двумя куфическими строками, отчеканенными на поле другой стороны в окружении тех же рун. По мнению Е.А. Давидович, легенда сама арабографичная, но язык и не арабский, и не персидский [Давидович 1979]. И.Л. Кызласов датирует чекан приблизительно от 90-х гг. VIII в. до 20-х гг. X в. Многочисленность хазарских подражаний аббасидским дирхемам рождает у исследователей мысль о вероятном влиянии на облик изучаемых денег не арабского, а собственно хазарского монетного дела. Круговая строка нанесена на монету справа налево. Исследователь уверен, что при расшифровке кубанского алфавита следует руководствоваться тюркской речью. По мнению А.А. Быкова, правители Хазарии продолжали арабскую традицию, но отмечали свое серебро арабскими словами *Ард ал-Хазар* «Земля хазарская» [Быков 1974].

Все это так. Однако трудности с определением этнической принадлежности остаются. Явно не учтены все нюансы исторического контекста. И.Л. Кызласов определяет их принадлежность безусловно болгарскими. В пользу своей версии он называет связь болгар с Хазарским государством, а язык кубанского рунического письма – тюркским. Но если говорить об этнических составляющих Хазарского государства, то в первую очередь следует говорить не о булгарах, а о савирах. Кроме того, сам же И.Л. Кызласов пишет: «Попытки возможной теперь дешифровки начальной и устойчивой формулы, а за ней, надо надеяться, и всей кубанской рунической письменности – дело рук тюркологов-чувашеведов» [Кызласов 2012: 235]. Может, следует говорить о савиро-суваро-чувашской языковой принадлежности кубанской рунической письменности? Ведь в VII в. савиры как раз целиком входили в Хазарское государство. Да и для VIII–IX вв. в контексте кубанской рунической письменности правильной

было бы говорить не о булгарах, а о савирах. Булгары покинули салтово-маяцкий регион в 737 г., а савиры ушли оттуда в 895 г. [Салмин 2015: 116–122]. Следует учесть и то, что после смерти Кубрата мощь булгар была слаба. Да и в Дунайской Болгарии, куда ушел сын Кубрата Аспарух, руническое письмо не обнаружено. А в 670 г. хазары в союзе с венграми громили булгар. Весь VII в. савиры и хазары состояли в едином военно-политическом союзе. Выходит, савиры и булгары также воевали друг с другом. После Аттилы савиры стали гегемонами на Кавказе и сильно притесняли булгар. В 657–659 гг. распался Западнотюркский каганат, и одновременно в северо-восточных предгорьях Дагестана на основе раннефеодальных отношений образуется государство Сувар со столицей Варачан. Таким образом, савиры-чуваша к кубанской рунической письменности имеют прямое отношение.

Современные лексические и грамматические формы чувашского языка были активными и во второй половине VII в. Так, у Мовсеса Каланкатуаци имеет место предложение: «Все вместе одобрили этот совет, и он [князь гунно-савиров Алп-Илитвер. – А.С.] отправил к епископу Израэлу некоего знатного князя по имени Авчи, имевшего титул тархана и постельника своего Чаткасара» [Каланкатуаци 1984: 132]. Во-первых, *Авчи* – не что иное, как чувашское *евчĕ* «сват, посредник, посланник», общетюркское *авчи* «охотник». Оно уже успело принять тюркскую окраску: корень *ев-* + тюркизированный словообразовательный аффикс *-чĕ*. Здесь *авчи*, конечно, не антропоним, а «посол». Мовсес Каланкатуаци, писавший в X в. о событиях VII в., мог и не знать имени этого князя, поэтому использовал термин *авчи* как персонифицированное имя. Истинное савирское звучание (до VII в.) вполне могло быть *евсĕ* (позже произошел переход *ç* в *ч*). Другим семантически равным словом является *ав* в значении «дом», т.е. жениться, занять дом (= осман. *evlen*). Во-вторых, в этом предложении имеется активное слово *тархан* (или *турхан*) «знатное лицо у степняков-номадов». В третьих, наличие чувашского словообразовательно-

го суффикса *-сар* в слове *Чаткасар* (ср. *юмансар* «дубрава, дубовая роща»: *юман* + *-сар*).

Йозеф Маркварт писал о савирах и мадьярах как об одном народе – *Sevordik' (Magyaren)* [Marquart 1903: 428]. Полагаю, что в данном варианте этнонима имеет место армянский ласкательный (уменьшительный) аффикс *-ик*.

Известно, что венгерский язык хранит самые ранние памятники западного древнетюркского языка. Андраш Рона-Таш доказал западнотюркское происхождение почти 400 венгерских слов. Например, венгерское слово *tenger* «море» во всех тюркских языках встречается в форме *tengiz*, т.е. *с z* в конце слова. Только венгерский язык сохранил древнюю западную тюркскую форму. В нем также имеется 115 западнотюркских слов, отсутствующих в чувашском языке [Рона-Таш 2011: 136]. Чувашский язык содержит меньше западнотюркских слов, чем венгерский. Выходит, до X в. предки чувашей входили в контакт с тюрками гораздо меньше, чем предки венгров. Савиры к этому времени были менее тюркизированными, чем венгры. Иначе говоря, чем больше углубляемся в историю, тем меньше сходства чувашей с тюрками в языковом отношении. Тотальная тюркизация чувашей происходила уже на Волге путем заимствования из казанско-татарского и башкирского, т.е. кипчакских языков. Говоря словами А.М. Щербака, когда не остается непроницаемых сфер двух неродственных языков, практически трудно разграничить свое и чужое [Щербак 1994: 169].

Относительно истории Поволжья IX–XI вв. В.В. Бартольд заметил: «Среднее и нижнее течение Волги было занято болгарами и хазарами, говорившими на одном и том же языке, непонятном ни для турок, ни для финнов; по всей вероятности, имеется в виду язык, сохранившийся теперь только у чувашей» [Бартольд 1928: 10]. Другими словами, прачувашский язык савиров/сувар был основой как для болгар, так и для хазар. В то же время в IX–XI вв. на всей Средней и Нижней Волге можно было сносно объясняться на языке предков чувашей.

На Средней Волге сувары во многом восприняли болгарский вариант тюркского языка. И это естественно. Как

верно отмечают некоторые исследователи (Ю.А. Краснов, С.Р. Малютин), сыграл роль фактор политического господства болгар. Так или иначе, территориально сувары входили в Волжскую Булгарию. А это гарантировало политическую зависимость сувар от болгар. Плюс наличие государственного языка у одних и отсутствие у других. Кроме того, на это время следует признать более цивилизными болгар, чем сувар.

Многие исследователи XVIII в. включали чувашей в перечень финноязычных народов. Например, директор Петербургской академии наук С.Г. Домашнев финнами считал финнов современной Ленинградской области, эстонцев, ливов, саамов, коми, удмуртов, мари, чувашей, тептярей, мордву, хантов и манси [см.: Терюков 2011: 79]. Ряд исследователей (например, Н.Н. Поппе) полагали, что чувашский язык не принадлежит ни к тюркской, ни к финской группе языков, его следует отнести к третьему звену и признать дотюркским. По фактическим данным чувашский язык с таким же успехом можно назвать близким как к угорским, так и к иранским языкам.

Совершенно неожиданным может показаться возможное объяснение появления еще одного слова. Речь идет о слове *ζάκαν*, дважды встречающемся у Константина Багрянородного – в связи с печенегами и в связи с обрядом возведения венгра Арпада на престол. В обоих случаях совершается обряд «согласно их законам» (*κατὰ τὰ ζάκανα αὐτῶν*). Следует особо заметить, что при избрании Арпада правителем его возвели на престол по обычаю (*ζάκανος*) хазар. В письме к автору этих строк от 30 декабря 2014 г. американский исследователь Питер Голден по поводу разбираемого слова особо отмечает, что для Константина Багрянородного иностранное слово, употребленное северными «варварами», означает «обычай». Многие считают *ζάκανος* заимствованным из славянского («закон»). Питер Голден считает такое объяснение не вполне удовлетворительным: «Во всяком случае, греческая буква ζ у византийских историков передает “з” и иногда чуждые греческому звуки “ж”, “дж” и “ч”». Со своей стороны следует напомнить, что названным звукам в савирском языке

предшествовал звук *ç*, сохранившийся в современном чувашском языке. Тогда динамику слова *закан* можно предполагать в следующей схеме: **çăкăн* → *çăкан* → *çакан* → *джакан* → *жакан* → *чакан* → *закан*. Слово *çăкăн* у чувашей сохранилось в речи старшего дружки. Н.И. Ашмарин в своем словаре дал его как восклицание неизвестного значения [Ашмарин 1937: 10]. После произнесения такого восклицания старшим дружкой все присутствующие участники свадьбы хором совершают коленопреклонение. Чувашско-русский словарь к слову *çăкăн* дает значения «опускаться, падать на колени; приседать, делать реверанс, преклонять колена» [Скворцов 1985: 401]. Выходит, слово *çăкăн* означает не что иное, как позу клятвы, заверения, торжественное принятие присяги. Тем не менее данное объяснение не последнее предположение, оно – видение автора этих строк, близкое к реалиям.

В то же время существует группа слов, которая присутствует в чувашском, марийском и некоторых других поволжских языках, но не имеет этимологического объяснения ни через тюркские, ни через иранские, ни через финно-угорские языки. Так, чувашским названием жука является *нăрă*. Слово встречается также в марийском языке как *нор/нър* в том же значении, оно есть в башкирском языке в той же форме. Однако это слово невозможно присоединить ни к одной из известных групп языков [Róna-Tas 2007]. Числительное *семь* возводится к прасемитскому **saʔb*. В праиндоевропейских языках оно приняло форму **sept-m-*, а в древнееврейском – *šabbāt* «суббота» [Напольских 1998: 48–49], т.е. седьмой день недели, день отдыха. Соответственно в чувашском *çиччĕ* и *шăмат*. Наличие в чувашском языке слов еврейского происхождения обычно объясняют принятием каганом Обадием израильской религии, а также совместным проживанием хазар и савиров. Все это так. Однако следовало принять во внимание и переднеазиатскую историю сапиров в соседстве с арамеями и другими семитскими племенами. Изучение такого рода слов открыло бы новые стороны истории чувашей.

Пока следует констатировать, что все ссылки на язык чувашей даются на источники не раньше X в., а больше всего – с XVI в. Иначе говоря, исследователи изучают язык уже ассимилированных (иранизированных, угризированных, тюркизированных и т.д.) чувашей. Задача же – попытаться проникнуть в более древнее состояние языка, выявлять его исконные слои. Все исторические соседи, входившие в близкие языковые семьи, или перешли на другие языки (булгары), или влились в другие племена (хазары, эскелы). Еще труднее восстановить общий лексический фонд с бывшими историческими соседями в Закавказье. Отдаленность во временном и географическом отношении (с хурритами, арамейцами, армянами, грузинами) весьма затрудняет не то что доказывать, но и показывать родство на минимальном уровне.

Этнография. Первоисточники свидетельствуют о саспирах (сапирах) как о самостоятельном племени. Как писал Геродот, саспиры жили между Колхидой и Мидией. И добавлял: «не дальше», «одна народность – саспиры». И в другом месте у Геродота: «выше мидян – саспиры, выше саспиров – колхи» [Геродот 1993: 45, 196]. Современные исследователи, анализируя первоисточники, справедливо констатируют, что саспиры были единственным народом между Мидией и Колхидой [Мутафян, Лёв 2012: 18]. Иными словами, по состоянию на V в. до н.э. саспиры имели свою обособленную территорию и представляли автономную, оригинальную народность. Они не были ни колхами, ни мидийцами, а представляли собой самостоятельное племя. Наряду с алародиями, матиенами и армянами они считались одними из основных племен Урартской державы. Притом в литературе некоторые исследователи саспейров/саспиров/сапиров ошибочно идентифицировали с иберами (иборо-грузинами). Их изредка еще называли гесперитами [Дьяконов 2008: 240, 340, 341]. Аполлоний Родосский применил по отношению к сапирам эпитет *παρεξενέοντο Σάπειρας* [Apollonius 1986: 110]. На русский язык данное словосочетание обычно переводят как «надменные сабиры» [Аполлоний 2001: 63]. Эту же фразу на английский язык предпочитают переводить как «lawless Sapeiræ» [Apollonius

1889: 94]. На самом деле по контексту здесь речь идет не о «надменных сапирах», а о «пропускающих мимо ушей, непокорных сапирах».

В северо-кавказский период савиров часто именовали гуннским племенем, гуннами из числа так называемых сабириров или гунно-савирами. Например, Иордан четко писал, что савиры (*Saviri*) составляли основное ядро мощного гуннского (*Hunni*, *Hunuguri*) союза племен: «А там и гунны, как плодovitейшая поросль из всех самых сильных племен, закишили надвое разветвившейся свирепостью к народам. Ибо одни из них зовутся альциагирами, другие – савирами» [Jordan 1861: 29]. Он назвал альциагириров и савиров могущественными хуннами, словно произрастающими из дерна. Изысканная фраза Иордана восходит к тексту Кассиодора, а сама информация – к Приску. Не следует думать, что альциагиры и савиры выступают здесь как две ветви гуннов (как понимал Дуглас Данлоп [Dunlop 1954: 27]). «Образ здесь иной, как из дерева, из сплетения корней, вырастают многие растения, так из среды гуннов вырастают могущественнейшие народы, два из которых автор (Приск?) счел нужным упомянуть» [Анфертьев 1994: 142]. В описании племен, обитавших в середине V в. в районе Кавказского хребта, Прокопий также, в частности, отметил: «Тут живут гунны, так называемые сабиры (*Σάβειροι*), и некоторые другие гуннские племена» [Procopii 1905a: 497]. Он так и писал: *Οὐννοι ἐκ τῶν Σαβείρων* «Савиры являются гуннским племенем» [Procopii 1905a: 553]. В 17 главе III книги Агафий говорил о «гуннах, которых называют савирами (*Σαβείρων*)». Он же в другом месте (кн. IV, гл. 13) указал, что у персов были вспомогательные войска из гунно-савиров (*Οὐννοι Σάβειροι*) (552–558 гг.). Георгиус Кедренус также писал о них как о «гуннах, называемых савирами» (*Οὐννοι οἱ λεγόμενοι Σαβήρ, Οὐννων τῶν λεγόμενων Σαβήρ*) [Cedrenus 1838: 633, 644]. По мнению Феофилакта Симокатты, барсилты, уннугуры и сабиры (*Βαρσηλτ καὶ Οὐννουγοῶροι καὶ Σαβίροι*) – гуннские племена (589–596 гг.) [Theophylact 1887: 258]. Моисей Хоренский под 682 г. писал, что севернее Дербентской стены живут гунны, у которых есть город Варачан [Хоренский 1877: 38]. Однако историкам и

этнографам давно известно, что в эти годы гунны уже не имели своей страны, тем более – столицы. Савиров, входивших более двух веков назад в гуннскую конфедерацию, так называли по инерции. Тем более с Варачаном исследователи идентифицируют столицу савиров. Под гуннами, которые вместе с хазарами отстаивали крепость Дарбант от армянских дружин в 785 г. [Гевонд 1862: 112], также следует иметь в виду савиров. Вхождение савиров в гуннскую конфедерацию до середины V в. и использование соседями наименования «гунны» ко всем племенам в данном сообществе еще не означает этническое обезличивание. Поэтому не вполне корректны утверждения типа: «этнически савиры не отличались от гуннов» [Гмыря 2006: 6].

Видимо, частое упоминание в исторических источниках этнонима «гунно-савиры» позволило некоторым исследователям говорить о гуннах как о прямых предках чувашей. Так, Широ Хаттори полагал: «Чувашские племена, возможно, являются одной из ветвей прямых потомков гуннов, давших толчок к 70-м годам IV в. к Великому переселению народов и в конце V в. сошедших с исторической арены» [Хаттори 1980: 94]. Племена, известные как *сабиры* и *Sabeiroi*, считал Г.С. Дестунис, родственны гуннам [Дестунис 1860, примеч. 98]. Однако верно обратное утверждение, что в постаттиловское время гунны Дагестана были частью савирских племен. Проще говоря, распавшиеся гунны были поглощены савирами. Многие племена, входившие в гуннский союз, близки к савирам в этническом отношении. Например, утигуры, котригуры, хунугуры, уннугуры, барселты и залы. По мнению Е.Ч. Скржинской, хунугуры – это гуннское племя, близкое или сливающееся с савирами, обитателями Северного Кавказа [Скржинская 2001: 219]. У Феофана наименование «гунны» относится не только к самим гуннам, но и к гунно-савирам, аварам, болгарам, тюркам. Мовсес Каланкатуаци город Варачан называл метрополией хонов, которую следует считать столицей гунно-савиров. Кроме Варачана, савиры на Кавказе имели города Таргу и Семендер. В конце VII в. у них был единый на все племя высокопрестольный князь Алп-Илитвер. На местах

правило военное сословие в лице тарханов. В то же время следует помнить, что гунны в Европе – это не хунны в Азии. Этнические составляющие гуннской орды в Европе включали многие племена. Среди них – огуры (оногуры, утигуры, кутигуры) и савиры. В целом, следует согласиться с утвердившимся в литературе мнением о подразумевании в V–VII вв. под различными гуннскими племенами савиров, занимавших степи от Дербента до Азовского моря и Волги, т.к. в этот период именно савиры возглавляли военный союз полукочевых и кочевых народов степей Предкавказья [Гмыря 1980: 8].

Первоисточники смешивают савиров не только с гуннами, но и с хазарами. Так у Мовсеса Каланкатуаци. В главе 43 II книги «История страны Алуанк» говорится, что великий и благочестивый князь гуннов Илитвер снарядил двоих вельмож своей страны Итгина и Чата-хазра вслед за святым Израэлом с просьбой назначить его духовным предводителем страны гуннов. Из главы 45 под названием «Ответ на письмо гуннов» узнаем, что католикос страны Алуанк Елизар и князь Вараз-Трдат отказали послам и не захотели дать Израэла в духовные предводители хазарам. Явная подмена понятий «гунны» и «хазары». А на самом деле в тексте речь идет о савирах, князем у которых в это время (в 684 г.) был Алп-Илитвер, а веровали они в могущество своего божества молнии *Куар*. Савиров гуннами называли потому, что в это время этноним «гунны» в основном относился к савирам. А перепутали гуннов и савиров с хазарами потому, что в это время савиры уже были в составе Хазарского каганата. В 724 г. арабский источник заметил, что 300-тысячное войско хакана состояло «из хазар и других племен безбожников» [Ал-Куфи 1981: 22]. Конечно, под «другими племенами безбожников» в основном имелись в виду савиры. Тюрки не зря называли хазаров *сабирами*. Сегодня исследователи согласны с мнением о том, что встречающиеся в источниках рядом этнонимы *савиры/сабиры* и *хазары/хазаран* служат «весомым аргументом в пользу близости этих народов» [Калинина 2015: 40].

Этноним *сабартой аспалой*, встречающийся у К. Багрянородного, обычно переводят как «непобедимые

сабарты». А.П. Новосельцев увидел в слове *аспалой* иранское «белый» и предложил перевести обсуждаемый этноним как «*белые сабиры*». Такой подход, несомненно, прокладывает связь венгерских племен с савирами/сабирами. Высказывается еще мнение, что вскоре после гибели Аттилы и поражения при Недао гуннское племя акациры отступило в Поволжье, где влилось в болгар. Примерно в это время, как полагают казанские этнографы, одно из огурских племен отступило в леса Окско-Свияжского междуречья, дав начало формированию современных чувашей [Исхаков, Измайлов 2001: 45]. Едва ли так.

Конечно, савиры – и не гунны, и не авары, и не тюрки, и не акациры, и не хазары. Разумеется, и не булгары. В частности, Алексей Комар, говоря о Боарикс, сделал весьма любопытное замечание. «Ни у гуннов, ни у авар, ни у тюрков не было традиции управления племен женщинами. Вместе с тем из источников известно о правительнице савиров – Боарикс, получившей власть после смерти мужа» [Комар 2008: 196]. Женщины-предводители были, конечно, и у сарматов. Однако его замечание о том, что савиры представляли собой вполне самостоятельное племя, – правда.

В VI–VII вв. савиров, пребывавших в Армении, армяне называли *севордик* (*севардийцы*). Часть этих савиров была арменизирована [Новосельцев 1990: 83].

Как известно, к середине VI в. савиры стали наиболее сильным и многочисленным племенем на Кавказе. Они захватили всю Северную Албанию (Ширван и Аран), закрепились в зоне Дербенд-Кабала. Пробыли в этих местах более 100 лет. По мнению Сары Ашурбейли, в это время савиры перешли к оседлой жизни, ассимилируясь с коренным населением страны [Ашурбейли 1983: 62]. Согласно Ибн Хордадбеку, за пределами ал-Баба идут земли владык сувар, лакзов, аланов, мускутов, сариров и город Самандар [Ибн Хордадбех 1986: 110]. Персидский автор, должно быть, повествует в данном параграфе о ситуации в первой половине VIII в. Во всяком случае, речь идет о Северном Кавказе, Ставропольско-Астраханской степи, а не о Поволжье, как

объясняла комментатор Ибн Хордадбега Н.М. Велиханова (примеч. 133). К тому же в X в. Самандар уже носил название Джидан. Поэтому временной диапазон рассказа Ибн Хордадбега о сувахх следует отнести к VIII – первой половине IX в. Фонетическая форма этнонима *сувары* явно говорит об арабском произношении названия племени. Контекст позволяет поместить их между городами Дербент и Итиль. Семендер – город, входивший в Хазарию, был населен савирами [Ал-Истахри 1901: 49].

За период существования Волжской Булгарии сувары еще не успели сформироваться как народ. 922 г. стал лишь началом подъема самосознания единого племени. И позже сильны были различия между северными и южными группами. Эти особенности в виде двух культурных основных диалектов лесных и степных чувашей в рудиментарной форме сохранились до настоящего времени. Однако они нисколько не помешали образованию единого этноса. В.В. Бартольд утверждал, что современные чувашы, очевидно, могли происходить не от жителей городов на Волге, а только от таких частей населения Булгарии, которые всегда обитали в лесах и были мало затронуты мусульманской городской культурой [Бартольд 1968: 520]. Конечно, следует уточнить, что сувары занимались хлебопашеством, разводили скот. Они продолжали придерживаться традиционных обрядов и верований своих предков. Некоторые – вплоть до нашествия Золотой Орды, некоторые – до принятия православия, некоторые – и поныне. 922 г. следует считать началом формирования предков чувашей в народ и четвертого обретения своей родины. Первая родина – на Южном Кавказе в составе Урартской (IX–VII вв. до н.э.) и Персидской (VI–IV вв. до н.э.) держав. Вторая – в составе Хазарского каганата с центром г. Варачан. Третья – Причеремшанье, южные районы современной Чувашской Республики и северные территории Ульяновской области; центром следует считать крепость Биляр (до 922 г.). Четвертая – городище Тигаши на правом берегу Волги (после 922 г.). Время с 922 по 1469 г. является периодом формирования чувашского народа и утверждения его самосознания. При этом еще раз

следует согласиться с мнением, что сапиры/савиры/сувары есть непосредственные предки современных чувашей [Баскаков 2008: 107]. В.Д. Димитриев справедливо полагал, что до X в. у сувар были племена, а в XII в. сформировалась древнечувашская народность [Димитриев 2014: 107]. Согласно Н.И. Егорову, современная этническая идентичность чувашей на базе этнонима *чъваш* окончательно сложилась в период Казанского ханства (1438–1552 гг.) [Егоров 2012: 39]. Какие мотивы двигали народом в его многовековой и непростой истории – вопрос также непростой. Ведь «дрейф этничности напоминает скорее цепь ситуативных реакций, чем линейную эволюцию, и его направление не копирует зигзаги политической истории: взлет этничности часто зарождается в политической смуте, а спад приходится на фазу социального благоденствия» [Головнёв 2009: 120]. Парадоксально, но так. Ясно одно: люди, племена и народы живы до тех пор, пока не теряют свое этническое лицо.

В Поволжье чувашаи и черемисы жили «без разбору, так что их по всем обстоятельствам почти за один народ почесть можно» [Миллер 1791: 6]. Конечно, речь идет только о верховых чувашах (северных районах), с которыми Г.Ф. Миллеру через переводчика удалось пообщаться в течение короткого времени.

По состоянию на 555 г. непосредственными соседями савиров были аугары, бургары, куртаргары, авары, хазары, дирмары и другие племена. Живут они все «в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверями и оружием», – сообщал о них современник [Захарий 2011: 595]. Охота и рыбалка с целью добывания пищи, война с целью защиты и завладения новыми угодьями были повседневными занятиями всех кочевников. Савиры и их предки не составляли исключения в этом плане. Согласно Захарию, в 555 г. сабиры имели при себе оружие, промышляли на диких зверей и питались мясом скота и рыбы [Захарий 2011: 595]. Впрочем, как и свои соседи (бургары, аланы, куртаргары, авары, хазары и т.д.). Земли между Баб-ул-Абвабом и Семендером занимали многочисленные виноградные сады, принадлежащие Семендеру [Ал-Истахри 1901: 49]. Значит, савиры возделывали виноград. Несомненно, слово *ицём*

«виноград, изюм» у предков чувашей исконное и бытовало еще на Кавказе. Затем оно распространилось и среди тюрков-колонистов. Возможно, слово имело место еще до нашей эры у какого-либо местного племени, обитавшего в районе Семендера. В Волжской Булгарии водились белки и бобры. Жители торговали шкурами животных [Ибн Са'ид 2009: 32]. И в начале XVI в. Московия лисьи меха и беличьи шкуры получала из Сибири. «А те, что благороднее всех прочих, – из Чувашии (Schuwaji), недалеко от Казани» [Герберштейн 1988: 129].

Стабильные оседлые традиции коренного населения Дагестана также не подлежат спору. В укрепленных и неукрепленных поселениях люди занимались земледелием, скотоводством и различными видами ремесла [Гмыря 1980а: 165]. На месте Урцекского феодального замка прослеживаются остатки террасовых полей. «Вероятно, это были земледельческие угодья жителей посада» [Фёдоров, Фёдоров 1978: 191]. У жителей г. Сувар в Волжской Булгарии было много посевной площади, а хлеб – в изобилии [Ал-Мукаддаси 1994: 289]. Уже в X в. в Волжской Булгарии пользовались развитыми земледельческими орудиями. Переход к плужной обработке земли потребовал большое количество железных изделий (сошников, плужных ножей, топоров). А это содействовало еще большему развитию металлургии. Деревянный плуг примитивной конструкции с металлическими режущими частями – *сабан*, использованный чувашами до середины XX в., восходит к болгарской культуре обработки земли. Его металлические части (лемех *тёрен* и резец *шарт*) нынче можно увидеть в музеях. Должно быть, такой тип орудия сложился на Средней Волге, т.к. он приспособлен для тяжелой почвы. Скорее всего, сабан бытовал в регионе еще до прихода болгар и сувар [Смирнов 1951: 17, 84–85]. В XI–XII вв. у предков чувашей в Причеремшанье основными сельскохозяйственными культурами были просо и овес [Газимзянов, Набиуллин 2011: 22]. В XVIII в. больше всего сеяли рожь, овес и полбу. Лен и коноплю возделывали ровно столько, сколько необходимо было иметь. Гречка не

пользовалась успехом, а пшеницу сеяли мало [Лепёхин 1771: 144].

Суварцы занимались и домашним скотоводством. В ходе раскопок найдены кости лошадей, коров, овец, свиней, кур и собак. В кухонных остатках больше всего остатки овец, коров и лошади [Смирнов 1951: 264].

Агафий Миринейский писал о временных лагерях, устраиваемых савирами: «Около пятисот савиров (*Σαβείρων*) помещались на каком-то возвышенном пункте». Изгороди таких временных укреплений были не очень высоки, так что можно было видеть лицо стоящего за оградой всадника. Лагерь представлял собой ограждения из кольев, внутри которых находились «хижины, построенные из кольев и шкур» [Agathi 1828: 180]. Подобные городища возводились очень быстро и состояли из шалашей на каркасах. Эпизод относится к событиям 554 г. в Лазике (Западная Грузия). Жилища гунно-савиров имели турлучный (т.е. плетеный) каркас. Он покрывался шкурами животных или войлоком, а у долговременных оплетался камышом или обмазывался глиной. Обычно в литературе их называют по-разному – палаткой, шатром или тюркским домом [Гмыря 1980: 9]. В 555 г. сирийский источник фиксирует у савиров палатки [Захарий 2011: 595].

В начале X в. сувары на территории современных южных районов Чувашской Республики имели городища в виде круговой крепости. Видимо, традиции строения таких городищ у сувар были еще на Кавказе. Они весьма напоминают аварские хринги с круговыми укреплениями [Фёдоров-Давыдов 1962: 49–89; Димитриев 2014: 93].

Кирпичных строений в X–XII вв. в г. Сувар было чрезвычайно мало, точнее – археологи обнаружили богатый жилой дом-дворец пока в единственном числе. По характеру (устройство фундамента, квадратный кирпич, система кладки, связывающий материал, система отопления, обломки водопроводных труб) напоминает среднеазиатские сооружения мусульманской эпохи. Все это, а также технические приемы строительства показывают участие в постройке кирпичных строений среднеазиатских мастеров. Жилища, открытые

археологами в г. Сувар, в основном принадлежали к двум типам: это или глинобитные дома, или деревянные срубы. Реконструкция позволяет представить и типовую схему постройки: это были сооружения общей площадью 7,1 x 7,16 м, с деревянным полом и с подпольем около 70 см глубины. В подполе хранили зерно. Таких зернохранилищ в Суваре обнаружено множество. В некоторых ямах найдены остатки дубового тлена, выходит, дно ям, возможно, и стены были обложены дубовыми досками. Обнаружены и органические остатки злаковых. Близ стены ставили печь. Стены дома делались плетеные, обмазанные с обеих сторон глиной. Такие обмазки найдены в большом количестве. Часть их имеет одну сторону заглаженную, а обратная сторона имеет отпечатки прутьев [Смирнов 1951: 237–255]. По состоянию на 985 г. здесь также фиксируются палатки.

Город Биляр в XII в. был столицей Волжской Булгарии. Существовал и процветал он и в XIII в. Еще в XVIII в. на поверхности земли были видны развалины городища. В ходе раскопок здесь собран уникальный вещевой материал. По своему характеру они близки к суварским находкам [Смирнов 1951: 229].

Развалины кирпичных построек, открытые в Суваре и Биляре, относятся уже к XIV в. [Смирнов 1951: 138].

Согласно фиксации Приска, относящейся к концу первой половины V в., в доме у Аттилы «скамьи стояли у стен комнаты» [Приск 1860: 67]. Аналогичное расположение длинных скамеек из половых досок вдоль всей стены характерно для южных чувашей. Они стали вытесняться покупной мебелью лишь в конце XX в. [Салмин 2010: 158–159].

Сувары входили в тесные взаимоотношения с окружающим миром. Вырабатываются общие традиции в культуре, особенно – в одежде. Например, «удлиненные пуговицы-стерженьки с кубиками на концах и петлей посередине для пришивания к одежде» [Фёдоров 1972: 37]. Эта традиция прослеживается и по археологическим памятникам Волжской Булгарии. Как верно замечает Ю.Ю. Шевченко, импульс, привнесший в Волго-Уральский регион предметы, имеющие

отношение к гуннскому наследию (пряжки и костяные наконечники), связан с савирами [Шевченко 2001: 218]. Материалы Паласасыртского курганного могильника IV–V вв., принадлежащие кочевникам западного Прикаспия, содержат богатые коллекции височных привесок, нагрудных комплектов женщин, занимавших достаточно высокую ступень в иерархии населения [Гмыря 2014: 37–38]. Все они находят отклик в праздничной одежде чувашек в виде *сурпан сакки*, *хйла сакки*, *шулкеме*.

Несомненную ценность представляют сцены официальной трапезы по случаю византийского посольства к предводителю гуннов Аттиле (448 г.) и арабской миссии к царю Волжской Булгарии Алмушу (922 г.). Особенно интересно сравнительное изучение церемонии застолий. Первый вариант изложен Приском Панийским, второй – Ибн Фадланом. Оба писали о том, что видели сами. Не верить очевидцам нет оснований. Притом текст Приска полнее, чем рассказ Ибн Фадлана. Приведу некоторые детали. Приск: «Когда все расселись по порядку, виночерпец подошел к Аттиле, поднес ему чашу с вином. Аттила взял ее и приветствовал того, кто был первый в ряду. Тот, кому была оказана честь приветствия, вставал; ему не было позволено сесть прежде, чем Аттила возвратит виночерпцу чашу, выпив вино или отведав его. Когда он садился, то присутствующие чтли его таким же образом: принимали чаши и, приветствовав, вкушали из них вино. При каждом из гостей находилось по одному виночерпцу, который должен был входить в очередь по выходе виночерпца Аттилы. По оказании такой же почести второму гостю и следующим за ним гостям Аттила приветствовал и нас наравне с другими, по порядку сидения на скамьях. После того, как всем была оказана честь такого приветствия, виночерпцы вышли. Подле стола Аттилы поставлены были столы на трех, четырех или более гостей, так, чтоб каждый мог брать из наложенного на блюде кушанья, не выходя из ряда седалищ. Первый вошел служитель Аттилы, неся блюдо, наполненное мясом. За ним прислуживающие другим гостям ставили на столы кушанье и хлеб» [Приск 1860: 67–68]. Ибн Фадлан: «Цари [сидели] с правой его стороны, а нас он

пригласил сесть слева от него, в то время как сыновья его сидели перед ним, а он один [сидел] на троне, покрытом византийской парчой. Он велел принести стол [с яствами], и он был подан ему. На нем было одно только жареное мясо. Итак, он начал, взял нож, отрезал кусочек и съел его, и второй, и третий. Потом он отрезал кусок и дал его Сусану послу. Когда же он его получил, ему был принесен маленький стол и поставлен перед ним. И таково правило, что никто не протягивает своей руки к еде, пока царь не вручит ему кусочек. И тотчас, как только он его получит, то уже принесен ему стол. Потом он вручил [мясо] мне, и принесен был мне стол. Потом он отрезал кусок и вручил его царю, который был справа от него, и ему был принесен стол, потом вручил второму царю, и ему был принесен стол потом вручил четвертому царю, и ему принесли стол, потом вручил своим сыновьям, и им принесли столы, и таким образом [продолжалось], пока каждому из тех, кто был перед ним, не был принесен стол, и мы ели каждый со своего стола, не будучи сотоварищем по столу с кем-либо другим, и, кроме него, никто не брал с его стола ничего» [Ибн Фадлан 1956: 132]. За исключением нюансов (простота Атилы и пышность Алмуша и т.д.), обе трапезы проходили по одному и тому же сценарию. Иначе говоря, во дворце Алмуша повторили то, что было у гуннов пять веков раньше.

Следы увиденных Приском и Ибн Фадланом церемоний застолья явно просматриваются также в чувашских родовых обрядовых трапезах *чўклеме* и *ал валли* [Салмин 2014: 282–314]. Приглашенных усаживают за стол в передний угол. Здесь проводят предварительную часть действий. Женщины в *чўклеме* занимают определенное место. Жена хозяина, например, повторяет те же действия и слова, что и муж. В обряде ее сажают за стол вслед за супругом. Тут же приносят и ставят на стол в большой деревянной посудине пиво, подают ковши в количестве до 9 штук. У каждого из участников обязательно должны быть ритуальная еда и питье, поднесенные хозяином дома. Именно они служат официальным допуском к обряду вообще и к совместной еде в частности. Такая доля, полученная в руки, называется *ал валли* (буквально – «для руки», «на руки»).

Как сидящие за столом, так и другие участники обращены лицом в сторону двери. На свадьбе моление начинается с подачи пива из непечатой бочки и хлеба. Глава дома или его жена раздают каждому присутствующему по кусочку хлеба с намазанным маслом. И сам процесс, и полученный кусок хлеба одинаково называются *ал валли*. Все встают, смотрят в сторону чуть приоткрытой двери и держат бутерброд в правой руке. Зажигается свеча. Вначале обращаются к *Турӑ* и *Пӱлӗх*, затем – к другим божествам. Просят здоровья новой паре, выражают желание иметь целый пол ягнят и целую скамейку детей. Также просят у *Турӑ* возможность ходить друг к другу в гости. Фактически после совместного моления и съедения кусков хлеба с маслом брачный договор считается заключенным.

По состоянию на V в. эта церемония была общей для всех трех племен. То, что сувары (сувазы) Волжской Булгарии, упоминаемые хазарским царем Иосифом рядом с булгарами, есть савиры, проживавшие на Северном Кавказе, не подлежит сомнению [Петрухин, Раевский 2004: 230]. Об этнической преемственности сувар Волжской Булгарии с савирами пишет и Питер Голден. Он прямо заявляет, что северокавказские сувары, конечно, имеют отношение (*shold certainly be connected*) к суварам/сувазам, которых застал Ибн Фадлан на Волге [Golden 1980: 35; 2011: 146–147]. В литературе признается тезис о том, что «сувары (сувазы) явились основным компонентом в сложении чувашского народа и передали ему свое имя» [Краснов 1974: 113]. Признается также этническая преемственность савиры → сувары → чуваша. Есть мнение, согласно которому и хазары являются потомками саби́ров/сави́ров [Буданова 2000: 395]. Такое видение не лишено оснований. Согласно другому мнению, «хазары стояли во главе реорганизованного союза сави́ров» [Исхаков, Измайлов 2001: 53]. Конечно, в таком историко-этнографическом контексте утверждать, что «древнейшие предки чувашей – болгары (булгары) и сувары (савиры)» – алогично.

Исследователи истории этнического устройства чувашей обращали внимание на социальный термин *турхан*. П.К. Коковцев, А.П. Новосельцев, В.И. Абаев и А.В. Дыбо считают

его иранским заимствованием (согдийским *trχ'n*), обозначало оно понятия «судья», «переводчик», «титул» [Абаев 1979: 276–277; Дыбо 2006: 772]. Затем слово перешло в хазарский, тюркский и русский языки. Видимо, оно присоединилось к собственному имени. Например, как в Турции титул «паша». В Хазарии термин обозначал привилегированный класс [Новосельцев 1990: 117–119]. Присутствует он как антропоним, название селений, околотков и улиц, обозначает привилегированный класс, названия божеств и духов, топонимы, святилища. В Казанской губернии населенных пунктов с таким названием было 15. Из них одно селение татарское, одно черемисское, остальные все чувашские. Поэтому, как полагал А.И. Артемьев, сословие тарханов преимущественно состояло из чувашей [Артемьев 1866: LXXIV]. В современной Чувашской Республике населенные пункты под названием *Турхан* есть в Батыревском, Красночетайском, Шумерлинском, Цивильском, Моргаушском и других районах. Р.Г. Кузеев заметил, что этнонимы и топонимы с элементом *тархан* распространены почти на всей территории к западу от Алтая и Центральной Азии. В этногенетическом плане этноним *тархан* устанавливает связи между дунайскими болгарами, венграми, волжскими булгарами, чувашами и башкирами. «Контакты между этими образованиями могли иметь место на Северном Кавказе и в Приазовье, где образовались этнонимические параллели, перенесенные затем на Дунай и Волгу» [Кузеев 2010: 323]. Действительно, из работы Мовсеса Каланкатуаци «История страны Алуанк» узнаем, что у гунно-савиров в VII в. был титул *тархан* [Каланкатуаци 1984: 132].

Ибн Фадлан зафиксировал форму приветствия и оказания почтения у жителей Волжской Булгарии. Так, когда увидят проезжающего царя, то все снимают с головы шапки и кладут под мышки. Надевают шапки только тогда, когда царь проедет их. Точно так же поступают, когда имеют беседу с ним [Ибн Фадлан 1956: 136–137]. Аналогичное поведение имело широкое распространение у чувашей: в разных обрядовых ситуациях они, как правило, держали шапку под мышкой. Так поступали,

например, при обращении к *Киремет*, в обряде *чўклеме*, а также в семейных молениях. Как правило, шапка закладывается под левую мышку. Правило распространяется как на молении стоя, так и на молении в положении коленопреклонения. Желательно моельщику иметь хотя бы на время новую шапку. Естественно, речь идет только о мужчинах. Женщинам в особых случаях разрешается молиться, имея под мышкой шапку мужа. Если за хозяина молится другой человек, то он обязан под мышкой иметь шапку хозяина того дома, где проводится действие. Правой свободной рукой моельщик держит предметы жертвы (хлеб, сыр, мясо). Если перед молением присутствующим раздают в руки кусочки жертвенной еды, то и они повторяют жесты моельщика: под левую мышку мужчины закладывают шапки, правые ладони с полученными кусочками протягивают чуть вперед [Салмин 2010: 106].

В трудах Захария, Малалы, Феофана и Каланкатуаци отражены способы и формы клятвенных договоров гуннов и савиров в V–VII вв. Так, Феофан в сообщении от 522 г. указал, что царь гуннов Залгивин получил от Византии богатые дары. А Залгивин «отеческими клятвами скрепил договор об оказании военной помощи императору против персов» [Феофан 1980: 50]. Фраза «отеческие клятвы» здесь означает прочность данных слов, т.е. по традициям предков. Конечно, гунны у названных авторов не иначе, как савиры, ибо после Аттилы так называли именно их. Аналогичное мнение в литературе уже имеется [Гмыря 2008: 63, 66].

У гуннов была моногамная семья с сохранившимся обычаем левирата. Причины такого явления сводятся к экономическим основам. Не имеющие семьи родственники (сыновья, братья) считали долгом поправить положение, женившись на вдове и усыновив ее детей. Положение женщины в гуннском обществе в таком контексте не имело высокого статуса. В источниках не находим сообщений об участии женщин в важных общественных делах [Гмыря 1995: 213–215]. Пример с Боарикс – исключение, когда вдова великого князя, не оставившего сына, заняла место мужа. У чувашей, как и у многих народов, также имел место левират. Однако это была

моногамная семья с рудиментами левирата. Желу умершего брата мог взять младший брат. Другие формы левирата у чувашей не зафиксированы. Есть рассказы о сорорате в недавнем прошлом.

У Агафия Миринейского (середина V в.) и Мовсеса Каланкатуаци (вторая половина VII в.) имеются пассажи, из которых можно получить представление о похоронно-поминальной обрядности гунно-савиров. В частности, эти обряды характеризовались сильным воем, резанием себе щек ножами, поминальным плачем. Рудименты таких действий можно увидеть в традиционных обрядовых действиях чувашей [Салмин 2007: 280–354]. У гунно-савиров был обычай хоронить умерших обычной смертью людей в гробу, а погибших в бою – сжигать. Например, Аттилу, умершего в домашних условиях, хоронили в гробу. У чувашей способ кремации не зафиксирован. Однако имеются об этом глухие отзвуки. В том числе о родственниках, погибших на войне, чувашаи говорят: *Таврӑнман* «Не вернулся», иначе говоря, от его тела не осталось физических следов. Аналогично у гунно-савиров – «Улетел». Традиции погребений в ямах с подбоем характерны для равнинных районов Дагестана гуннских времен. В длинной стенке вырывался подбой, куда помещали труп, а также сопровождающий инвентарь, украшения, оружие и посуду [Гмыря 1980а: 167–169]. Должно быть, встречающиеся у чувашей могилы с подбоем [Салмин 2010: 187–190] имеют непосредственные связи с кавказскими традициями.

После монгольского похода на Волжскую Булгарию в юго-восточной части Чувашии осталось пепелище около 200 городищ и селищ. Вся эта территория превратилась в «дикое поле», используемое ногайскими ордами для кочевий. Оставшееся в живых население ушло в Заказанье, Приказанье и северные районы Чувашии. В результате монголо-татарского геноцида XIII–начала XV в. осталась лишь пятая часть предков чувашей [Димитриев 1994: 27]. Ужасный урон суварам, как и всему населению Поволжья, нанесла черная чума 1340–1350-х. Эти годы принесли депопуляцию, коллапс власти, анархию, упадок общей культуры. Утверждения Юлая Шамильоглу о

конце волжскобулгарского языка в годы черной чумы [Шамильоглу 2001: 18–19] одинаково верны и для суваро-чувашей.

Традиционная культура в широком смысле, как известно, хранит словарный состав, этикет, менталитет, жилище, пищу, одежду, религиозно-обрядовую сторону этноса. Все эти исконные элементы культуры в живом бытовании теперь можно встретить лишь в среде некрещеных до сих пор чувашей (в основном в Причеремшанье). Исследование их быта обещает наиболее плодотворные научно-практические результаты.

ВЫВОДЫ

В V в. до н.э. предки чувашей *саспирь* (*сапирь*) зафиксированы Геродотом в составе Персидской державы. Во II в. *саваров* зафиксировал Птолемей на Северном Кавказе ниже аорсов и пагиритов. В 20-х гг. VI в. они локализовались по Черноморскому побережью Кавказа. В конце IX – начале X в. Иованнес Драсханакертци описывает часть предков чувашей в армянских провинциях Ути и Чуаш. В 922 г. арабский писарь Ибн Фадлан видел *сувар* в Волжской Булгарии.

В начале VI в. предки чувашей савиры на Кавказе вовлекаются в персидско-византийские противостояния. Предводитель савиров Боарекс встает на сторону императора Юстиниана и закладывает основу для прививания христианства на землях гунно-савиров. К этому времени некоторые соседи савиров уже были христианами. Однако основная масса савиров еще продолжала совершать свои древние обряды. В 684 г. гунно-савиры формально были крещены епископом Алуанка Исраэлом. В 922 г. Волжская Булгария официально принимает ислам. Сувары уходят от болгар в правобережье Волги и сохраняют свои традиционные обряды и верования. В XIII в. суваро-чувашаи оказываются под мощным влиянием ислама. С XVI в. в чувашских краях набирает силу православие.

До монголо-татарского нашествия предки чувашей не были подвержены каким-либо серьезным влияниям ни тюрков, ни монголов. В надгробных надписях Волжской Булгарии еще сохраняется чувашский *p/l*-диалект. Работы В.В. Радлова и других лингвистов подтверждают идею о том, что чувашский язык первоначально не был тюркским, он стал тюркским со временем. С XIII–XIV вв. происходит кыпчакизация болгарского и суварского языков (например, переход звука *х* в *к*). Хотя предки чувашей и успели сформироваться в народ до полной тюркизации, кыпчакские и татарские элементы оставили в нем неизгладимые полосы.

В работе анализируется основная гипотеза происхождения и образования чувашского народа. Рассмотренные в работе племена Западной Евразии в той или иной степени увязаны друг с другом. Однако каждое из них прошло свой исторический путь. Генетически близкими племенами и наиболее тесными соседями предков чувашей до середины I в. н.э. были угры и иранцы, во II–V вв. – гунны. Затем – болгары, хазары, восточные финны, татары и русские. Согласно первоисточникам и с точки зрения автора этих строк, наиболее близкой к истине является савирская гипотеза происхождения чувашей. Вернее, савиры составили стержень и ядро предков чувашей. Тем не менее, современных чувашей невозможно назвать «чистыми» потомками савиров, ибо в антропологическом и языковом отношении, а также их обряды, верования и другие этнографические компоненты в процессе исторических взаимодействий в той или иной степени впитали компоненты всех соседствовавших племен.

Подавляющее большинство исследователей не хотят разменять свою репутацию на распутывание искаженной истории какого-либо народа. Поэтому авторы статей и монографий по истории, религии, этнографии и т.д., как правило, ограничивают работу хронологическими или тематическими рамками, опасаясь взять ответственность за не апробированные выводы. Так они страхуют себя от возможных ошибок и упреков. На этом фоне настоящий труд, охватывающий время и проблемы о конкретном народе «от» и

«до», – это огромный риск. По большому счету, невозможно с полной уверенностью назвать ни одну монографию по этногенезу того или иного народа, которой были бы довольны все исследователи. Видимо, так не бывает и не должно быть.

Исследователь истории и религии (любой – будь мировой или народной) загодя обречен под обстрел. Нападки могут быть и со стороны блюстителей государственной политики, и из уст ревностных сторонников мировых религий, и из среды сторонников древних традиций. Никто из них в целом не примет за истину манускрипт историка-этнографа, всего лишь систематизирующего истинную картину происходившего. Религия, язык, этнография, искусство, фольклор, лидеры племен и народов – вот цементирующие и определяющие этническое лицо факторы. Известно, что двуязычие предваряет ассимиляцию одного племени/народа другим. В плане традиционной культуры (например, в хозяйственно-культурном типе) могут быть взаимные влияния, обогащения и поглощения, но в любом случае народ не теряет свое исконное назначение. А вот двоеверие, тем более заимствование религии извне означают поворот этнического самосознания и становление на путь отрицания исконных ценностей, накопленных многовековым опытом предков. Поэтому период XVIII – начало XXI в. на фоне этнической истории не выглядят таким уж благополучным. Факты говорят в пользу того, что *састыры – сапыры – савары – савыры – сабыры – сувары* верно оценивали ситуации на своем стратегическом пути. Ушедшие в 922 г. на правобережье Волги сувары – это ядро предков современных чувашей, сумевшее на своем долгом историческом пути сохранить исконные традиции и избежать участи быть поглощенным исламской и православной культурами. Пройденный предками чувашей путь представляет собой историю поиска себя.

Любовь к своей истории, возведенная в слепой фанатизм, безоглядная идеализация и желание возвысить своих предков над предками других племен и народов сродни экстремизму. И вообще этничность может проявиться в разных ситуациях по-

разному. В одних случаях она помогает адаптироваться, в других – стать угрозой для целостности государства.

Любое исследование неполно, тем более посвященное почти невозможному – всестороннему изучению истории происхождения народа. Как и любой научный труд, сие сочинение нельзя считать завершенным. Хотя бы потому, что за рамками книги остались невовлеченными материалы, которые могут внести коррективы. Однако эти корреляции могут быть в отдельных параграфах, а не в заключительной части. Изложенные доводы опираются на достоверный корпус первоисточников и на труды ведущих исследователей.

Отказ от сибирской версии происхождения чувашей обусловлен нестыковкой пространственно-временных координат. Если даже отложим все предположения, относящиеся к событиям до нашей эры, то остаются сведения начала нашей эры. Это – свидетельства Птолемея (II в.), Элия Геродиана (III в.), Аммиана Марцеллина (IV в.), Приска, Прокопия и Стефана Византийского (V в.).

Источники и литература

Архивные источники

- РАН (архив РАН, г. Санкт-Петербург). Ф. 177. Оп. 1. 107.** – Радлов В.В. Смешанный словарь на карточках. Не опубликовано. Б.д. – 2888 л.
- РГИА. Ф. 470. Оп. 4. 111** – Гоф-интендантская контора Министерства Императорского двора: Дело № 3 по предложению Его Превосходительства генерала-лейтенанта и кавалера господина [В.В.] Фермора об определении в службу в Ее Величества канцелярию от строений из чуваш новокрещеного Петра Егорова в архитектурную науку. 1755 г. – 7 л.

Литература

- Абаев В.И.** Историко-этимологический словарь осетинского языка: Т. 3. – М.; Л.: Изд-во АН, 1979. – 358 с.
- Абдушлишвили М.Г.** Антропология древних и современных народов Кавказа / – Горизонты антропологии. – М.: Наука, 2003. С. 248–265.
- Адонц Николай.** Армения в эпоху Юстиниана. – Ереван: ЕГУ, 1971. – 528 с.
- Акимова М.С.** Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР // Краткие сообщения. Вып. 23 / Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. 1955. – С. 78–92.
- Акты**, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. 1: 1294–1598. – СПб.: Тип. II отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1836. – XV, 491, 12, 25, 4 с.
- Ал-Гарнати А.Х.** Путешествие в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). – М.: Наука, 1971. – 136 с.
- Алексеев В.П.** Антропологические данные к проблеме происхождения населения Центральных предгорий Кавказского хребта // Антропологический сборник. IV. – М.: Изд-во АН СССР, 1963. – С. 28–64.
- Алексеев В.П.** Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья: Археология и этнография Татарии. Вып. 1. – Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1971. – С. 232–271.
- Алексеев В.П.** Избранное. Т. 3: Историческая антропология и экология человека. – М.: Наука, 2008. – 614 с.; Т. 5: Происхождение народов Кавказа. – 2009. – 380 с.
- Алексеева Т.И.** Антропологический тип населения Чувашии // Краткие сообщения / Ин-т этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая АН СССР. XXIII. – М.: Изд-во АН СССР, 1955. – С. 93–100.
- Алексеева Т.И.** Очерк этнической антропологии чувашей // Актуальные аспекты антропологии. – Чебоксары: ЧГИГН. 2004. – С. 50–58.

Ал-Идриси. Отрада страстно желающего пересечь мир // Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. – М.: Восточ. лит., 2006. – С. 108–275.

Ал-Истахри Абу-Исхак. Книга путей и царств / пер. и примеч. Н.А. Караулова. – Тифлис: Канцелярия Главногоначальствующего гражданского частую на Кавказе, 1901. – 73 с.

Ал-Кайшари Махмуд. Дивāн Лугāt ат-Турк / пер., предисл. и коммент. З.-А.М. Ауэзова. Индексы Р. Эрмерс. – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 1288 с.

Ал-Куфи Абу Мухаммад. Книга завоеваний (Извлечения по истории Азербайджана VII–IX вв.) / Пер. с араб. З.М. Буниятова. – Баку: Элм, 1981. – 84 с.

Ал-Мукадаси. Лучшее разделение для познания климатов / пер. с араб., введ., коммент., указ., карта, таблица Н.И. Серикова // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. Вып. 2. – М.: Наука, 1994. – С. 268–334.

Аликберов А.К. Ранние хазары (до 652/653 г.), тюрки и Хазарский каганат // Хазары: миф и история. – М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2010. – С. 42–65.

Анфертьев А.Н. Комментарии к «Иордан. Getica» // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1 (I–VI вв.). – М.: Восточ. лит., 1994. – С. 98–160.

Аполлоний Родосский. Аргонавтика / изд. подг. Н.А. Чистяковой. – М.: Ладомир, 2001. – 235 с.

Артамонов М.И. История хазар. – Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. – 524 с.

Артемьев А.[И.] (ред.), казанская губерния: Список населенных мест по сведениям 1859 года. – СПб.: Центр. стат. Комитет МВД, 1866. – LXXX, 237 с.

Арутюнов С.А. Этногенез, его формы и закономерности // Этнополис. –1993. –№ 1. – С. 87–98.

Ат-Табари. История / пер. с араб. В.И. Беляева / дополнения к пер. О.Г. Большакова и А.Б. Халидова. – Ташкент: Фан, 1987. – 442 с.

Ахмеров Гайнетдин. Избранные труды: История Булгарии. История Казани. Этнические группы и традиции татар. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1998. – 240 с.

Ашмарин Н.И. Болгары и чувашаи. – Казань: Имп. ун-т, 1902. – 132 с.

Ашмарин Н.И. Об одном мусульманском камне на «Архирейской даче» в Казани. – Казань: Типо литогр. Имп. ун-та, 1905. – 23 с.

Ашмарин Н.И. Заметки по сравнительной грамматике тюркских народов. – Казань: Б.и., 1928. – 104 с.

Ашмарин Н.И. Словарь чувашского языка. Вып. XIII. – Чебоксары: Чувашгосиздат, 1937. – 320 с.

Ашурбейли Сара. Государство Ширваншахов (VI – XVI вв.). – Баку: Элм, 1983. – 344 с.

Багратуни Псевдо-Шапух. История анонимного повествования / пер., сост. и ред. М.О. Дарбинян-Меликян, М.О. Мелик-Оганджян. – Баку: Изд-во АН АрмССР, 1971. – 238 с.

Багрянородный Константин. Об управлении империей / введение Г.Г. Литаври. [Греч.] текст, пер., коммент. – М.: Наука, 1991. – 496 с., карта.

Баладзори. Книга завоевания стран / текст и перевод; пер. с араб. П.К. Жузе. – Баку: Об-во обследования и изучения Азербайджана, 1927. – 42, 1^а с.

Бартольд В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью, 1893/1894 гг. – СПб.: Имп. АН, 1897. – 151 с.

Бартольд В.В. История турецко-монгольских народов. – Ташкент: Казак. высш. пед. ин-т, 1928. – 35 с.

Бартольд В.В. Сочинения. Т. 5. – М.: Наука, 1968. – 757 с.; Т. 8. – 1973. – 723 с.

Баскаков Н.А. Тюркские языки. – М.: ЛКИ, 2008. – 242 с.

Белорыбкин Г.Н. Западное Поволжье в Средние века. – Пенза: ПГПУ, 2003. – 199 с.

Бенцинг Й. Языки гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология. Вып. 1. – М.: Наука, 1986. – С. 11–28.

Бермишева М., Тамбетс К., Виллемс Р., Хуснутдинова Э. Разнообразие гаплогрупп митохондриальной ДНК у народов Волго-Уральского региона России // Молекулярная биология. – 2002. – Т. 36, № 6. – С. 990–1001.

Большаков О.Г. Примечания // Ал-Гарнати Абу Хамид. Путешествие в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). – М.: Гл. ред. восточ. лит., 1971. – С. 62–83.

Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. – М.: Наука, 2000. – 540 с.

Булатов А.Б., Димитриев В.Д. Параллели в верованиях древних суваров и чувашей // Ученые записки. Вып. XXI. – Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1962. – С. 226–236.

Быков А.А. Из истории денежного обращения в Хазарии в VIII и IX вв. // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. Т. 3. – М.: Наука, 1974. – С. 26–71.

Вардан Великий. Всеобщая история / пер. Н. Эмин. – М.: Лазарев. ин-т восточ. яз., 1861. – 218 с.

Васильева Т.А., Петрова Н.В., Тимковская Е.Е., Ельчинова Г.И., Зинченко Р.А., Гинтер Е.К. Медико-генетическое изучение населения Республики Татарстан. Сообщение VI: Популяционно-генетическое изучение этногеографических групп татар (анализ девяти полиморфных ДНК-локусов ядерного генома) // Медицинская генетика. – Т. 12, № 5. 2013. – С. 3–20.

Витсен Николаас. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Т. 1. – Амстердам: Regasus, 2010. – XXIII, 621 с.

Гаджиев М.С. К этнокарте Северо-Западного Прикаспия в позднесарматский период (в контексте сообщения Хоренаци о походе хазир и басил в 216 году) // Нижневолжский археологический вестник. Вып. 11. – Волгоград: ВГУ, 2010. – С. 69–78.

Гадло А.В. Этническая история Северного Кавказа, IV–X вв. – ЛГУ, 1979. – 216 с.

Гевонд Вардапет. История халифов / пер. с армян. К. Патканьян. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1862. – [2], XII, 165, [3] с.

Газимзянов И.Р., Набиуллин Н.Г. Антропология населения Джукетау (по материалам Донауровского некрополя) // Ученые записки Казанского университета. Т. 153, кн. 3: Гуманитарные науки. – 2011. – С. 21–28.

Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии. – М.: МГУ, 1988. – 431 с.

Геродиан Элий. Об общей просодии // ВДИ. – 1948. – 2. – С. 257–263.

Геродот. История в девяти книгах / пер. и примеч. Г.А. Стратановского. – М.: Ладомир, 1993. – 600 с.

Главацкая Е.М. Религиозные традиции хантов, XVII–XX вв. – Екатеринбург; Салехард: АРТмедиа, 2005. – 360 с.

Гмыря Л.Б. «Царство гунов» (савир) в Дагестане в IV–VII вв. АДК. – СПб.: ИА АН СССР, 1980. – 20 с.

Гмыря Л.Б. Некоторые сведения о гуннах Дагестана // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. – Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР, 1980а. – С. 153–169.

Гмыря Л.Б. Страна гунов у Каспийских ворот: Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. – Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 1995. – 287 с.

Гмыря Л.Б. Явление двоеверия в среде несвободного населения «страны гунов» Прикаспия (VI–VII вв.) // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. – 2006. – № 1. – С. 3–16.

Гмыря Л.Б. Обретенная родина в представлениях номадов Прикаспийского Дагестана (IV–VII вв.) // Вестник Челябинского государственного университета. – № 18. – 2007. – С. 111–118.

Гмыря Л.Б. Клятводоговоры номадов Кавказско-Каспийского региона (V–VII вв.) // Известия Алтайского государственного университета. – 2008. – № 4/3. – С. 62–67.

Гмыря Л.Б. Правовые нормы в Хазарском каганате на раннем этапе истории (середина VII – первая треть VIII в.) // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. – 2012. – № 2. – С. 3–20.

Гмыря Л.Б. Височные привески как социальные маркеры у кочевников Западного Прикаспия (по материалам Паласасыртского курганного могильника IV–V вв.) // Краткие сообщения Института археологии. – Вып. 234. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – С. 25–42.

Головнёв А.В. Антропология движения: (Древности Северной Евразии). – Екатеринбург: Волот, 2009. – 496 с.

Гришкина М.В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI – первой половины XVIII века // Проблемы аграрной истории Удмуртии. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1988. – С. 20–40.

Гусейнов Г.-Р. А.-К. Происхождение названий города Дербента и топонимии его региона в контексте этноязыковой ситуации раннего Средневековья // Вопросы ономастики. – № 2. – 2014. – С. 54–67.

Давидович Е.А. Клады древних и средневековых монет в Таджикистане. – М.: Наука, 1979. – 436 с.

- Даль** В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 3. – М.: Рус. яз., 1982. – 556 с.
- Дестунис** Г.С. (пер. с греч., примеч.). Сказания Приска Панийского. – СПб.: Тип. АН, 1860. – 112 с.
- Дёрфер** Г. О языке гуннов // Зарубежная тюркология. Вып. 1. – М.: Наука, 1986. – С. 71–134.
- Джафаров** Ю.Р. Гунны и Азербайджан. – Баку: Элм, 1985. – 124 с.
- Димитриев** В.Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древнейших времен до середины XIX века. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. – 448 с.
- Димитриев** В.Д. История и национальные проблемы чувашского народа // Вестник Чувашской национальной академии. – 1994. – 2. – С. 26–33.
- Димитриев** В.Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. – Чебоксары: НАНИ ЧР, 2001. – 120 с.
- Димитриев** В.Д. Чебоксары: очерки истории города конца XIII–XVII века. – Чебоксары: ЧГИГН, 2003. – 180 с.
- Димитриев** В.Д. Землевладение служилых чувашей Свияжского уезда в середине XVII века // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. – М.: ИНИОН РАН, 2005. – С. 53–71.
- Димитриев** В.Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства: предыстория и история. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. – 190 с.
- Димитриев** В.Д. Фальсификация истории. URL: <http://chuvbolgari.ru/index.php/template/kultura-chuvashii/217-falsifikatsiya-istorii>.
- Дмитриева** Юдит, **Адягаши** Клара. Hungaro-Tschuvaschica: Аннотированный библиографический указатель исследований венгерских ученых XIX–XX вв. – Чебоксары: ЧГИГН, 2001. – 239 с.
- Доватур** А.И., **Каллистов** Д.П., **Шишова** И.А. Народы нашей страны в «Истории» Геродота: Тексты. Перевод. Комментарий. – М.: Наука, 1982. – 455 с.
- Дыбо** А.В. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. – М.: Наука, 2006. – С. 766–817.
- Дьяконов** И.М. Языки древней Передней Азии. – М.: Наука, 1967. – 492 с.
- Дьяконов** И.М. История Мидии от древнейших времен до конца IV века до н.э. – СПб.: Филол. фак-т СПбГУ, 2008. – 571 с.
- Дьяконов** М.М. Очерк истории Древнего Ирана. – М.: Изд-во восточ. лит. 1961. – 444 с.
- Егоров** В.Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. Ч. 1. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1954. – 240 с.
- Егоров** В.Г. Этимологический словарь чувашского языка. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 355 с.

Егоров В.Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. – 204 с.

Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. – М.: Наука, 1985. – 246 с.

Егоров Н.И. Узловые проблемы ранних этапов огуро-булгаро-чувашского этноглогтогенеза и современные проблемы алтаистики // Чувашский язык и современные проблемы алтаистики. – Ч. 1. – Чебоксары: ЧГИГН, 2009. – С. 29–33.

Егоров Н.И. Динамика формирования национальных концепций идентичности у татар и чувашей: от конфессионального к этнонациональному. – Чебоксары: ЧГИГН, 2012. – 52 с.

Ефимова С.Г. Краниология чувашей как исторический источник // Чуваш: актуальные аспекты антропологии. – Чебоксары: ЧГИГН, 2004. – С. 59–80.

Желтов П.В., Фомин Е.В., Луутонен Й. Обратный словарь чувашского языка. – Helsinki: SFO, 2009. – 344 с.

Забелин И.Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. – М.: Тип. Грачёва и К. 1876. – 1174 с.

Захарий Ритор. Хроника // Пигулевская Н.В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы / сост. Е.Н. Мещерская. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. – С. 570–597.

Златоверховников Иван (сост.) Уфимская епархия: географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк. – Уфа: Типолитограф. А.П. Зайкова, 1899. – VII, 332 с.

Ибн Са'ид ал-Магриби. Книга распространения земли в длину и ширину // Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: текст, перевод, комментарий. – М.: Восточ. лит., 2009. – С. 19–75.

Ибн Фадлан. Книга // Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: ст., пер. и коммент. – Харьков: Харьков. ун-т, 1956. – С. 119–148.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / пер., коммент., исслед., указатели и карты Н.М. Велихановой. – М.: Наука, 1986. – 527 с., карты.

Ивановский А.А. Население земного шара: опыт антропологической классификации. – М.: Тип. П.П. Рябушинского, 1911. – 6 с., 508 стб.

Иванчик А.И. Накануне колонизации: Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н.э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. – М.; Берлин: Палеограф, 2005. – 311 с.

Иованнес Драсханакертци. История Армении / пер. с древнеармян., вступ. ст. и коммент. М.О. Дарбинян-Меликян; авт. карт С.Т. Еремян. – Ереван: Советакан грох, 1986. – 400 с., 3 карты.

Исхаков Д.М. От средневековых татар к татарам Нового времени (этнополитический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). – Казань: Мастер Лайн, 1998. – 276 с.

Исхаков Д.М., Измайлов И.Л. Этнополитическая история татар в VI – первой четверти XV в. // Татары. – М.: Наука, 2001. – С. 41–100.

Каланкагуаци Мовсес. История страны Алуанк: (в 3 кн.) / пер. с древнеармян., предисл. и коммент. Ш.В. Смбатяна. – Ереван: Матенадаран, 1984. – 257 с.

Калинина Т.М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). – М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. – 288 с.

Карамзин Н.М. Полное собрание сочинений. Т. 1: История государства Российского / подг. текста и коммент. А.М. Кузнецова. – М.: Терра – Книжный клуб, 1998. – 576 с.

Касьян А.С., Сидельцев А.В. Хеттский язык // Языки мира: Реликтовые индоевропейские языки Передней Азии. – М.: Academia, 2013. – С. 26–75.

Каховский В.Ф. Происхождение чувашского народа: основные этапы этнической истории. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965. – 484 с.

Каховский В.Ф. Сувары и чувашаи // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. – Чебоксары: НИИ при СМ ЧАССР, 1972.–С. 200–217.

Книга Степенная царского родословия, содержащая историю российскую с начала оная до времен государя царя и великого князя Иоанна Васильевича. Ч. 2. – М.: Имп. ун-т, 1775. – 298 с.

Книга Степенная царского родословия, содержащая историю российскую с начала оная до времен государя царя и великого князя Иоанна Васильевича. Ч. 2. – М.: Имп. ун-т, 1775. – 298 с.

Ковалевский А.П. Чувашаи и булгары по данным Ахмеда ибн Фадлана. – Чебоксары: ЧНИИ, 1954. – 64 с.

Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг.: ст., пер. и коммент. – Харьков: Харьков. ун-т, 1956. – 347 с.: 1 л. ил.

Козинцев А.Г., Моисеев В.Г. Об антропологическом своеобразии уралоязычных народов: сопоставление данных краниоскопии и краниометрии // Этнографическое обозрение. – 1995. – № 4. – С. 81–88.

Комар Алексей. Кочевники Восточной Европы VI–IX вв. // Тюркское наследие Евразии VI–VIII вв. – Астана: Kul Tegin, 2008. – С. 191–216.

Комар А.В. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (вопросы межэтнических контактов межкультурного взаимодействия). – Самара: Офорт, 2010. – С. 169–199.

Коновалова И.Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. – М.: Восточ. лит., 2006. – 328 с.

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: майкопско-новосвободненская общность, проблемы внутренней типологии. – М.: Наука, 2004. – 241 с.

Кореневский С.Н. Историко-культурные процессы в Предкавказье в отражении поселенческих и погребальных памятников в свете аналогий с

югом и севером в эпоху урукской культуры (обзор аспектов темы) // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. – М.: ИА РАН, 2014. – С. 67–69.

Котович В.Г. О местоположении раннесредневековых городов Варачана, Беленджеря и Таргу // Древности Дагестана. – Махачкала: ИИЯЛ, 1974. – С. 182–196.

Крадин Н.Н. Империя хунну. – М.: Логос, 2001. – 312 с.

Краснов Ю.А. Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // СА. – 1974. № 3. – С. 112–124.

Ксенофонт. Киропедия / изд. подг. В.Г. Борухович и Э.Д. Фролов. – М.: Ладомир, 1993. – 335 с.

Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. – Уфа: АН РБ, 2010. – 560 с.

Кутуев И.А. Генетическая структура и молекулярная филогеография народов Кавказа. АДД. – Уфа: Ин-т биохимии и генетики УНЦ РАН, 2010. – 46 с.

Кутуев И.А., **Литвинов** С.С., **Хусайнова** Р.И., **Юнусбаев** Б.Б., **Виллемс** Р., **Хуснутдинова** Э.К. Генетическая структура и молекулярная филогеография популяций Кавказа по данным Y-хромосомы // Медицинская генетика. – Т. 9. – № 3. – 2010. – С. 18–25.

Кутуев И.А., **Хуснутдинова** Э.К. Генетическая структура и молекулярная филогеография народов Евразии. – Уфа: Гилем, 2011. – 239 с.

Кызласов И.Л. Серебряные монеты с легендами кубанского рунического письма // Проблемы археологии Кавказа. Вып. 1. – М.: Таус, 2012. – С. 226–246.

Лепёхин Иван. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 годах. – СПб.: Имп. АН, 1771. – IV, 538 с., 23 табл.

Лызлов Андрей. Скифская история. Ч.1. – М.: Тип. Компании типографской, 1787. – 206 с.

Магницкий В.К. Чувашские языческие имена. – Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1905. – 101 с.

Маенхен-Гельфен Отто Дж. Мир гуннов: исследования истории и культуры / пер. с англ. В.С. Мирзаянова. – Казань: Слово, 2010. – 528 с.

Марр Н.Я. Избранные работы. Т. 5. – М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. – XXI, 668 с.

Менандр Византиец // Византийские историки. Пер. с греч. Спиридона Дестуниса. Примеч. Гавриила Дестуниса. – Рязань: Александрия, 2003. С. 229–335.

Меркулов И.П. Гипотеза // Новая философская энциклопедия. Т. 1: А–Д. – М.: Мысль, 2010. – С. 528–529.

Мерперт Н.Я. Кочевые племена в степной полосе Восточной Европы // Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР III–IX вв. – М.: Изд-во АН СССР, 1958. – С. 551–569.

Миллер Б.В. (сост.) Персидско-русский словарь. – М.: ГИИНС, 1953. – 668 с.

Миллер Г.Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. – СПб.: Имп. АН, 1791. – VIII, 99, II с.: 8 л. ил.

Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов. – М.: Памятники историч. мысли, 2009. – 454 с.

Михайлов Е.П., **Березина** Н.С. (отв. ред.) Археологическая карта Чувашской Республики. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2013. – 304 с.

Моисеев В.Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. – СПб.: Наука, 1999. – 134 с.

Мокшин Н.Ф. Мордовское название чувашей // Советское финно-угроведение. Т. 14. 1978. № 4. – С. 281–282.

Молодин В.И. Бараба в эпоху бронзы. – Новосибирск: Наука, 1985. – 200 с.

Мустафина Д.А., **Амерханова** Э.И., (подг. к изд.) Казанские документы 1649–1675 гг. – Казань: КГУ, 2008. – 136 с.

Мутафян Клод, **Лёв** Эрик ван. Исторический атлас Армении: Ближний Восток и Южный Кавказ с VIII века до Р.Х. до XXI века. – М.: Ключ-С, 2012. – 143 с.

Мухамадеев Алмаз. Объединительная политика Алмыша и суварский фактор // Эхо веков. – 2014. – № ¾. – С. 3–10.

Мухамадиев Азгар. Новый взгляд на историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды. – Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. – 159 с., ил.

Мухаммед-Аваби Акташи. Тарихи Дербенд-наме (с 9 приложениями) / пер. и ред. М. Алиханова-Аварского. – Тифлис: Тип. Я.И. Либермана, 1898. – 192 с.

Наделяев В.М., **Насилов** Д.М., **Тенишев** Э.Р., **Щербак** А.М. (ред.) Древнетюркский словарь. – Л.: Наука, 1969. – XXXVIII, 676 с.

Напольских В.В. Введение в историческую уралоистику. – Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1997. – 268 с.

Напольских В.В. Общетюркское числительное «семь» в евразийском контексте // Сибирские татары. – Тобольск: ТГИАМЗ, 1998. – С. 48–49.

Невоструев К.И. Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. – Казань: Имп. ун-т, 1877. – 88 с.

Немет Ю. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // Вопросы языкознания. – 1963. – № 6. – С. 126–136.

Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. – М.: Наука, 1990. – 263 с.

Патканов К.П. (пер., примеч. и изд.) Армянская география VII века по Р.Х. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1877. – XXVIII, 84, 26, 2 карты.

Петросян А.Е. Этногенез // Армяне. – М.: Наука, 2012. – С. 42–49.

Петрухин В.Я., **Раевский** Д.С. Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 415 с.

Пигулевская Н.В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // ВДИ. – №1. – 1939. – С. 113–115.

Пиотровский Б.Б. Ванское царство (Урарту). – М.: Изд-во восточ. Лит., 1959. – 284 с., ил.

Полное собрание русских летописей. Т. 6: Софийские летописи. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1853. – 361 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 6, вып. 2: Софийская вторая летопись. – М.: Языки рус. культуры, 2001. – VIII. – 446 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 8.VII: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. – СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1859. – X, 302 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). – М.: Языки рус. культуры, 2000. – VI. – 266 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). – М.: Языки рус. культуры, 2000. – VIII. – 532 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 18: Летопись Симеоновская. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1913. – 316 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 20: Львовская летопись. Ч. 1. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1910. – IV. – 418 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 20: Львовская летопись. Ч. 2. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1914. – С. 420–686.

Полное собрание русских летописей. Т. 22: Русский хронограф. Ч. 1: Хронограф редакции 1512 года. – СПб.: Тип. М.А. Александрова, 1911. – 578 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 29: Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. – М.: Знак, 2009. – 389, 7 с.

Полное собрание русских летописей. Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. – М.: Наука, 1968. – 263 с.

Полунин Ф.А., **Миллер** Г.Ф. Географический лексикон Российского государства, или Словарь // Географический лексикон Российского государства. – М.: Янус-К, 2012. – С. 34–489.

Почешхова Э.А. Генофонд народов Западного Кавказа среди регионов Евразии (по данным о диаллельных ДНК-маркерах) // Молекулярная генетика. Т. 6. – № 9. 2007. – С. 16–22.

Приск Панийский. Сказания / пер. Г.С. Дестуниса. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1860. – 112 с.

Прицак Омелян. Киевское письмо – подлинный документ хазарских евреев Киева: Раздел Б // Голб Норман и Прицак Омелян. Хазарско-еврейские документы X века. – Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2003. – С. 53–98.

Прокопенко Ю.А. К вопросу о связях населения Центрального Предкавказья в IV–III вв. до н.э. // Историко-археологический альманах. № 4. – Армавир: Армавир. краевед. музей, 1998. – С. 37–46.

Псевдо-Орфей. Поход аргонавтов // ВДИ. 1948. – № 3. – С. 267–271.

Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. 2, ч. 2. – СПб.: Изд-во Имп. АН, 1899. – 1814, 64 с.; Т. 3. – 1905. – 2204, 98 с.

Рона-Таш А. От Урала до Карпатского бассейна: (Новые результаты исследований по ранней истории венгров) // Алтаистика и тюркология. 2011. – № 4 (4). – С. 131–139.

Саидов В.А. Предметы вооружения населения Паласа Сыртской возвышенности в IV–V вв. (по материалам погребений) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. 2014. № 2: 21–25.

Салмин А.К. Система религии чувашей. – СПб.: Наука, 2007. – 654 с., вкладка.

Салмин А.К. Традиционные обряды и верования чувашей. – СПб.: Наука, 2010. – 241 с.

Салмин А.К. (подг. к печати) Традиционная культура чувашей: тексты (Материалы научного архива Чувашского государственного института гуманитарных наук). – СПб.: Филфак СПбГУ, 2014. – 358 с.

Салмин А.К. Краткая история болгар // Вестник Томского государственного университета. – № 395. – 2015. – С. 116–122.

Семёнов И.Г. К локализации савир (по данным «Армянской географии» VII в.) // Северный Кавказ и кочевой мир степей Евразии. – Ставрополь: СГУ, 2001. – С. 82–84.

Семёнов И.Г. Восточнокавказские этнонимы в раннесредневековых армянских источниках // Восток (Oriens). – 2012. – № 5. – С. 27–38.

Семёнов И.Г. Основные этапы миграций огурских племен в Юго-Восточную Европу // Тюркологический сборник. – 2011–2012. – М.: Наука, 2013. – С. 333–351.

Семёнов И.Г. Место правителя восточнокавказских гуннов в иерархии государства европейских гуннов (по данным «Истории страны Алуанк'») // Краткие сообщения Института археологии. Вып. 234. – М.: Языки славянской культуры, 2014. – С. 43–54.

Скворцов М.И. (ред.). Чувашско-русский словарь. – М.: Рус. яз., 1985. – 712 с.

Скржинская Е.Ч. (вступ. ст., пер., коммент.) Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. – СПб.: Алетейя, 2001. – 512 с.

Слово о погибели Русской земли после смерти великого князя Ярослава // Изборник (Сборник произведений литературы Древней Руси) / сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачёва. – М.: Худож. лит., 1969. С. 236–327, 738–739.

Смирнов А.П. Волжские болгары. – М.: ГИМ, 1951. – 375 с., 18 табл., 1 карта.

Смирнов А.С. Землевладение и хозяйство инородцев Казанского уезда во второй половине XVI – начале XVII века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2014. № 3 (1). – С. 186–193.

Спарпет Смбат. Летопись / пер. с древнеармян., предисл. и примеч. А.Г. Галстяна. – Ереван: Айастан, 1974. – 197 с.

Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда: Письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 гг.). – Казань: Имп. ун-т, 1909. – XIII, 143 с.

Спицын В.А., Бацевич В.А., Ельчинова Г.И., Кобылянский Е.Д. Генетическое положение чувашей в системе финно-угорских и тюркоязычных народов // Генетика. – Т. 45, № 9. – 2009. – С. 1270–1276.

Старостин С.А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. Т. LXXX. – М.: Наука, 1988. – С. 112–163.

Стеблин-Каменский И.М. (пер. с авест., вступ. ст., коммент. и прил.) Гаты Заратустры. – СПб.: Петербург. востоковед., 2009. – 192 с.

Степанов Р.Н. (сост.) Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов: публикация текстов. – Казань: КГУ, 1978. – 240 с.

Стефан Византийский. Описание племен / пер. П.И. Прозорова; коммент. В.В. Латышева // Вестник древней истории. – 1948. – № 3. – С. 312–330.

Страбон. География: в 17 кн. – М.: Ладомир, 1994. – 940 с.

Стритгер Иван. Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов. Ч. 2: О тотфах, вандалах, гепидах, ерулах, уннах и о аvaraх. – СПб.: Имп. АН, 1771. – 166 с.

Таймасов Л.А. К этнической истории чувашского народа: савиры (сувары) на Северном Кавказе во II–VIII вв. // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. Вып. 2. – Чебоксары: ЧГИГН, 2001. – С. 7–33.

Таймасов Л.А. Сувары // Чувашская энциклопедия. 4: Си-Я. – Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. – С. 140–141.

Тер-Саркисянц А.Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. – М.: Вост. лит., 2008. – 686 с., ил., карты.

Терюков А.И. История этнографического изучения народов коми. – СПб.: МАЭ РАН, 2011. – 514 с.

Тихонов А.Г. Опыт реконструкции физического типа средневекового населения Поволжья по остеологическим данным // Горизонты антропологии. – М.: Наука, 2003. – С. 218–222.

Тревер К.В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н.э. – VII в. н.э. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. – 392 с.

Трофимова Н.В., Литвинов С.С., Хусанова Р.И., Пенкин Л.Н., Ахметова В.Л., Ахатова Ф.С., Хуснутдинова Э.К. Генетическая характеристика популяций Волго-Уральского региона по данным об изменчивости Y-хромосомы // Генетика. Т. 51, № 1. 2015. – С. 120–127.

Трофимова Т.А. Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей // СЭ. 1950. – № 3: 54–65.

Умняков И.И. Самая старая турецкая карта мира // Труды Самаркандского государственного педагогического института. – Т.1, вып.1. – 1940. – С. 103–131.

Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. – М.: Наука, 1984. – 216 с.

- Фахрутдинов Р.** Мелодия камней. – Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. – 224 с.
- Федотов М.Р.** Этимологический словарь чувашского языка. – Т. 2. – Чебоксары: ЧГИГН, 1996. – 511 с.
- Феофан** Исповедник. Хронография. / пер. и коммент. И.С. Чичурова // Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. – М.: Наука, 1980. – С. 24–144. – Текст на др.-греч. и рус. яз.
- Фёдоров Я.А.** Хазария и Дагестан // Кавказский этнографический сборник. – Ч. 5. – М.: Наука, 1972. – С. 18–40.
- Фёдоров Я.А., Фёдоров Г.С.** Ранние тюрки на Северном Кавказе: (Историко-этнографические очерки). – МГУ, 1978. – 296 с.
- Фёдоров-Давыдов Г.А.** Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. № 111. – М.: Изд-во АН СССР, 1962. – С. 49–89.
- Фукс Александра.** Записки о чувашах и черемисах Казанской губернии. – Казань: Казан. ун-т, 1840. – 329 с.
- Фукс К.** История города Казани: из русских и татарских летописей. – Казань: Умид, 1914. – VII, 23 с.
- Хамидуллин Салават.** «Исчезнувший» народ чуваша в этнологическом конструктивизме // Ватандаш. Уфа, 2015. – № 1. – С. 48–59.
- Хаттори С.** О формировании татарского и чувашского языков // Вопросы языкознания. —1980. – № 3. – С. 86–94.
- Хачикян М.Л.** Хуррито-урартские языки //Языки мира: Древние реликтовые языки Передней Азии. – М.: Academia, 2010. – С 118–126.
- Хачикян М.Л.** Хурритский язык // Языки мира: Древние реликтовые языки Передней Азии. – М.: Academia, 2010а. – С. 126–149.
- Хачикян М.Л.** Урартский язык // Языки мира: Древние реликтовые языки Передней Азии. – М.: Academia, 2010б. – С. 149–168.
- Хоренский Моисей.** Армянская география VII века по Р.Х. (приписываемая Моисею Хоренскому) / текст и пер. с присовокуплением примеч. издал К.П. Патканов. – СПб.: Тип. Имп. АН, 1877. – XXVIII, 84, 26, 2 карты.
- Хуснутдинова Э.К.** Этногеномика // Вавиловский журнал генетики и селекции. – Т. 17, № 4/2. – 2013: 943–956.
- Хуснутдинова Э.К., Кутуев И.А., Хусаинова Р.И., Юнусбаев Б.Б., Юсупов Р.М., Виллемс Р.** Этногеномика и филогенетические взаимоотношения народов Евразии // Вестник Вавиловского журнала генетики и селекции. – Т. 10. – № 1. – 2006. – С. 24–40.
- Хуснутдинова Э.К., Лимборская С.А.** Этногеномика // Геномика – медицине. – М.: Академкнига, 2005. – С. 312–348.
- Хуснутдинова Э.К., Литвинов С.С., Кутуев И.А., Юнусбаев Б.Б., Хусаинова Р.И., Ахметова В.Л., Ахатова Ф.С., Метспалу Э., Роотси С., Виллемс Р.** Генофонд этнических групп Кавказа по данным комплексного исследования Y-хромосомы, митохондриальной ДНК и полногеномного анализа // Генетика. – Т. 48. № 6. – 2012. – С. 750–761.

Чекалин Ф.Ф. Нижнее Поволжье по карте космографа XV в. Фра Мауро // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т. 2, вып. 2. – Саратов, 1890. С. 247–251.

Чекалова А.А. (пер. с греч., вступит. ст., примеч.). Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. – М.: Алетея, 1998. – 544 с.

Чеченов И.М. К вопросу о ранних этапах тюркизации Центральнокавказского субрегиона // Е.И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. – М.: ИА РАН, 2014. – С. 288–290.

Чистякова Н.А. Сказание об аргонавтах, его история и поэма «Аргонавтика» Аполлония Родосского // Аполлоний Родосский. Аргонавтика / изд. подг. Н.А. Чистякова. – М.: Ладомир, 2001. – С. 141–175.

Чичуров И.С. Византийские исторические сочинения. – М.: Наука, 1980. – 215 с.

Шамильоглу Юлай. Направления в исследовании Золотой Орды // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды): от Калки до Астрахани, 1223–1556. – Казань: ИИ АН РТ, 2001. – С. 15–29.

Шевченко Ю.Ю. Культура болгар-савиров и древнерусских северян: к проблеме происхождения // Пространство культуры в археолого-этнографическом измерении: Западная Сибирь и сопредельные территории. – Томск: Изд-во ТУ, 2001. – С. 217–220.

Шнирельман В.А. Идентичность и образы предков: татары перед выбором // Вестник Евразии. – 2002. – № 4. – С. 128–147.

Шпак Л.Ю., **Славолюбова** И.А., **Юдина** А.М. Особенности изменчивости пальцевых узоров народов Волго-Камского региона // XI Конгресс антропологов и этнологов России: сборник материалов. – М.; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. – С. 162.

Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров: проблемы этнического самосознания. – М.: РОССПЭН, 1997. – 512 с.

Щербак А.М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. – СПб.: Наука, 1994. – 192 с.

Юсупов Р.М. Антропологический состав башкир и его формирование // Башкиры: этническая история и традиционная культура. – Уфа: Башкир. энцикл., 2002. – С. 21–44.

Яковлев А.И. (науч. ред.). Документы и материалы по истории Мордовской АССР. – Т. 1, ч. 2: Социально-экономические отношения в Казанском крае, Саранском и Темниковском уездах XVII в. – Саранск: Мордов. гос. изд-во, 1950. – 583 с.

Agathiae Myrinaei. Historiarum libri quinque. Ἱστοριῶν. – Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1828. – XXXVII, 420 p.

Al-Masûdî. Kitâb at-tanbîh wa'l-ischrâf. – Leiden: E.J. Brill, 1894. – 564 p.

Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte. Lateinisch und Deutsch und mit einem kommentar versehen von Wolfgang Seyffarth. Dritter Teil. Buch 22–25. – Berlin: Akademie-Verlag, 1970. – 255 S.

Apollonii Rhodii Argonautica. Recogn. brevique adnot. crit. instrvxit Hermann Fränkel. – Oxonii e tip. Clarendonoano, 1986. – XXIV, 267 p.

Apollonius Rhodius. The Argonautica. Tr. into English prose from the text of R. Merkel by Edward P. Coleridge. – L.: G. Bell & sons, 1889. – XXVI, 209 p.

Cedrenus Georgius. Ioannis Scylitzae ope ab Immanuele Bekkero suppletus et emendates. T.I: Historianum Compendium. – Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1838. – XVIII, 802 p.

Doerfer Gerard. Zur Sprache der Hunnen //Central Asiatic Journal. Vol. XVII, N 1. Wiesbaden, 1973. – P.1–50.

Dunlop D.M. The history of the Jewish Khazars. – Princeton Univ. Press, 1954. – XV, 293 p.

Georgi J.G. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Serkwürdigkeiten. 2 Bd. Ausgabe 1. – St. Petersburg: C.W. Müller, 1776. – XII, 530 S., 95 Taf.

Golden Peter B. Khazar studies: An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Vol. 1. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980. – 291 p.

Golden Peter B. The peoples of the Russian forest belt //The Cambridge History of Early Inner Asia. – Cambridge Univ. Press, 2008. – P. 229–255.

Golden Peter B. The peoples of the south Russian steppes //The Cambridge History of Early Inner Asia. – Cambridge Univ. Press, 2008a. – P. 256–284.

Golden Peter B. Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. Ed. by Cătălin Hriban. – București: Editura Academiei Române, 2011. – 424 p.

Golden Peter B. Some Notes on the Etymology of *Sabir* //KOINON ΔΩΡON: Сборник статей к 60-летию В.П. Никонорова. – СПб.: Филфак СПбГУ, 2013. – С. 49–55.

Golden Peter. Some Notes on the Avars and Rouran //The Steppe Land and the World Beyond them. – Iași: Editura Univ., 2013a. – P. 43–66.

Graf Orion M., **Johnson** Stephen M., **Mitchell** John, **Wilcox** Stephen, **Livshits** Gregory and **Crawford** Michael H. Analysis of Chuvash mtDNA points to Finno-Ugric origin // American Journal of Physical Anthropology. – Vol. 147. – Issue Supplement 54. – 2012. – P. 17–67.

Guilielmi Dindorfii Grammatici Graeci. Vol. I: HERODIANUS NEPI ΜΟΝΗΡΟΥΣ ΛΕΞΕΩΣ. V ARIETAS LECTIONS AD ARCADIUM. FAVORINI ECLOGAE. – Lipsiae: In Libraria Kuehniana, 1823. – XXXIV, 443 p.

Hérodote Histoires. Livre I: Clío. Texte établi et traduit par Ph.-E. Legrand. – Paris: Les Belles Lettres, 1995. – 209 p.; Livre III: Thalie. 1967. – 189 p.; Livre IV: Melpomène. 1985. – 202 p.; Livre V: Terpsichore. 1989. – 150 p.

Iordanis de Getarum sive Gothorum origine et rebus Gestis. Recognovit, annotatione critica instruxit et cum varietate lectionis adidit Carol. Aug. Closs. – Stuttgartariae: Impensis Eduardi Fischhaber, 1861. – XII, 227 p.

Kim Hyun Jin. The Huns, Rome and the birth of Europe. – Cambridge: CUP, 2013. – VIII, 338 p.

Malalas Joannes Chronographia. – Bonnae: Impensis E.D. Weberi, 1831. – LXXVIII, 798 p.

Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840-940). – Leipzig: Theodor Weicher, 1903. – L, 557 S.

Menandri Protectoris Ex Historia //Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. Editio emendatior et copiosior, consilio B.G. Niebuhrii C.F. P. I. – Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829: 279–444.

Németh Gyula. Szabirok és magyarok //Magyar Nyelv. XXV. Budapest, 1929. – P. 81–88.

Németh Gyula. A honfoglaló magyarság kialakulása. Közzéteszi Berta Árpád. – Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. – 399 p.

Prisci Historica //Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. Editio emendatior et copiosior, consilio B.G. Niebuhrii C.F. P. I. – Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829. – P. 156–229.

Prisci Panitae Fragmenta. A cura di Fritz Bormann. – Firenze: Le Monnier, 1979. – LVI, 207 p.

Procopii Caesariensis Opera omnia. Recognovit Jacobus Haury. Vol. I: De bellis libri I-IV. – Lipsiae: In aedibus B.G. Teubneri, 1905. – LXIV, 552 p.; Vol. II: De bellis libri V-VIII. 1905a. – II, 678 p.

Ptolemaei Claudii Geographia. T. I. – Lipsiae: Simptibus et typis Caroli Tauchnitii, 1843. – XXIV, 284 p.

Róna-Tas András. A honfoglaló magyar nép. – Budapest: Balassi, 1996. – 412 p.

Róna-Tas András. Nutshell Chuvash URL: // <http://www.2.lingfil.uu.se/afroturkiskasparakIP2007NUTSHELLCHUVASH.pdf.pdf>

Salmin Anton. Savirs – Bulgars – Chuvash. Ed. Peter Golden. – Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2014. – 147 p.

Stephani Byzantii. Ethniconvm. T. I. – Berolini: Impensis G. Reimeri, 1849. – VI, 818 p.

Strabon. Géographie. T. IX. Livre XII. – 1981. – VIII, 251 p., maps.

Theophylacti Simocattae Historiae. Ed. Carolvs de Boor. – Lipsiae: I Aedibvs B.G Tevbneri, 1887. – XIV, 438 p.

Yunusbayev Bayazit, **Metspalu** Mait, **Järve** Mari, **Kutuev** Ildus, **Rootsi** Siiri, **Metspalu** Ene, **Behar** Doron M., **Varendi** Kärt, **Sahakyan** Hovhannes, **Khusainova** Rita, **Yepiskoposyan** Levon, **Khusnutdinova** Elza K., **Underhill** Peter A., **Kivisild** Toomas and **Villems** Richard. The Caucasus as an asymmetric semipermeable barrier to ancient human migrations //Molecular Biology and Evolution. Vol. 29. N 1. 2012. – P. 359–365.

Zimonyi István. Medieval Nomads in Eastern Europe: Collected Studies. – Bucureşti: Brăila, 2014. – 399 p.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	3
Савирская гипотеза.....	9
Этнонимика.....	9
История.....	27
География.....	46
Этногеномика.....	58
Антропология.....	63
Археология.....	69
Религия.....	76
Язык.....	79
Этнография.....	90
Выводы.....	106
Источники и литература	110

Чувашский государственный институт гуманитарных наук

Научное издание

САЛМИН Антон Кириллович

ИСТОРИЯ ЧУВАШСКОГО НАРОДА
Савирская гипотеза

Редактор *Т.Н. Таймасова*
Корректор *Г.И. Алимасова*
Оригинал-макет *Д.И. Белова*

Подписано к печати 22.01.2016. Формат 60 x 90^{1/16}
Печать оперативная. Бумага офсетная. Гарнитура Times
Физ. печ. л. 7,09 а.л. Уч.-изд. л. 6,5 а.л.
Заказ № 1. Тираж 300 экз.

Отпечатано в РИО БНУ
«Чувашский государственный институт гуманитарных наук»
428015, г. Чебоксары, Московский пр., д. 29. корп. 1